

Библиотека „Просвѣщенія“

- № 1. **Карль Марксъ.** Нищета философи. Отвѣтъ на „*софію нищеты*“ Прудона. Съ предисловіемъ Фр. Энг.
Цѣна 39 коп.
- № 2. **В. Зомбартъ.** Рабочій вопросъ.
Цѣна 27 коп.
- № 3. **Н. Сувиловъ.** Государствен. страхов. рабочихъ въ Герм.
Цѣна 49 коп.
- № 4. **Большіе города,** ихъ общественное, политическое и э.
мическое значеніе.
Сборникъ статей проф. К. Бюхера, проф. Г. М.
Г. Зиммеля, Г. Бендига, Т. Петермана и Д. Шед.
Цѣна 44 коп.
- № 5. **А. Менгеръ.** Право на полный продуктъ труда.
Цѣна 30 коп.
- № 6. **Францъ Мерингъ.** Объ историческомъ материализмѣ.
Цѣна 15 коп.
- № 7. **П. Гере.** Какъ священникъ сталъ соціаль-демократомъ.
Цѣна 6 коп.
- № 8. **Т. Курти.** Всенародное голосованіе въ Швейцаріи.
Цѣна 7 коп.
- № 9. **Грейлихъ.** Буржуазная революція и освободительная бо.
рабочаго класса.
Цѣна 8 коп.
- № 10. **Э. Зеллиманъ.** Экономическое пониманіе исторіи.
Цѣна 17 коп.
- № 11. **А. Менгеръ.** Гражданское право и неимущіе классы.
Цѣна 45 коп.
- № 12. **А. Бебель.** Шарль Фурье. Его жизнь и ученіе.
Цѣна 42 коп.
- № 13. **Ш. Боржо.** Учрежденіе и пересмотръ конституцій
Европы и Америки; вып. I.
Цѣна 35 коп.
- № 14. **Ш. Боржо.** Учрежденіе и пересмотръ конституцій
Европы и Америки; вып. II.
Цѣна 35 коп.
- № 15. **П. Стрѣльскій.** Самоорганизация рабочаго класса.
Цѣна 50 коп.
- № 16. **Францъ Мерингъ.** Исторія германской соц-дем.; вып. I.
Цѣна 35 коп.
- № 17. **Э. Виллей.** Какъ производятся въ Западной Европѣ вы.
боры въ парламентъ.
Цѣна 15 коп.
- № 18. **К. Марксъ.** Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850.
Цѣна 25 коп.
- № 19. **В. Вейтлингъ.** Человѣчество, каково оно есть и какимъ
оно должно быть.
Цѣна 12 коп.
- № 20. **Л. Мовичъ.** Великое Учредительное Собраніе 1789 года.
Цѣна 45 коп.
- № 21. **А. Шеффле.** Квинтъ-эссенція социализма.
Цѣна 18 коп.
- № 22. **Лиссагаръ.** Исторія Коммуны; вып. I.
Цѣна 60 коп.

801-17
1624
Библиотека „Просвѣщенія“.

**Соціальная реформа
или
революція?**

Соч. Розы Люксембургъ

Переводъ съ нѣмецкаго М. Розенберга.

813/VIII-34D

С.-Петербургъ. [1902]

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
7 рота, собствен. д. 20.

2011119949

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“.
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

	СТР.
Предисловіе	1
I часть	
1. Методъ Бернштейна	5
2. Приспособленіе капитализма	11
3. Осуществленіе социализма путемъ социаль- ныхъ реформъ	23
4. Таможенная политика и милитаризмъ	31
5. Общій характеръ теории и ея практиче- скіе выводы	38
II часть	
1. Экономическое развитіе и социализмъ	49
2. „Хозяйственная“ и политическ. демократія	60
3. Завоеваніе политической власти	73
4. Соціальныи переворотъ	85
5. Оппортунизмъ въ теории и практикѣ	90
Приложеніе. Милиція и милитаризмъ	98

Предисловіе.

Заглавіе этой книги можетъ съ перваго взгляда поразить читателя. „Соціальная реформа или революція?“ Развѣ социаль-демократія можетъ быть противъ социальной реформы? Развѣ она можетъ социальную революцію, этотъ переворотъ существующаго строя, составляющій ея конечную цѣль, — противопоставлять социальной реформѣ? Конечно, нѣтъ. Повседневная практическая борьба за социальныя реформы, за улучшение положенія рабочаго народа еще на почвѣ существующаго строя, за демократическія учрежденія — все это составляетъ для социаль-демократіи единственный путь для веденія пролетарской классовой борьбы, для работы за торжество конечной цѣли: захвата политической власти и уничтоженія системы наемнаго труда. Неразрывная связь существуетъ для социаль-демократіи между социальной реформой и социальной революціей; борьба за социальную реформу есть средство, социальный переворотъ — цѣль.

Противопоставленіе этихъ двухъ моментовъ рабочаго движенія мы находимъ впервые въ теоріи Эд. Бернштейна, изложенной имъ въ своихъ этюдахъ: „Проблемы социализма“, въ „Neue Zeit“ за 1897—1898 гг., и въ книгѣ: „Предпосылки социализма“. Вся эта теорія практически сводится ни къ чему иному, какъ къ предложенію отказаться отъ социальнаго переворота, этой конечной цѣли социаль - демократіи и превратить социальную

реформу изъ орудія классовой борьбы въ ея цѣль. Бернштейнъ самъ превосходно сформулировалъ свои взгляды слѣдующими словами: „Конечная цѣль для меня ничто, движеніе — все“.

Такъ какъ социалистическая конечная цѣль есть единственный рѣшающій моментъ, отдѣляющій социаль-демократическое движеніе отъ буржуазной демократіи и буржуазнаго радикализма, превращающій рабочее движеніе изъ жалкаго штопанья капиталистическаго строя—въ классовую борьбу противъ этого строя, то вопросъ „соціальная реформа или революція“ въ бернштейновскомъ смыслѣ равносильна для социаль-демократіи вопросу—быть или не быть? Всякій членъ партіи долженъ отдать себѣ ясный отчетъ въ спорѣ съ Бернштейномъ и его послѣдователями. Вѣдь дѣло идетъ тутъ не о томъ или другомъ способѣ борьбы, не о той или другой тактикѣ, но о самомъ существованіи социаль-демократическаго движенія.

При бѣгломъ просмотрѣ теоріи Бернштейна наша постановка вопроса можетъ показаться преувеличеніемъ. Развѣ Бернштейнъ не говоритъ на каждомъ шагу о социаль-демократіи и ея цѣляхъ, развѣ не повторяетъ онъ самъ многократно, что и онъ стремится къ социалистической конечной цѣли, только въ иной формѣ, развѣ не подчеркиваетъ онъ свое почти полное согласіе съ нынѣшней практикой социаль-демократіи? Конечно, все это вѣрно, но также вѣрно и то, что всегда въ развитіи теоріи и политики всякое новое направление пристегиваетъ себя вначалѣ къ старому—даже когда оно по своему внутреннему содержанию стоитъ въ прямомъ противорѣчій къ нему,—что приспосабливается оно вначалѣ къ готовымъ формамъ, говоритъ языкомъ, которымъ говорили до него. Лишь со временемъ новое зерно выступаетъ наружу изъ старой оболочки, и новое направленіе находитъ собственныя формы, собственный языкъ.

Ожидать отъ оппозиціи научному социализму, что она съ самаго начала ясно и отчетливо до конца выяснитъ свою внутреннюю сущность, что она открыто и рѣзко отречется отъ теоретической основы социаль-демократіи, значило бы не дооцѣнивать силы научнаго социализма. Кто сегодня хочетъ считаться социалистомъ и въ то же время объявляетъ войну могучему продукту человѣческаго духа послѣдняго столѣтія, тотъ долженъ начать съ безсознательнаго уваженія къ этой теоріи, объявляя себя самого приверженцемъ ея и въ ней самой ища опорныхъ пунктовъ для борьбы съ ней, выставляя притомъ самую эту борьбу, какъ дальнѣйшее развитіе теоріи. Не заблуждаясь этими внѣшними формами, постараемся очистить отъ скорлупы ядро, находящееся въ теоріи Бернштейна. Это особенно необходимо для широкихъ слоевъ промышленнаго пролетаріата въ нашей партіи.

Нѣтъ болѣе грубаго оскорбленія, болѣе рѣзкаго поношенія рабочаго класса, какъ утвержденіе: теоретическіе споры — это дѣло однихъ только „академиковъ“. Уже Лассаль сказалъ: „только тогда, когда наука и работники, эти два противоположныхъ общественныхъ полюса, соединятся, они задушатъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ всѣ препятствія къ культурѣ“. Все могущество современнаго рабочаго движенія покоится на теоретическомъ познаніи.

Но въ данномъ случаѣ вдвойнѣ важно это познаніе для рабочихъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о нихъ, объ ихъ вліяніи въ движеніи, въ которомъ рѣшается ихъ собственная судьба. Оппортунистическое теченіе въ партіи, теоретически сформулированное Бернштейномъ, есть не что иное, какъ безсознательное стремленіе обезпечить руководящую роль въ партіи за переходящими къ ней мелкобуржуазными элементами, въ ихъ духѣ модифицировать практику и цѣли партіи. Вопросъ о социальной реформѣ и революціи, о конечной цѣли и движеніи,

есть вопросъ о мелкобуржуазномъ или пролетарскомъ характерѣ рабочаго движенія.

Поэтому-то именно въ интересахъ пролетарской массы, партіи необходимо самымъ энергичнымъ и самымъ внимательнымъ образомъ заняться нынѣшними теоретическими расхожденіями съ оппортунизмомъ.

До тѣхъ поръ, пока теоретическое познаніе останется привилегіей только кучки „академиковъ“ партіи, ей всегда грозитъ опасность сойти съ правильного пути. Лишь когда рабочая масса сама возьметъ острое оружіе научнаго социализма въ свои руки, всѣ мелкобуржуазныя блужданія, всѣ оппортунистическія теченія будутъ похоронены. Тогда и движеніе станетъ на крѣпкую, надежную основу. „Масса сдѣлаетъ это“.

Берлинъ, 18 апрѣля 1899 г.

Роза Люксембургъ.

Часть I.

I. Методъ Бернштейна.

Если теоріи вообще являются отраженіями явленій внѣшняго міра въ человѣческомъ мозгу, то относительно новѣйшей теоріи Эдуарда Бернштейна надо сказать, что она представляетъ собою перевернутое внизъ головой отраженіе. Вѣдь это теорія осуществленія социализма посредствомъ социальныхъ реформъ — въ эпоху Штумма-Посадовскаго, теорія контроля рабочихъ союзовъ надъ процессомъ производства — послѣ пораженія англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, теорія социаль-демократическаго большинства въ парламентѣ — послѣ саксонской конституціи и покушеній на всеобщее избирательное право! Тѣмъ не менѣе центръ тяжести разсужденій Бернштейна, по нашему мнѣнію, лежитъ не въ его взглядахъ на практическія задачи социаль-демократіи, а въ томъ именно, что онъ говоритъ относительно хода объективнаго развитія капиталистическаго общества, хотя, конечно, это тѣсно связано съ практическими взглядами.

По теоріи Бернштейна, крушеніе капитализма становится, по мѣрѣ его развитія, все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, капиталистическій строй обнаруживаетъ все возрастающую способность приспособленія, съ другой же стороны, производство все сильнѣе дифференцируется. Способность капитализма къ приспособле-

нию проявляется, по мнѣнію Бернштейна, во-первыхъ, въ исчезновеніи общихъ промышленныхъ кризисовъ въ результатъ развитія кредитной системы, организациі предпринимателей и развитія средствъ сообщенія и способовъ передачи свѣдѣній, во-вторыхъ, она проявляется въ устойчивости средняго сословія, которая обуславливается постоянной дифференціацией отраслей производства, а равно и переходомъ въ это сословіе значительныхъ слоевъ пролетаріата, и, наконецъ, въ третьихъ—въ экономическомъ и политическомъ улучшеніи положенія пролетаріата въ итогъ профессиональной борьбы.

Отсюда дѣлается такой общій выводъ для практики социаль-демократической борьбы, что дѣятельность социаль-демократіи должна быть направлена не на захватъ политической власти, а на улучшеніе положенія рабочаго класса и на достиженіе социализма не путемъ социальнаго и политическаго кризиса, а посредствомъ расширенія общественнаго контроля и постепеннаго проведенія въ жизнь принципа союзовъ. Лично Бернштейнъ не видитъ въ своей теоріи ничего новаго; напротивъ того, онъ утверждаетъ, что взгляды его вполне совпадаютъ какъ съ отдѣльными взглядами Маркса и Энгельса, такъ и съ общимъ направлениемъ, котораго придерживалась до сихъ поръ социаль-демократія. На самомъ же дѣлѣ, вникнувъ поглубже въ сущность его воззрѣній, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что воззрѣнія эти находятся въ прямомъ противорѣчій съ идеями научнаго социализма.

Если бы весь смыслъ бернштейновской критики заключался лишь въ утвержденіи, что развитіе капитализма совершается медленнѣе, нежели мы себѣ обыкновенно представляемъ, то это было бы равносильно только отсрочкѣ предполагаемаго захвата пролетаріатомъ политической власти, результатомъ чего, въ крайнемъ случаѣ, могъ бы быть только болѣе спокойный темпъ борьбы.

Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ не такъ. Бернштейнъ затрагиваетъ вопросъ не о стремительности развитія, а о самомъ процессѣ развитія капиталистическаго общества и въ связи съ этимъ — о способѣ перехода къ социалистическому строю.

Если до сихъ поръ теорія социализма предполагаетъ, что исходной точкой социалистическаго переворота будетъ общій, разрушительный кризисъ, то, по нашему мнѣнію, здѣсь слѣдуетъ различать двѣ вещи: скрытую въ этомъ утвержденіи основную мысль и ея внѣшнюю форму. Мысль эта сводится къ утвержденію, что капиталистическій строй въ силу своихъ собственныхъ противорѣчій самъ подготавливаетъ моментъ своего крушенія,—моментъ, за которымъ его существованіе станетъ невыносимымъ. Этотъ моментъ небезосновательно представлялся въ видѣ всеобщаго и потрясающаго торговаго кризиса, но тѣмъ не менѣе это убѣжденіе является несущественнымъ и второстепеннымъ по сравненію съ основной мыслью.

Какъ извѣстно, научное объясненіе социализма основывается на трехъ нижеслѣдующихъ результатахъ капиталистическаго развитія: во-первыхъ, на возрастающей анархіи капиталистическаго хозяйства, которая дѣлаетъ неизбежной гибель этого строя; во-вторыхъ, на прогрессирующемъ обобществленіи процесса производства, создающемъ положительные зачатки будущаго социальнаго строя, и третьихъ—на растущемъ могуществѣ и классовой сознательности пролетаріата, который представляетъ собой активнаго дѣятеля грядущаго переворота.

И вотъ Бернштейнъ отвергаетъ первую изъ этихъ трехъ основъ научнаго социализма, а именно онъ утверждаетъ, что капиталистическое развитіе не стремится навстрѣчу общему промышленному краху. Такимъ образомъ, онъ отрицаетъ не только опредѣленную форму крушенія капитализма, но и самую возможность этой катастрофы. Онъ говоритъ совершенно опредѣленно: „Мнѣ могутъ возразить, что тѣ, кото-

рые говорят о крушении современнаго общества, имѣютъ въ виду нѣчто большее, нежели общую и исключительно сильную форму прежнихъ, торговыхъ кризисовъ, а именно полное крушеніе капиталистической системы, благодаря своимъ же собственнымъ противорѣчіямъ“. И на это онъ отвѣчаетъ: „Полное и приблизительно одновременное крушеніе существующей системы производства не дѣлается по мѣрѣ развитія общества возможнымъ, а становится все болѣе и болѣе невозможнымъ, такъ какъ это развитіе, съ одной стороны, увеличиваетъ способность промышленности къ приспособленію, а съ другой — увеличиваетъ дифференціацію промышленности“.

Но тутъ возникаетъ большой вопросъ: почему и какъ вообще мы приходимъ къ конечной цѣли нашихъ стремленій? Съ точки зрѣнія научнаго социализма историческая необходимость социалистическаго переворота сказывается прежде всего въ растущей анархіи капиталистической системы, — анархіи, которая гонитъ капитализмъ въ безвыходный тупикъ. Но если допустить вмѣстѣ съ Бернштейномъ, что капиталистическое развитіе не идетъ къ своей собственной гибели, тогда и социализмъ перестаетъ быть объективно необходимымъ. Однако и послѣ этого отъ основныхъ камней его научнаго фундамента остаются еще два другихъ явления капиталистическаго строя: общественный процессъ производства и классовая сознательность пролетаріата. Это имѣетъ въ виду и самъ Бернштейнъ, когда онъ говоритъ: „Міръ социалистическихъ идей рѣшительно ничего не теряетъ (въ результатѣ отрицанія теоріи переворота) въ силѣ своей убѣдительности; ибо, что представляютъ собою, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ перечисленные нами факторы устраненія или смягченія былыхъ кризисовъ? Всѣ они являются въ то же время предпосылками, а отчасти даже зародышами обобществленія производства и обмѣна“.

Однако, достаточно небольшого размышленія для того, чтобы признать ложность и этого умозаключенія. Въ чемъ состоитъ сущность тѣхъ явленій, которыя Бернштейнъ относитъ къ средствамъ приспособленія капитализма, а именно: картелей, кредита, усовершенствованныхъ путей сообщенія, повышенія жизненнаго уровня рабочаго класса и т. д... Очевидно въ томъ, что они устраняютъ или по меньшей мѣрѣ притупляютъ внутреннія противорѣчія капиталистическаго хозяйства, препятствуя ихъ развитію и обостренію. Такъ, на примѣръ, уничтоженіе кризисовъ есть устраненіе противорѣчія между производствомъ и обмѣномъ на капиталистической основѣ; улучшеніе положенія рабочаго класса, отчасти, какъ такового, отчасти же въ видѣ перехода въ среднее сословіе, смягчаетъ противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ. Но если картели, кредитная система, рабочіе союзы и т. д. уничтожаютъ, капиталистическія противорѣчія и, стало быть, спасаютъ капиталистическій строй отъ гибели, поддерживаютъ капитализмъ — почему Бернштейнъ и называетъ ихъ средствами приспособленія, — то какъ же они одновременно могутъ представлять собой „предпосылки, а отчасти даже и зачатки“ социализма? Очевидно, въ томъ смыслѣ, что они особенно сильно обнаруживаютъ общественный характеръ производства. Но, сохраняя капиталистическую форму производства, они постольку же дѣлаютъ излишнимъ переходъ этого обобществленнаго производства въ социалистическую форму. Поэтому они могутъ представлять собой предпосылки и зачатки социалистическаго строя только въ идейномъ, а не въ историческомъ смыслѣ, т. е. они представляютъ собою явленія, о которыхъ мы, съ точки зрѣнія нашего представленія о социализмѣ знаемъ, что они ему родственны, но на дѣлѣ не только не ведутъ къ социалистическому перевороту, а напротивъ — дѣлаютъ его излишнимъ.

Послѣ этого единственнымъ основаніемъ социализма остается классовое сознание пролетаріата. Но и оно въ этомъ случаѣ не есть непосредственный психическій рефлексъ на постоянно обостряющіяся противорѣчія капитализма и предстоящей гибели его, — такъ какъ эта гибель устраняется средствами приспособленія, — а просто — идеаль, обаятельность котораго покоится на приписываемомъ ему совершенствѣ.

Однимъ словомъ, намъ преподносится обоснованіе социалистической программы „чистымъ познаніемъ“, то есть, попросту говоря—идеалистическое обоснованіе, въ то время какъ объективная необходимость, т. е. обоснованіе ходомъ матеріальнаго общественнаго развитія, отвергается. Бернштейнианство пришло къ дилеммѣ: или-или. Или социалистическій переворотъ попрежнему обусловливается объективными противорѣчіями капиталистическаго строя, а тогда и эти противорѣчія развиваются вмѣстѣ съ самимъ строемъ и результатомъ рано или поздно является социальная катастрофа въ той или иной ея формѣ. „Средства приспособленія“ не дѣйствительны и „теорія катастрофы“ правильна. Или же „средства приспособленія“ дѣйствительно предотвращаютъ катастрофу капиталистическаго строя и, слѣдовательно, дѣлаютъ капитализмъ жизнеспособнымъ, уничтожаютъ его противорѣчія,—а тогда социализмъ перестаетъ быть исторической необходимостью. Онъ представляетъ собой что угодно, но только не результатъ матеріальнаго развитія общества. Эта дилемма приводитъ къ другой: или Бернштейнъ правъ въ вопросѣ о ходѣ развитія капитализма—и тогда социалистическій общественный переворотъ становится утопией, или же социализмъ — не утопія, но тогда теорія „средствъ приспособленія“ не годна. That is the question — въ этомъ весь вопросъ.

2. Приспособленіе капитализма.

Главнѣйшими факторами, порождающими, по теоріи Бернштейна, приспособленіе капиталистическаго хозяйства, являются: система кредита, усовершенствованныя средства сообщенія и организациі предпринимателей.

Кредитъ, напримѣръ, выполняетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ разнообразныя функціи, и важнѣйшей изъ нихъ, разумѣется, служитъ увеличеніе способности производительныхъ силъ къ росту, а также посредничество въ обмѣнѣ и облегченіе этого послѣдняго. Тамъ, гдѣ внутренняя тенденція капиталистическаго производства къ безпредѣльному расширенію наталкивается на рамки частной собственности, на ограниченные размѣры частнаго капитала, тамъ кредитъ служитъ средствомъ къ тому, чтобы капиталистически отстранить эти рамки, соединить въ одно многіе частные капиталы—примѣръ акціонерныхъ обществъ — и дать въ распоряженіе капиталиста нужный капиталъ — примѣръ промышленнаго кредита. Съ другой стороны, онъ, какъ коммерческой кредитъ, ускоряетъ обмѣнъ товаровъ и, стало быть, обратное притеканіе капитала въ производства, т. е. ускоряетъ весь круговоротъ процесса производства. Нетрудно понять вліяніе, которое имѣютъ обѣ эти главнѣйшія функціи кредита на возникновеніе кризисовъ. Въ то время какъ кризисы возникаютъ, какъ извѣстно, изъ противорѣчія между способностью и тенденціей производства къ расширенію, съ одной стороны, и ограниченностью способности къ потребленію, съ другой,—кредитъ, какъ это ясно изъ предыдущаго, является спеціальнымъ средствомъ наиболѣе часто вызывать взрывы этого противорѣчія. Прежде всего онъ до чрезвычайности повышаетъ способность производства къ расширенію и представляетъ собою внутреннюю движущую силу, которая постоянно порывается за

предѣлы рынка. Но кредитъ — вещь обоюдоострая. Разъ онъ, какъ факторъ процесса производства, вызвалъ перепроизводство, то онъ же, въ качествѣ средства обращенія, самымъ сокрушающимъ образомъ губить во время кризиса имъ же самымъ пробужденныя производительныя силы. При первыхъ же признакахъ остановки въ дѣлѣ кредитъ сокращается, оставляетъ безпомощнымъ обмѣнъ тамъ, гдѣ онъ нуженъ, оказывается безсильнымъ и безцѣльнымъ тамъ, гдѣ продолжаетъ дѣйствовать, и такимъ образомъ сокращаетъ во время кризиса до крайности свою потребительную силу.

Но и помимо этихъ двухъ явленій кредитъ во многихъ отношеніяхъ вліяетъ на возникновеніе кризисовъ. Онъ не только даетъ капиталисту въ руки техническія средства для распоряженія чужимъ капиталомъ, но и раззодариваетъ его на смѣлое и неосмотрительное употребленіе чужой собственности, т. е. на безразсудныя спекуляціи. Онъ не только обостряетъ кризисъ, въ своей роли коварнаго средства обращенія, но и облегчаетъ его возникновеніе и распространеніе благодаря тому, что превращаетъ все обращеніе въ чрезвычайно сложную и искусственную машину съ минимальнымъ количествомъ звонкой монеты въ качествѣ реальнаго фонда и вызываетъ поэтому заминку въ обращеніи при всякомъ мельчайшемъ поводѣ.

Такимъ образомъ, кредитъ далеко не уничтожаетъ кризисы, даже не уменьшаетъ ихъ, наоборотъ — онъ самъ является могущественнымъ факторомъ кризисовъ. Иначе и быть не можетъ. Кредитъ уничтожаетъ въ капиталистическихъ отношеніяхъ послѣдніе остатки устойчивости, вноситъ всюду чрезвычайную эластичность, дѣлаетъ всѣ капиталистическія силы въ высшей степени растяжимыми и чувствительными. Ясно, что, кризисы, которые есть не что иное, какъ періодическое столкновеніе про-

тиворѣчивыхъ силъ капиталистическаго общества, этимъ только облегчаются и обостряются.

Но сейчасъ же у насъ возникаетъ другой вопросъ: какимъ образомъ кредитъ можетъ являться „средствомъ приспособленія“ капитализма?

Приспособленіе съ помощью кредита заключается только въ томъ, что кое-гдѣ онъ сглаживаетъ противорѣчія капиталистическаго хозяйства, кое-гдѣ притупляетъ эти противорѣчія и этимъ открываетъ стѣсненнымъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ силамъ свободное поле дѣятельности. Между тѣмъ, если есть средство развитію противорѣчія современнаго хозяйства до высшей точки, то такимъ именно средствомъ является кредитъ. Онъ усиливаетъ противорѣчіе между способами производства и обмѣна, оказывая громадное воздѣйствіе на развитіе производства, и въ то же время при всякой малѣйшей случайности парализуя обмѣнъ. Онъ усиливаетъ противорѣчія между способами производства и присвоенія тѣмъ, что отрываетъ производство отъ собственника, дѣлаетъ производительный капиталъ общественнымъ, а прибыль съ производства превращаетъ въ простой процентъ съ капитала, въ привилегію собственности. Онъ увеличиваетъ противорѣчія между отношеніями собственности и производственными отношеніями тѣмъ, что, содѣйствуя поражению мелкихъ капиталистовъ, онъ въ немногихъ рукахъ скопляетъ громадныя производительныя силы. Наконецъ онъ усиливаетъ противорѣчіе между общественнымъ и частнымъ характеромъ производства, дѣлая необходимымъ вмѣшательство государства (акціонерныя компаніи).

Однимъ словомъ, кредитъ раскрываетъ всѣ кардинальныя противорѣчія капиталистическаго міра, доводя ихъ до абсурда; разоблачаетъ всѣ его отрицательныя стороны и ускоряетъ темпъ, съ какимъ капиталистическій міръ идетъ къ своему собственному отрицанію, къ перевороту. Такимъ

образомъ, первымъ „средствомъ приспособленія“ капитализма относительно кредита должно было быть уничтоженіе кредита, въ крайнемъ случаѣ уменьшеніе его значенія. Кредитъ таковъ, каковъ онъ есть, является не средствомъ приспособленія капитализма, но сильнымъ революціоннымъ средствомъ его отрицанія. Именно этотъ революціонный характеръ кредита, подрывающій капитализмъ въ самомъ его корнѣ, приводилъ къ реформаторскимъ планамъ „соціалистическаго толка“ и, какъ выражается Марксъ, сдѣлалъ великихъ апологетовъ кредита полупрофетами, полуничими.

Такимъ же воображаемымъ средствомъ приспособленія капиталистическаго способа производства при ближайшемъ разсмотрѣніи являются и союзы предпринимателей. По мнѣнію Бернштейна, союзы, регулируя производство, сдерживаютъ, такимъ образомъ, анархію и тѣмъ предупреждаютъ кризисы. Само собой разумѣется объ этомъ могла бы быть рѣчь лишь постольку, поскольку картели, тресты и т. д. являлись бы всеобщей господствующей формой производства.

Но сама природа картелей исключаетъ именно это. Союзы предпринимателей ставятъ своей цѣлью уничтожить конкуренцію внутри данной отрасли промышленности и тѣмъ вліять на дѣлежъ прибыли, полученной на рынкѣ, въ интересахъ данной отрасли промышленности. Организация въ одной отрасли промышленности можетъ увеличить свою долю барыша только за счетъ другихъ отраслей, именно, поэтому организация не можетъ быть всеобщей. Охвативши всѣ отрасли производства, организация сама уничтожаетъ смыслъ своего существованія. Но даже въ предѣлахъ своего практическаго значенія, союзы предпринимателей въ концѣ-концовъ сами содѣйствуютъ промышленной анархіи. Указаннаго выше дохода на внутреннемъ рынкѣ, картели достигаютъ обычно тѣмъ, что прите-

кающіе къ нимъ капиталы, которые онѣ не въ состояніи использовать внутри своей страны, онѣ пускаютъ за границу на гораздо менѣ выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Результатомъ этого является обостреніе конкуренціи за границей, увеличеніе анархіи на мировомъ рынкѣ, т. е. какъ разъ обратное тому, чего желаютъ достигнуть. Примѣръ этому—нынѣшнія отношенія въ международной сахарной промышленности.

Наконецъ, въ общемъ и цѣломъ союзы предпринимателей, какъ форма проявленія капиталистическаго способа производства, должны разсматриваться, какъ переходная стадія его, какъ опредѣленная фаза капиталистическаго развитія. Дѣйствительно, картели для капиталистическаго способа производства являются средствомъ удержать въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства неизбежное паденіе прибыли. Но какой путь для этого выбрали картели? Они просто оставляютъ неиспользованнымъ часть сконцентрированнаго ими капитала, т. е. то же самое, что въ иной формѣ проявляется въ кризисахъ. Но такое средство лѣченія болѣзни походить на самую болѣзнь, какъ двѣ капли воды. И только до поры до времени можетъ служить меньшимъ зломъ. Начинаетъ рынокъ сбыта уменьшаться,—а наступленіе рано или поздно такого момента никто не можетъ отрицать,—тогда вынужденное частичное неиспользованіе капитала принимаетъ такіе размѣры, что лѣкарство само превращается въ болѣзнь, и обобществленный посредствомъ организации капиталъ опять превращается въ частный. Съ сокращеніемъ рынка каждая частная доля капитала стремится испытать свое счастье на собственный страхъ и рискъ. Организации должны тогда лопаться, какъ мыльные пузыри и предоставить мѣсто свободной конкуренціи въ ея голой формѣ.

Такимъ образомъ, картели такъ же, какъ и кре-

дять, являются только опредѣленными моментами капиталистическаго развитія; въ послѣднемъ счетѣ—картели только увеличиваютъ анархію капиталистическаго міра, обнажаютъ, дѣлаютъ зрѣлыми его имманентныя противорѣчія. Они усиливаютъ противорѣчія между способомъ производства и способомъ обмѣна, доводя до высшей точки антагонизмъ между производителемъ и потребителемъ. Они усиливаютъ далѣе противорѣчія между способами производства и распредѣленія тѣмъ, что противопоставляютъ рабочій классъ превосходящему его по силѣ организованному капиталу, что сильнѣйшимъ образомъ обостряетъ борьбу между капиталомъ и трудомъ.

Они усиливаютъ, наконецъ, противорѣчія между интернаціональнымъ характеромъ мірового капиталистическаго хозяйства и національнымъ характеромъ капиталистическаго государства тѣмъ, что постоянно вызываютъ всеобщую таможенную войну. Благодаря этому, антагонизмъ между отдѣльными капиталистическими государствами страшно обостряется. Къ этому нужно прибавить высоко революціонное дѣйствіе картелей на концентрацію производства, его технической прогрессъ и т. п.

Такимъ образомъ, картели своимъ значеніемъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ не только не являются средствомъ „приспособленія“, сглаживающимъ всѣ его противорѣчія, но, напротивъ того, онѣ сами способствуютъ анархіи капитализма, вскрывая всѣ находящаяся въ немъ противорѣчія, ускоряя его паденіе.

Однако, является вопросъ: если кредитъ, картели и т. п. не уничтожаютъ анархіи въ капиталистическомъ хозяйствѣ, то почему уже два десятилѣтія всеобщіе торговые кризисы не посѣщаютъ насъ? Не служитъ ли это показателемъ того, что капиталистическій способъ производства, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ частяхъ, дѣйствительно „приспособился“ къ потребностямъ общества и опе-

редилъ данный Марксомъ анализъ? Мы думаемъ, однако, что теперешнее затишье на міровомъ рынкѣ можно объяснить иначе.

Періодически происходившіе до сихъ поръ великіе торговые кризисы обыкновенно рассматривались, какъ кризисы, вытекающіе изъ дряхлости капитализма, схематически изображенные Марксомъ въ его анализѣ. Періодичность промышленнаго цикла приблизительно въ десять лѣтъ казалась лучшимъ подтвержденіемъ марксовой схемы кризисовъ. Это мнѣніе покоится, по нашему взгляду, на недоразумѣніи. Если мы ближе рассмотримъ всѣ причины бывшихъ до сихъ поръ великихъ международныхъ кризисовъ, то убѣдимся, что всѣ они своимъ источникомъ имѣли не старческую дряхлость капиталистическаго хозяйства, но гораздо болѣе его юношескій разсвѣтъ.

Достаточно только маленькаго размышленія, чтобы понять, что капитализмъ въ 1825, 1836, 1847 гг. никоимъ образомъ не могъ породить тѣ періодическія, неизбѣжныя столкновенія производительныхъ силъ съ рамками рынка, которыя вытекали бы изъ полной зрѣлости этихъ силъ, какъ это изображено въ схемѣ Маркса. Въ большинствѣ странъ капитализмъ былъ еще въ младенческомъ состояніи. Въ дѣйствительности, кризисъ 1825 года былъ результатомъ крупныхъ затратъ на проведеніе дорогъ, устройство каналовъ, газовыхъ заводовъ, — затратъ, имѣвшихъ мѣсто въ предшествующее кризису десятилѣтіе, какъ и самый кризисъ, повсюду, и особенно въ Англии. Слѣдующій кризисъ съ 1836 до 1839 гг. былъ также результатомъ колоссальнѣйшаго грюндерства при устройствѣ новыхъ средствъ сообщенія. Кризисъ 1847 года, какъ извѣстно, явился, какъ слѣдствіе лихорадочнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Англии (отъ 1844 до 1847 г., т. е. въ три года, парламентъ отдалъ концессіи на новыя желѣзныя дороги почти на полтора миллиарда талеровъ!).

Такимъ образомъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ различныя формы конституированія современнаго народнаго хозяйства, закладываніе новыхъ фундаментовъ подъ капиталистическое развитіе, результатомъ чего являлись кризисы. Въ 1857 году причиной кризисовъ являются внезапныя открытія новыхъ рынковъ для европейской индустріи въ Америкѣ и въ Австраліи, вслѣдствіе открытія тамъ золотыхъ россыпей, во Франціи — желѣзнодорожное строительство, пошедшее по стопамъ Англіи (за время отъ 1852—1856 года было выстроено новыхъ желѣзныхъ дорогъ во Франціи на 1¹/₄ миллиарда франковъ). Наконецъ, большой кризисъ 1873 года явился, какъ извѣстно, прямымъ слѣдствіемъ пышнаго расцвѣта крупной промышленности въ Германіи и Австріи, послѣдовавшаго вслѣдъ за политическими событіями 1866 и 1871 годовъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что до сихъ поръ факторомъ торговыхъ кризисовъ всякій разъ являлось внезапное расширение области капиталистическаго хозяйства, а не суженіе его, не его истощеніе.

Десятилѣтняя періодичность прошлыхъ международныхъ кризисовъ является, такимъ образомъ, чисто внѣшнимъ случайнымъ явленіемъ. Марксистская схема происхожденія кризисовъ, изложенная Энгельсомъ въ его „Анти-Дюрингъ“ и Марксомъ въ его третьемъ томѣ „Капитала“, касается бывшихъ до сихъ поръ кризисовъ только постольку, поскольку эта схема вскрываетъ внутренній механизмъ всѣхъ кризисовъ и ихъ глубоколежащія общія причины. Но эта схема въ ея цѣломъ подходит скорѣе для вполне развитаго капиталистическаго хозяйства, гдѣ міровой рынокъ предполагается, какъ нѣчто данное. Только тогда кризисы могутъ съ такой механической точностью повторяться, какъ это изображено въ анализѣ Маркса, повторяться вслѣдствіе собственнаго внутренняго развитія процесса производства и обмѣна безъ внѣшняго побужденія въ смыслѣ

внезапнаго потрясенія на рынокѣ или въ производственныхъ отношеніяхъ. Если мы представимъ себѣ нынѣшнее экономическое положеніе, то мы во всякомъ случаѣ должны признать, что мы еще не вступили въ ту фазу полной капиталистической зрѣлости, которая является предпосылкой въ марксовой схемѣ періодичности кризисовъ. Міровой рынокъ все еще только образуется. Въ Германіи и Австріи собственная крупная промышленность начала развиваться только въ 70-хъ годахъ, въ Россіи — въ 80-хъ годахъ, Франція же до сихъ поръ остается страной, главнымъ образомъ, мелкаго производства, а балканскія государства въ значительной своей части даже теперь еще не вышли изъ рамокъ натурального хозяйства. Америка же, Австралія и Африка только въ 80-хъ годахъ вступаютъ въ дѣятельный, правильный обмѣнъ товарами съ Европой. Мы имѣемъ уже позади себя внезапныя скачкообразныя расширения капиталистическаго хозяйства, періодически происходившія до 70-хъ годовъ, и вытекающіе отсюда кризисы—кризисы, такъ сказать, юности капитализма. Но мы не дошли еще до той степени расширения и истощенія мірового рынка, когда неизбежно наступаютъ періодическія столкновенія производительныхъ силъ съ тѣсными рамками рынка—кризисы дѣйствительной дряхлости капитализма.

Мы переживаемъ тотъ моментъ, когда кризисы не характеризуютъ уже болѣе подъема капитализма, но и не являются еще признакомъ упадка. Этотъ переходный періодъ характеризуется вялымъ ходомъ дѣлъ, непрерывно продолжающимся уже два десятилѣтія, когда короткіе періоды подъема чередуются съ длинными періодами депрессіи.

Что мы неудержимо идемъ къ началу конца, къ періоду заключительныхъ кризисовъ капитализма, это ясно характеризуется тѣми самыми явленіями, которыя раньше обуславливали отсрочку кризисовъ. Разъ міровой рынокъ въ общемъ и цѣломъ уже

визначився і нікимъ образомъ не можетъ быть внезапно расширенъ, а продуктивность труда въ то же время неудержимо растетъ, то рано или поздно періодическія столкновенія производительныхъ силъ съ границами обмѣна, повторяясь стихійно и непрерывно, принимаютъ все болѣе острую и бурную форму. И если что особенно ускоряетъ наступленіе этого періода — быстраго формировація мірового рынка и быстраго его истощенія — то это кредитъ и предпринимательская организація — именно тотъ фундаментъ, на которомъ Бернштейнъ строить свое зданіе „приспособленій“ капитализма. Мнѣніе, будто капиталистическое производство можетъ „приспособиться“ къ обмѣну, предполагаетъ одно изъ двухъ: или міровой рынокъ растетъ безграницно и безконечно, или наоборотъ — производительныя силы въ своемъ развитіи могутъ быть задержаны, дабы не перерости границъ рынка.

Первое является физической невозможностью, второе противостоитъ тому факту, что шагъ за шагомъ происходятъ техническіе перевороты во всѣхъ областяхъ производства и непрерывно пробуждаютъ новыя производительныя силы.

Еще одинъ фактъ противорѣчитъ, по мнѣнію Бернштейна, изображенному нами ходу капиталистическаго развитія, это „непоколебимая фаланга“ среднихъ предпріятій. Онъ видитъ въ этомъ признакъ, что развитіе крупнаго производства не дѣйствуетъ такъ революціонизирующе, не идетъ по пути концентраціи настолько сильно, какъ это можно было ожидать по „теоріи соціального переворота“. И тутъ г. Бернштейнъ дѣлается жертвой собственнаго непониманія. Это значитъ совершенно не понимать развитія крупной промышленности, если ожидать постепеннаго исчезновенія съ лица земли среднихъ предпріятій.

Въ общемъ ходъ капиталистическаго развитія мелкіе капиталы играютъ роль фактора технической рево-

люціи, именно въ двухъ отношеніяхъ: въ примѣненіи новыхъ методовъ производства въ старыхъ, прочно укрѣпившихся отрасляхъ и въ созданіи новыхъ вѣтвей производства, еще не использованныхъ крупными капиталами. Совершенно невѣрно предположеніе, что развитіе средняго капиталистическаго хозяйства идетъ по прямой линіи внизъ, къ постепенному паденію. Дѣйствительный ходъ развитія и тутъ скорѣе діалектичскій: онъ постоянно совершается среди противорѣчій. Капиталистическое среднее сословіе, какъ и рабочій классъ, находится всецѣло подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ тенденцій: одной — его поднимающей, другой — угнетающей. Угнетающей тенденціей въ данномъ случаѣ является превосходство производительныхъ силъ крупнаго капитала надъ среднимъ: періодически, время отъ времени, крупный капиталъ выбрасываетъ съ поля борьбы средней. Поднимающей тенденціей является періодическое обезцѣниваніе наличнаго капитала, которое на время понижаетъ — вмѣстѣ съ цѣнностью необходимого минимума капитала — скалу производства и затрудняетъ развитіе капиталистическаго производства въ новыхъ сферахъ. Борьбу крупнаго капитала съ средними предпріятіями нельзя себѣ представлять, какъ правильныя сраженія, когда эти среднія предпріятія, какъ слабѣйшая сторона, сливаются и такимъ образомъ исчезаютъ. Скорѣе можно представить себѣ эту борьбу, какъ періодическое скашиваніе мелкихъ капиталовъ, которые быстро опять всплываютъ на поверхность, чтобы снова быть скошенными косою крупной индустріи.

Изъ обѣихъ этихъ тенденцій, которыя играютъ съ средними предпринимателями, точно въ мячъ, побѣждаетъ въ концѣ-концовъ — въ противоположность развитію рабочаго класса — угнетающая тенденція. Но это ни въ коемъ случаѣ не должно выражаться въ абсолютномъ количественномъ уменьшеніи среднихъ предпріятій. Эта

понижающая тенденция отражается прежде всего на постепенно увеличивающемся минимуме капитала, необходимом для предприятия в старых отраслях производства, а затем, во все уменьшающемся промежутке времени, когда мелкие капиталы собственными силами могут использовать новые ветви.

Отсюда вытекает то, что срок жизни индивидуального мелкого капитала становится все короче, все быстрее идет смена методов производства, и для класса в целом наступает все более быстрый социальный обмен.

Последнее Бернштейн знает очень хорошо и он сам выставляет это положение. Но он кажется забывает, что этим уже дается закон капиталистического развития средних предприятий. Раз мелкие капиталы являются двигателями технического прогресса, а технический прогресс есть жизненный пульс капиталистического хозяйства, то ясно, что мелкий капитал неразрывно связан с капиталистическим развитием и только вместе с ним может исчезнуть.

Постепенное исчезновение средних предприятий — в смысле абсолютной суммарной статистики, о чем идет речь у Бернштейна — означало бы не революционный ход развития капитализма, как думает Бернштейн, но как раз наоборот — остановку его, застой. „Уровень прибыли, т. е. относительный прирост капитала, прежде всего важен для всех новых, самостоятельно группирующихся ветвей капитала. И лишь только „производство“ капитала сдѣлалось бы монополией немногих уже существующих крупных капиталов... живительный огонь производства погас бы, развитие его замерло бы“¹.

Бернштейновские средства приспособления оказываются, таким образом, недействительными, а

¹ K. Marx. Das Kapital, 3. Band I, S. 241.

факты, которые, по его мнению, являются симптомами приспособления, имеют совершенно другие причины своего происхождения.

3. Осуществление социализма путем социальных реформ.

Бернштейн отбрасывает „теорию социального переворота“, как исторический путь к осуществлению социалистического общества. Но какой путь ведет к этой цели с точки зрения „теории приспособления капитализма“?

Бернштейн только намѣтил этот вопрос; попытку изложить его в духе Бернштейна сдѣлал Конрад Шмидт¹.

По его мнению „профессиональная и политическая борьба за социальные реформы поведет за собой все большее расширение общественного контроля над условиями производства“, а через законодательство „низведет обладателей капитала путем ограничения их прав к роли управляющих производством“.

Это будет продолжаться до тех пор, пока „ведение и управление предприятиями будет отнято у сдѣлавшагося теперь уступчивым капиталиста, для которого обладание предприятием становится все меньше и меньше ценным“. Таким путем окончательно введется общественное производство.

Профессиональные союзы, социальные реформы и, как еще прибавляет Бернштейн, политическая демократизация государства — вот средства постепенного введения социализма.

¹ „Vorwärts“ („Вперед“), от 20 февраля 1898 года, „Литературное Обозрение“. Мы имеем полное основание рассматривать рассуждения Конрада Шмидта в связи с рассуждениями Бернштейна, т. к. последний ни единым словом не возразил на комментирование своих взглядов в „Vorwärts“ (Прим. авт.).

Начнемъ съ профессиональныхъ союзовъ. Ихъ важнѣйшая функція — и никто это лучше не проанализировалъ, какъ самъ Бернштейнъ семь лѣтъ тому назадъ въ „Neue Zeit.“ — состоитъ въ томъ, что они являются для рабочихъ средствомъ проведенія въ жизнь капиталистическаго закона заработной платы, т. е. продажи рабочей силы по ихъ рыночной цѣнѣ. Профессиональные союзы помогаютъ пролетариату всегда использовать данную конъюнктуру рынка. Но сами эти конъюнктуры, т. е. какъ спросъ на рабочую силу, зависящій отъ состоянія производства, такъ и предложеніе рабочей силы, создающееся пролетаризаціей и естественнымъ ростомъ населенія, наконецъ, степень производительности труда — все это лежитъ внѣ сферы вліянія профессиональныхъ союзовъ. Послѣдніе поэтому не могутъ уничтожить закона заработной платы. Въ лучшемъ случаѣ они ставятъ капиталистической эксплоатации „нормальныя“ границы, но ни въ коемъ случаѣ не уничтожаютъ ступеньки за ступенькой, — какъ говоритъ Конрадъ Шмидтъ, — самой этой эксплоатации.

Конечно, Конрадъ Шмидтъ считаетъ теперешнее профессиональное движеніе только слабымъ зачаткомъ и сулитъ ему будущее, когда профессиональные союзы будутъ оказывать все большее и большее вліяніе на регулированіе самого производства. Но урегулированіе производства можно понимать двоякимъ образомъ: какъ вмѣшательство въ техническую сторону производства и какъ опредѣленіе самихъ размѣровъ производства. Каково можетъ быть вмѣшательство профессиональныхъ союзовъ въ томъ и другомъ отношеніи?

Ясно, что во всемъ, касающемся техники производства, интересы отдѣльнаго капиталиста совершенно совпадаютъ съ прогрессомъ и развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Собственная нужда побуждаетъ его къ техническимъ улучшеніямъ. Поло-

женіе отдѣльнаго рабочаго ведетъ къ совершенно противоположному. Всякій техническій переворотъ, обезцѣнивая рабочую силу, противорѣчитъ интересамъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ непосредственно касается, и ухудшаетъ непосредственно ихъ положеніе.

Поскольку профессиональный союзъ можетъ вмѣшиваться въ техническую сторону производства, онъ можетъ сдѣлать это только въ смыслѣ защиты непосредственно заинтересованной отдѣльной рабочей группы, а это значитъ — противодействовать всякимъ новшествамъ. Въ этомъ случаѣ профессиональный союзъ дѣйствовалъ бы не въ интересахъ рабочаго класса въ цѣломъ и его эмансипации, которая связана съ техническимъ прогрессомъ, въ которомъ заинтересованъ и каждый отдѣльный капиталистъ, — профессиональный союзъ дѣйствовалъ бы тутъ въ интересахъ реакціи. И дѣйствительно, стремленіе вліять на техническую сторону производства принадлежитъ не будущему профессиональнаго движенія, а его прошлому. Это стремленіе характеризуетъ раннюю стадію англійскаго тредъюніонизма (до 60-хъ годовъ), когда онъ имѣлъ тяготѣніе къ средневѣковымъ цеховымъ пережиткамъ, когда онъ еще носился съ своимъ устарѣлымъ принципомъ „права на трудъ“. Стремленіе профессиональныхъ союзовъ опредѣлить размѣры производства и цѣны товаровъ есть, наоборотъ, явленіе новѣйшаго времени. Лишь въ самое послѣднее время видимъ мы подобныя попытки и опять-таки въ Англии. Но по своему характеру и по своей тенденціи эти стремленія совершенно равноцѣнны съ тѣми, о которыхъ у насъ только что была рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ, куда по необходимости ведетъ активное участіе профессиональнаго союза въ опредѣленіи цѣнъ и размѣровъ товарнаго производства? Къ артели рабочихъ съ предпринимателями противъ потребителей, съ примѣненіемъ принудительныхъ мѣръ противъ конкурирующихъ

предпринимателей, не желающих подчиниться методам предпринимательских союзовъ. По существу это уже болѣе не борьба труда съ капиталомъ, но солидарный союзъ капитала съ рабочей силой противъ потребителя.

По своей социальной цѣнности это является реакціоннымъ начинаніемъ, которое уже потому не можетъ быть этапомъ въ освободительной борьбѣ пролетаріата, что является полной противоположностью его классовой борьбы. По своей практической цѣнности это есть утопія, которая никогда не можетъ распространиться на широкія, питающія міровой рынокъ, отрасли производства.

Дѣятельность профессиональных союзовъ ограничивается, слѣдовательно, главнымъ образомъ борьбой за повышение заработной платы и сокращеніе рабочаго дня, т. е. исключительно регулированіемъ капиталистической эксплоатаціи въ зависимости отъ условій рынка; вліяніе на процессъ производства по самой природѣ вещей остается для профессиональных союзовъ недоступнымъ. Еще болѣе: весь ходъ развитія профессиональнаго движенія идетъ какъ разъ въ противоположную сторону, — какъ съ этимъ соглашается и принимаетъ Конрадъ Шмидтъ, — къ полному освобожденію рынка труда отъ всякой непосредственной связи съ остальнымъ рынкомъ товаровъ. Самымъ знаменательнымъ въ этомъ отношеніи является тотъ фактъ, что ходъ развитія заставилъ отказаться отъ стремленія согласовать рабочій контрактъ, хотя бы только пассивно, съ общимъ положеніемъ производства — путемъ системы подвижныхъ скалъ, и англійскіе тредъюніоны все болѣе отказываются отъ этого способа регулированія заработной платы¹.

Но даже въ своихъ дѣйствительныхъ предѣлахъ вліянія значеніе профессиональнаго движенія не

расширяется непрерывно, какъ это предполагаетъ теорія приспособленія капитала. Какъ разъ наоборотъ! Если имѣть въ виду болѣе далекія перспективы социальнаго развитія, то нужно признаться — мы идемъ навстрѣчу не къ сильному подъему профессиональнаго движенія, а къ его упадку. Лишь только развитіе индустріи достигаетъ своего апогея и для капитала на міровомъ рынкѣ начинаются все худшія времена, профессиональная борьба дѣлается тогда вдвойнѣ затруднительной: во-первыхъ, ухудшаются объективныя конъюнктуры рынка для рабочей силы, такъ какъ спросъ на нее все уменьшается, а предложеніе все увеличивается; во-вторыхъ, самъ капиталъ, чтобы вознаградить себя за потери на міровомъ рынкѣ, уменьшаетъ получаемую рабочимъ долю продукта. Вѣдь уменьшеніе заработной платы является у капиталиста главнымъ средствомъ сохранить уровень прибыли отъ паденія.¹ Англія даетъ намъ образецъ уже начинающейся второй стадіи профессиональнаго движенія. По необходимости оно сосредоточиваетъ тамъ свои силы на простой защитѣ ранѣ завоеваннаго, но даже это дѣлается все труднѣе. Таковъ общій ходъ вещей; другой дополняющей его стороной является подъемъ политической и социалистической классовой борьбы.

Ту же ошибку обращенной наизнанку исторической перспективы дѣлаетъ Конрадъ Шмидтъ по отношенію къ социальной реформѣ; онъ сулитъ намъ, что социальная реформа, „рука объ руку съ профессиональными рабочими организаціями будетъ диктовать классу капиталистовъ условія пользования рабочими силами“. Понимая именно въ такомъ смыслѣ социальную реформу, Бернштейнъ называетъ фабричныя законы частицей „общественнаго контроля“ и какъ таковой — частицей социализма. И Конрадъ Шмидтъ всюду, гдѣ высказывается о государ-

¹ Webb. Theorie und Praxis der Gewerkschaften (Теорія и практика профес. союзовъ), 2 Bd. S. 115 и дал.

¹⁾ К. Марк. Das Kapital, 3 Band, 1. S. 216.

ственной охранѣ труда, тоже говорить объ „общественномъ контролѣ“ и, благополучно превративши, такимъ образомъ, государство въ общество, въ утѣшеніе прибавляетъ: „т. е. контролѣ поднимающагося рабочаго класса“. Путемъ такой операціи безобидныя постановленія нѣмецкаго Союзнаго Совѣта превращаются въ социалистическія переходныя предприятия нѣмецкаго пролетаріата. Мистификація тутъ бьетъ въ глаза. Нынѣшнее государство не есть общество, съ точки зрѣнія „поднимающагося рабочаго класса“, но является представителемъ капиталистическаго общества, есть классовое государство. Поэтому излюбленная К. Шмидтомъ социальная реформа не является дѣломъ „общественнаго контроля“, т. е. контроля свободнаго трудового общества надъ собственнымъ процессомъ работы, но контролемъ классовой организаціи капитала надъ процессомъ производства капитала. И тутъ-то въ интересахъ капитала социальная реформа находитъ свои естественныя границы. Конечно, Бернштейнъ и Конрадъ Шмидтъ видятъ и тутъ въ настоящее время только „слабый зачатокъ“ и сулятъ въ будущемъ безконечный ростъ социальныхъ реформъ въ пользу рабочаго класса.

Однако, и тутъ они дѣлаютъ ту же самую ошибку какъ и въ своемъ предположеніи о непрерывномъ ростѣ профессиональнаго движенія. Теорія постепеннаго введенія социализма путемъ социальныхъ реформъ обуславливается—и въ этомъ ея центръ тяжести—опредѣленнымъ объективнымъ развитіемъ какъ капиталистической собственности, такъ и государства. Въ отношеніи собственности схема грядущаго развитія, какъ это и Конрадъ Шмидтъ предполагаетъ, идетъ къ тому, чтобы „низвести обладателей капитала путемъ все большаго и большаго ограниченія ихъ правъ къ роли управляющаго“. Передъ лицомъ мнимой невозможности экспроприаціи однимъ ударомъ средствъ производства

Конрадъ Шмидтъ создалъ себѣ теорію постепеннаго лишенія собственности.

Для этого онъ конструируетъ, какъ необходимую предпосылку, расчлененіе права собственности на „собственность въ прямомъ смыслѣ“, которую онъ предназначаетъ для „общества“ и которая по его мнѣнію все больше расширяется, и на право пользования, которое въ рукахъ капиталиста все больше суживается до простого управленія производствомъ. Эта конструкция является или безобидной игрою словъ, безъ всякаго содержанія—и тогда теорія постепенной экспроприаціи является ничѣмъ недоказанной; или это серьезно обдуманная схема дѣйствительнаго развитія,—но тогда все здѣсь выворочено наизнанку. Расчлененіе въ институтъ собственности различныхъ правъ, гдѣ Конрадъ Шмидтъ находитъ убѣжище для своей „постепенной экспроприаціи“ капитала, характерно для общества съ феодально-натуральнымъ хозяйствомъ, гдѣ дѣленіе продукта между различными общественными классами происходитъ натурой и на почвѣ личныхъ отношеній. Распаденіе собственности на сегменты обуславливалось уже раннѣе данной организаціей дѣлежа общественнаго богатства. Съ переходомъ къ товарному производству и съ уничтоженіемъ всѣхъ личныхъ связей между отдѣльными участниками процесса производства укрѣпилась, наоборотъ, связь между человѣкомъ и вещью—частная собственность. Такъ какъ дѣлежъ совершается уже не черезъ личныя отношенія, но путемъ обмена, права различныхъ лицъ на долю общественнаго богатства измѣряются теперь не правомъ собственности на общій объектъ, но цѣнностью, принесенной каждымъ на рынокъ. Первое измѣненіе въ правовыхъ отношеніяхъ, сопутствовавшее появленію товарнаго производства въ средне-вѣковыхъ городскихъ коммунахъ, было образованіе въ нѣдрахъ феодальныхъ правовыхъ

отношений абсолютно замкнутой частной собственности, вмѣсто существовавшего раньше дѣлежа.

Въ капиталистическомъ производствѣ это развитіе идетъ дальше. Чѣмъ больше производственный процессъ обобществленъ, тѣмъ болѣе процессъ дѣлежа покоится на чистомъ обмѣнѣ и тѣмъ неприкосновеннѣе и болѣе замкнутой дѣлается частная собственность. Пока капиталистъ самъ управляетъ фабрикой, дѣлежъ до известной степени еще связанъ съ личнымъ участіемъ въ процессѣ производства. По мѣрѣ того, какъ личное управленіе фабриканта производствомъ дѣлается излишнимъ, особенно въ акціонерныхъ компаніяхъ, участіе собственника капитала при дѣлежѣ дохода совершенно отдѣляется отъ личныхъ его отношений къ производству, и право собственности капиталиста проявляется въ своей чистой замкнутой формѣ. Въ акціонерномъ капиталѣ и въ промышленномъ кредитномъ капиталѣ—вотъ гдѣ капиталистическое право собственности проявляется во всей своей чистотѣ.

Историческое развитіе, какъ мы видимъ, ведетъ отъ „собственника и управляющаго“ къ „просто собственнику“; у Конрада Шмидта въ его исторической схемѣ: „отъ собственника—просто къ управляющему“ это дѣйствительное развитіе поставлено вверхъ головой. У Конрада Шмидта дѣлается тутъ точь-въ-точь, какъ у Гете:

Was er besitzt, das sieht er wie im weiten
Und was verschwand, wird ihm zu Wirklichkeiten¹.

И какъ въ исторической схемѣ Шмидта, въ ея экономической части—онъ отъ современныхъ акціонерныхъ компаній идетъ къ мануфактурной фабрикѣ: точно также въ области правовыхъ отношений онъ пытается вернуть капиталистическій міръ въ скорлупу феодальнаго хозяйства.

¹ Чѣмъ онъ владѣетъ, то видитъ онъ вдали, а что исчезло—дѣлается для него дѣйствительностью.

Съ этой точки зрѣнія „общественный контроль“ Конрада Шмидта является также въ новомъ свѣтѣ. То, что въ настоящее время функционируетъ въ качествѣ „общественнаго контроля“ — рабочее законодательство, надзоръ за акціонерными компаніями и т. д. — въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго съ участіемъ въ правѣ собственности, съ „собственностью въ прямомъ смыслѣ“. Этотъ „общественный контроль“ не ограничиваетъ капиталистическую собственность, а наоборотъ является ея защитой; выражаясь экономическимъ языкомъ, это не вмѣшательство въ капиталистическую эксплоатацію, но н о р м и р о в к а, внесеніе порядка въ эту эксплоатацію.

Если Бернштейнъ ставитъ вопросъ: много или мало социализма заключается въ фабричномъ законѣ? — мы можемъ его увѣрить, что въ самомъ лучшемъ фабричномъ законѣ заключается столько же социализма, сколько въ постановленіяхъ городского управленія о чисткѣ улицъ или же объ уличныхъ газовыхъ фонаряхъ, что вѣдь также является „общественнымъ контролем“.

4. Таможенная политика и милитаризмъ

Второй предпосылкой постепеннаго введенія социализма является у Эдуарда Бернштейна совершающееся превращеніе государства въ общество. Уже сдѣлалось шаблонной истиной, что нынѣшнее государство является классовымъ государствомъ; однако, по нашему мнѣнію, и это положеніе, какъ и все, что имѣетъ отношеніе къ капиталистическому обществу, не должно пониматься въ окаменѣломъ, абсолютномъ значеніи. Мы должны разсматривать это положеніе въ его постепенномъ развитіи.

Съ политической побѣдой буржуазіи государство сдѣлалось капиталистическимъ государствомъ. Ко-

нечно, капиталистическое развитие само существенно изменяет природу государства, расширяя сферу его влияния, увеличивая его функции, особенно в экономической жизни, для все необходимого его вмешательства, его контроль. Постепенно таким образом готовится будущее слияние государства с обществом, так сказать, возвращение обществу функции государства. И в этом смысле можно говорить о развитии капиталистического государства к обществу, и, конечно, это именно думал Маркс, когда говорил, что охрана труда является первым сознательным вмешательством „общества“ в свою социальную жизнь—положение, на которое ссылается Бернштейн.

Съ другой стороны, благодаря тому же самому капиталистическому развитию, в государствѣ совершается новый процессъ. Современное государство является прежде всего организацией господствующаго капиталистическаго класса. Если современное государство въ интересахъ общественнаго развитія беретъ на себя удовлетвореніе потребностей всего общества, то постольку, поскольку эти интересы общественнаго развитія въ общемъ совпадаютъ съ интересами господствующаго класса. Въ охранѣ труда, напримѣръ, такъ же сильно и непосредственно, какъ все общество въ цѣломъ, заинтересованы и капиталисты, какъ классъ. Но эта гармонія продолжается только до известнаго момента капиталистическаго развитія. Лишь только развитіе достигаетъ опредѣленной высоты, интересы буржуазіи, какъ класса, вступаютъ въ противорѣчіе съ экономической эволюціей, даже въ ея капиталистическомъ значеніи. Мы думаемъ, что эта фаза уже наступила и это проявляется въ двухъ важнейшихъ явленіяхъ современной социальной жизни: таможенной политикѣ и милитаризмѣ. И то и другое—и таможенная политика, и милитаризмъ—сыграли въ исторіи капитализма свою незамѣни-

мую и постольку прогрессивную революціонную роль. Развитие крупной промышленности въ нѣкоторыхъ странахъ было бы невозможно безъ таможенной защиты. Теперь положеніе вещей другое. Во всѣхъ главнѣйшихъ государствахъ, особенно въ тѣхъ, которыя наиболѣе усердно примѣняли таможенную политику, капиталистическое производство достигло приблизительно одинаковаго уровня.

Съ точки зрѣнія капиталистическаго развитія, т. е. съ точки зрѣнія міроваго хозяйства, въ настоящее время совершенно безразлично, вывозить ли больше товаровъ Германія въ Англію или Англія въ Германію. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія того же самаго развитія Мавръ сдѣлалъ уже свою работу и могъ бы уйти. Да, онъ даже долженъ былъ бы уйти. При нынѣшней взаимной зависимости различныхъ отраслей промышленности покровительственныя пошлины на какіе-нибудь товары должны удорожать производства другихъ товаровъ въ странѣ, т. е. опять-таки препятствовать развитію промышленности. Не то съ точки зрѣнія интересовъ класса капиталистовъ. Промышленность для своего развитія не нуждается уже въ покровительственныхъ пошлинахъ, — нуждаются въ нихъ предприниматели для сбыта своихъ товаровъ. Это значитъ — пошлины въ настоящее время уже не служатъ больше средствомъ защиты растущаго капиталистическаго производства противъ уже болѣе зрѣлаго производства, но являются средствомъ борьбы одной національной группы капиталистовъ противъ другой. Промышленность не нуждается больше въ пошлинахъ и какъ въ средствѣ защиты для образованія внутренняго рынка и завоеванія его. Пошлины служатъ теперь только незамѣнимымъ средствомъ для промышленныхъ картелей, т. е. для борьбы капиталистическихъ производителей съ потребляющимъ обществомъ. Наконецъ, что всего болѣе ярко изобличаетъ специфическій харак-

теръ современной таможенной политики, это тогъ фактъ, что въ ней повсюду теперь рѣшающую роль играетъ не промышленность, но сельское хозяйство: таможенная политика является средствомъ отлить феодальные интересы въ капиталистическую форму и дать имъ соотвѣтствующее выраженіе.

То же самое превращеніе пережилъ милитаризмъ. Если мы разсматриваемъ исторію такой, какой она была въ дѣйствительности, а не такой какой она могла бы быть или должна была быть,—мы должны констатировать, что война являлась незамѣнимымъ факторомъ капиталистическаго развитія. Соединенныя Штаты Сѣверной Америки и Германія, Италія и балканскія государства, Россія и Польша,—всѣ они обязаны войнамъ для созданія условій своего капиталистическаго развитія—все равно приносили ли эти войны побѣду или пораженіе. Пока существовали страны, внутреннюю расчлененность или замкнутое натуральное хозяйство которыхъ приходилось преодолѣвать, — милитаризмъ въ капиталистическомъ смыслѣ игралъ революціонную роль. Въ настоящее время положеніе вещей совершенно иное. Милитаризму не приходится уже больше открывать страны для капитализма. Если Китай въ настоящее время дѣлается ареной грозныхъ конфликтовъ, ясно, что дѣло идетъ тутъ не столько объ открытіи Китая для европейскаго капитализма, сколько о готовыхъ европейскихъ противорѣчійхъ, перенесенныхъ въ Китай и созрѣвшихъ на китайской почвѣ. Кто теперь выступаетъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, все равно—въ Европѣ или въ другихъ частяхъ свѣта? Это не капиталистическія страны противъ странъ съ натуральнымъ хозяйствомъ. Вступаютъ въ конфликтъ теперь государства, именно, вслѣдствіе одинаковаго своего высокаго капиталистическаго развитія. При такихъ условіяхъ конфликтъ, если онъ прорывается, можетъ имѣть для

развитія капитализма фатальное значеніе, такъ какъ теперь онъ ведетъ къ совершенно безцѣльному глубочайшему потрясенію и перевороту въ хозяйственной жизни всѣхъ капиталистическихъ странъ. Совсѣмъ другое съ точки зрѣнія класса капиталистовъ—для него въ настоящее время милитаризмъ сталъ необходимъ: во-первыхъ, какъ средство борьбы съ другими національными группами во имя конкурирующихъ „національных“ интересовъ, во-вторыхъ, какъ важнѣйшее средство вложенія денежнаго, равно какъ и промышленнаго капитала, и въ третьихъ, какъ орудіе классоваго господства противъ рабочаго класса внутри страны — все это не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ капиталистическаго міроваго хозяйства. И что опять-таки лучше всего изобличаетъ специфическій характеръ современнаго милитаризма, это прежде всего повсемѣстный ростъ его, точно вперегонку, такъ сказать, путемъ собственной внутренней механической движущей силы—явленіе, совершенно неизвѣстное еще пару десятилѣтій тому назадъ; далѣе, неизбежность, фатальность близкаго взрыва и одновременно полная неопредѣленность повода къ нему заинтересованныхъ въ немъ государствъ, предмета спора и всѣхъ другихъ обстоятельствъ. Изъ двигателя капиталистическаго развитія милитаризмъ сдѣлался капиталистической болѣзью.

Въ изображенномъ нами разладѣ между общественнымъ развитіемъ и господствующими классовыми интересами государство становится на сторону послѣднихъ. Въ своей политикѣ государство, какъ и буржуазія, вступаетъ въ противорѣчіе съ общественнымъ развитіемъ, все больше теряетъ характеръ представителя всего общества и дѣлается все больше голымъ классовымъ государствомъ. Правильнѣе выражаясь, эти два свойства государства отдѣляются одно отъ другого и обостряются до противорѣчія внутри самаго государства. Ука-

занное противорѣчіе съ каждымъ днемъ дѣлается все сильнѣе. Съ одной стороны, общественныя функціи государства все растутъ, растетъ его вмѣшательство въ общественную жизнь, его „контроль“ надъ нею. Но классовой характеръ государства вынуждаетъ его все больше и больше сосредоточивать центръ тяжести своей дѣятельности, свое орудіе власти на милитаризмъ, таможенной и колониальной политикѣ — дѣло, какъ извѣстно, полезное только для классовыхъ интересовъ буржуазіи и имѣющее отрицательное значеніе для всего общества. И его „общественный контроль“, поэтому, проникается все больше классовымъ характеромъ (см. законодательство объ охранѣ труда во всѣхъ странахъ, исключая Англіи). Вышеуказанное превращеніе государства не противорѣчитъ, а скорѣе вполне соотвѣтствуетъ образованію демократіи, въ которой Бернштейнъ видитъ средство постепеннаго введенія социализма.

Конрадъ Шмидтъ даже заявляетъ, что достиженіе социаль-демократическаго большинства въ парламентъ должно быть прямымъ путемъ для этой постепенной социализаціи общества. Безъ сомнѣнія демократическія формы политической жизни самымъ энергичнымъ образомъ отражаютъ развитіе государства въ общество и постольку образуютъ этапъ къ социалистическому перевороту. Однако, тѣмъ острѣе выступаетъ наружу въ современной демократіи то раздвоеніе капиталистическаго государства, которое мы только что характеризовали. Правда, формально задачей демократіи является отраженіе интересовъ всего общества въ государственной организациі, но, съ другой стороны, современное общество есть капиталистическое, въ которомъ тонъ задаютъ капиталистическіе интересы. Эти интересы и отражаетъ демократія. Демократическія учрежденія по формѣ — дѣлаются по своему содержанію орудіемъ господствующихъ клас-

совыхъ интересовъ. Это отчетливо выступаетъ наружу, лишь только демократія пытается измѣнить своему классовому характеру и стать орудіемъ дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ. Буржуазія и ея представители въ государствѣ жертвуютъ тогда демократическими формами.

Идея социаль-демократическаго парламентскаго большинства является передъ лицомъ этого факта схемой, которая считается только съ одной формальной стороны демократіи и оставляетъ совершенно безъ вниманія другую ея сторону, соотвѣтствующую ея реальному содержанію. И демократія въ цѣломъ вовсе не является тѣмъ непосредственно социалистическимъ элементомъ, который пропитываетъ постепенно капиталистическое общество, какъ думаетъ Бернштейнъ. Наоборотъ, демократія является тѣмъ специфически капиталистическимъ средствомъ, при помощи котораго зрѣютъ и формируются капиталистическія противорѣчія.

Передъ лицомъ этого объективнаго развитія государства положеніе Бернштейна и Конрада Шмидта о растущемъ „общественномъ контролѣ“, прямо приводящемъ къ социализму, является фразой, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе противорѣчитъ дѣйствительности.

Теорія постепеннаго введенія социализма имѣетъ въ виду постепенную реформу — по направленію къ социалистическому строю — капиталистической собственности и капиталистическаго государства. Но и то и другое, въ силу объективныхъ тенденцій современнаго общества, развивается въ совершенно противоположномъ направленіи. Производственный процессъ все больше обобществляется и вмѣшательство, контроль государства надъ этимъ производственнымъ процессомъ дѣлается все шире. Но въ то же самое время капиталистическая частная собственность дѣлается все болѣе законченной, все болѣе неприкосновенной, и контроль государства

все болѣе подчиняется голымъ классовымъ интересамъ. Такъ какъ государство, т. е. политическая организація, и имущественныя отношенія, т. е. правовая организація капитализма, дѣлаются все болѣе капиталистическими, а не социалистическими, то двѣ непреодолимыя трудности противостоятъ теоріи постепеннаго введенія социализма.

Идея Фурье—превратить посредствомъ фаланстеръ въ одинъ мигъ всю морскую воду земного шара въ лимонадъ—была очень фантастическая. Однако, идея Бернштейна—превратить море капиталистической горечи въ море социалистической сладости посредствомъ вливанія въ него бутылочекъ социаль-реформатскаго лимонада—является только немного болѣе отшлифованной идеей, но ничуть не менѣе фантастической.

Производственныя отношенія капиталистическаго общества приближаются все болѣе къ социалистическимъ, но его политическія и правовыя отношенія создали высокую стѣну между капиталистическимъ и социалистическимъ обществомъ. Ростомъ социальныхъ реформъ и демократіи въ этой стѣнѣ не пробивается брешь, наоборотъ, стѣна дѣлается все крѣпче, все выше. И только ударомъ молота революціи, т. е. завоеваніемъ политической власти пролетариатомъ, эта стѣна будетъ разрушена.

5. Общій характеръ теоріи и ея практическіе выводы.

Въ первой части нашей книги мы пытались показать, что теорія Бернштейна отнимаетъ у социалистической программы ея матеріальную основу и ставитъ эту программу на идеалистическій фундаментъ. Это относится къ теоретическому обоснованію. Какъ же выглядит эта теорія, переведенная на языкъ практики? Формально послѣдняя ничѣмъ

не отличается отъ обычной практики социаль-демократической борьбы. Профессиональные союзы, борьба за социальныя реформы и за демократизацію политическихъ учреждений—вѣдь все это составляетъ также и обычное содержаніе социаль-демократической партійной дѣятельности.

Вся разница лежитъ не въ словѣ что, а въ словѣ какъ. Въ настоящее время профессиональная и парламентская борьба разсматриваются, какъ средство подготовки пролетариата къ захвату политической власти, какъ средство воспитать его для этой цѣли. По взглядамъ же Бернштейна, въ виду невозможности и полной бесполезности этого захвата власти, профессиональная и парламентская борьба должны вестись исключительно для непосредственныхъ результатовъ—улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ, постепеннаго ограниченія капиталистической эксплуатаціи и расширенія общественного контроля. Если мы минемъ цѣль непосредственнаго улучшенія положенія рабочихъ, такъ какъ эта цѣль обща для обоихъ существующихъ въ партіи направленій, какъ ортодоксальнаго, такъ и бернштейновскаго, то все различіе между обоими этими направленіями въ короткихъ словахъ сводится къ слѣдующему: по господствующему въ партіи взгляду, социалистическое значеніе профессиональной и политической борьбы состоитъ въ томъ, что она воспитываетъ пролетаріатъ, этотъ субъективный факторъ социалистическаго переворота, для осуществленія послѣдняго. По Бернштейну—значеніе профессиональной и политической борьбы состоитъ въ томъ, что она сама по себѣ постепенно ограничиваетъ капиталистическую эксплуатацію, все больше и больше отнимаетъ у современнаго капиталистическаго общества его капиталистическій характеръ, дѣлая его все болѣе социалистическимъ, однимъ словомъ—осуществляетъ социалистическій переворотъ въ его объективномъ значеніи. Если ближе

присмотрѣться, оба эти взгляда даже противорѣчатъ другъ другу. По господствующимъ въ партіи воззрѣніямъ, профессиональная и политическая борьба убѣждаютъ пролетаріатъ въ невозможности основательно улучшить его положеніе этой борьбой, убѣждаютъ въ неизбежности для него окончательнаго захвата политической власти.

Въ воззрѣніяхъ же Бернштейна предпосылкой является невозможность политической диктатуры пролетаріата, и средствомъ осуществленія социалистическаго строя можетъ быть исключительно профессиональная и политическая борьба...

Социалистическій характеръ профессиональной и парламентской борьбы заключается въ ея постепенномъ социализирующемъ вліяніи на капиталистическое хозяйство. Такова вѣра Бернштейна, вытекающая изъ его взглядовъ. Это вліяніе — воображаемое, какъ мы и пытались доказать. Капиталистическіе институты собственности и государства развиваются въ совершенно противоположномъ направленіи. Благодаря этому, практическая повседневная борьба социаль-демократіи въ послѣднемъ счетѣ теряетъ вообще всякую связь съ социализмомъ. Великое социалистическое значеніе профессиональной и политической борьбы заключается въ томъ, что она социализируетъ познаніе рабочаго класса, его психику.

Но, когда эту борьбу принимаютъ за средство немедленной социализации капиталистическаго хозяйства, она не только не оказываетъ, приписываемое ей вліяніе, но еще лишается другого, единственно возможнаго социального значенія—она перестаетъ быть средствомъ воспитанія рабочаго класса для пролетарской революціи.

Поэтому является полнѣйшимъ недоразумѣніемъ, когда Эдуардъ Бернштейнъ и Конрадъ Шмидтъ успокаиваютъ себя, что конечная цѣль не потеряна все же для рабочаго движенія, хотя бы оно сосре-

доточило всѣ свои силы на борьбу за социальную реформу и профессиональные союзы, такъ какъ, дескать, каждый шагъ на этомъ пути ведетъ насъ туда же, и социалистическая цѣль живетъ въ самомъ движеніи, какъ его тенденція. Да, это въ полномъ размѣрѣ имѣется въ теперешней тактикѣ нѣмецкой социаль-демократіи, потому что сознательное и энергичное стремленіе къ завоеванію политической власти является путеводной звѣздой для профессиональной и социаль-реформатской борьбы. Но когда это стремленіе къ завоеванію политической власти приписываютъ пролетаріату, какъ уже существующее въ немъ, и отрываютъ эту конечную цѣль отъ непосредственнаго рабочаго движенія, выставляя на первый планъ социальную реформу, какъ само-цѣль, тогда эта реформа не только не ведетъ насъ къ осуществленію социалистической, конечной, цѣли, но какъ разъ наоборотъ. Конрадъ Шмидтъ ссылается по-просту на такъ называемое механическое движеніе, которое, разъ появившись въ рѣкѣ, само по себѣ уже не можетъ прекратиться; онъ выставляетъ также то шаблонное правило, что при ѣдѣ появляется аппетитъ, и рабочій классъ никогда не сможетъ примириться съ реформами, пока не совершится социалистическій переворотъ. Послѣдняя предпосылка, конечно, вѣрна и въ ней кроется недостаточность всякой капиталистической и социальной реформы, но сдѣланное отсюда заключеніе было бы только тогда справедливо, если бы можно было конструировать непрерывную цѣпь все расширяющихся социальныхъ реформъ отъ нынѣшняго строя къ социалистическому, но это является фантазіей. Цѣпь по природѣ вещей очень скоро обрывается, а пути, по которымъ можетъ пойти съ этого пункта движеніе, очень разнообразны.

Всего скорѣе и всего вѣроятнѣе тогда будутъ всѣми средствами стремиться къ достиженію практическихъ результатовъ борьбы, социальныхъ ре-

формъ. А непримиримая, рѣзкая классовая точка зрѣнія, имѣющая смыслъ только при твердомъ стремленіи къ завоеванію политической власти, будетъ становиться все болѣе отрицательной силой, лишь только непосредственные, практическіе результаты сдѣлаются главной цѣлью. Первымъ шагомъ на этомъ пути является, такимъ образомъ, политика компенсацій и осторожное, достойное государственнаго мужа, мудрое поведеніе. Но и въ этомъ случаѣ движеніе не можетъ застыть въ постоянномъ равновѣсіи.

Такъ какъ социальная реформа въ капиталистическомъ мірѣ является пустымъ орѣхомъ и таковымъ всегда остается, какую бы тактику не примѣняли, то ближайшимъ логическимъ шагомъ по вышеуказанному пути явится разочарованіе также и въ социальной реформѣ, т. е. тихая гавань, та самая, гдѣ бросили свой якорь Шмоллеръ и Ко, проплывшіе въ социаль-реформаторскихъ водахъ оба полушарія и, наконецъ, рѣшившіе: „пусть все идетъ, какъ Богу угодно“. Соціализмъ ни въ коемъ случаѣ не живетъ въ повседневной борьбѣ рабочаго класса, какъ тенденція. Его мѣсто, съ одной стороны, во все болѣе обостряющихся объективныхъ противорѣчійхъ капиталистическаго хозяйства, съ другой стороны—въ субъективномъ познаніи рабочаго класса неизбѣжнаго улучшенія своего положенія путемъ социальнаго переворота. Когда забываютъ первое и отбрасываютъ второе, какъ дѣлаетъ Бернштейнъ въ своей теоріи, тогда движеніе превращается въ простую комедію профессионализма и социаль-реформаторства и въ конечномъ счетѣ ведетъ къ забвенію классовой точки зрѣнія.

Эти послѣдствія станутъ ясны, если разсмотримъ теорію Бернштейна еще съ другой стороны и задать себѣ вопросъ: что является самымъ характернымъ въ этихъ взглядахъ? Ясно, что Бернштейнъ не стоитъ на почвѣ капиталистическихъ отношеній и не отрицаетъ ихъ противорѣчій, какъ это дѣ-

лаютъ буржуазные политико-экономы — его теорія, какъ и марксова концепція, имѣетъ своей предпосылкой существованіе этихъ противорѣчій. Но съ другой стороны — и это является центральнымъ пунктомъ его разсужденій, въ этомъ онъ главнымъ образомъ и расходится съ обычными социаль-демократическими взглядами — Бернштейнъ въ своей теоріи не опирается на уничтоженіи противорѣчій капитализма путемъ послѣдовательнаго собственаго ихъ развитія.

Его теорія стоитъ въ серединѣ этихъ двухъ крайностей. Онъ не желаетъ, чтобы противорѣчія достигли полной своей зрѣлости, — не желаетъ на вершинѣ этого обостренія однимъ революціоннымъ ударомъ покончить съ ними. Нѣтъ. Онъ хочетъ отломать у нихъ остріе, притупить ихъ. Такъ, по Бернштейну — ослабленіе кризисовъ и организація предпринимателей должны притупить противорѣчіе между производствомъ и обмѣномъ; улучшеніе положенія пролетаріата и не перестающее существовать среднее сословіе ослабятъ противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ; растущій общественный контроль и демократія — противорѣчіе между классовымъ государствомъ и обществомъ.

Конечно, обычная социаль-демократическая тактика состоитъ не въ томъ, чтобы дожидаться, пока развитіе капиталистическихъ противорѣчій приведетъ къ наибольшему обостренію, чтобы затѣмъ нанести окончательный ударъ. Наоборотъ, мы только опираемся на разъ данное направленіе развитія, но доводимъ затѣмъ въ политической борьбѣ его послѣдствія до конца, предупреждаемъ ихъ, учитываемъ ихъ дальнѣйшее объективное развитіе и все время стоимъ на почвѣ вполне развитыхъ противорѣчій. Въ этомъ вѣдь и заключается сущность всякой революціонной тактики. Такъ, напримѣръ, социаль-демократія борется противъ таможенныхъ пошлинъ и милитаризма даже тогда, когда они еще

играют революционную роль въ капиталистическомъ развитіи. Бернштейнъ же въ своей тактикѣ опирается не на дальнѣйшемъ развитіи и обостреніи противорѣчій капитализма, а на ихъ притупленіи. Онъ самъ превосходно это разъяснилъ, говоря о „приспособленіи“ капиталистическаго хозяйства. Когда такой взглядъ имѣлъ бы свое оправданіе? Всѣ противорѣчія современнаго общества являются простымъ результатомъ капиталистическаго способа производства. Разъ мы предположимъ, что этотъ способъ производства и дальше развивается въ томъ же направленіи, то неразрывно съ нимъ должны развиваться и всѣ его послѣдствія, должны усиливаться и обостряться, а не притупляться и всѣ его противорѣчія. Притупленіе противорѣчій имѣетъ, напротивъ, своей предпосылкой остановку развитія самого капиталистическаго способа производства.

Однимъ словомъ, самой общей предпосылкой всей теоріи Бернштейна является полная приостановка капиталистическаго развитія.

Но этимъ теорія сама осуждаетъ себя и притомъ двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, она обнажаетъ свой утопическій характеръ относительно социалистической конечной цѣли, — вѣдь ясно, что капиталистическое развитіе, застрявшее въ болотѣ, не можетъ привести къ социалистическому перевороту. Здѣсь кстати мы имѣемъ яркое подтвержденіе нашего описанія практическихъ послѣдствій теоріи Бернштейна. Во-вторыхъ, она обнажаетъ свой реакціонный характеръ въ отношеніи къ капиталистическому развитію, въ дѣйствительности не останавливающемуся, а быстро идущему впередъ. Является вопросъ: какъ передъ лицомъ этого дѣйствительно совершающагося капиталистическаго развитія могутъ быть объяснены взгляды Бернштейна, и еще болѣе — какъ они могутъ быть характеризованы?

Что экономическія предпосылки, изъ которыхъ

исходитъ Бернштейнъ въ своемъ анализѣ современныхъ социальныхъ отношеній — его теорія капиталистическаго „приспособленія“ — невѣрна, это, думается намъ, мы уже показали въ первой части нашей книги. Мы видѣли, что ни кредитъ, ни картель не являются „средствомъ приспособленія“ капиталистическаго хозяйства, а ослабленіе кризисовъ и продолжающее существовать среднее сословіе не могутъ разсматриваться, какъ симптомы капиталистическаго приспособленія. Но всѣмъ названнымъ деталямъ теоріи приспособленія, помимо ихъ прямой ошибочности, присуща еще одна общая черта. Эта теорія беретъ всѣ разсмотренныя нами явленія экономической жизни не въ ихъ органической связи съ капиталистическимъ развитіемъ въ цѣломъ, не въ ихъ связи со всѣмъ хозяйственнымъ механизмомъ, но вырванными изъ этой связи, самихъ по себѣ, какъ *dissecta membra* (разъединенныя части) мертвой машины. Возьмемъ для примѣра взглядъ Бернштейна на вліяніе кредита въ смыслѣ приспособленія. Если разсматривать кредитъ, какъ естественную, высшую ступень обмѣна и въ связи со всѣми присущими капиталистическому обмѣну противорѣчіями, — тогда, конечно, также мало можно видѣть въ немъ какое-то внѣ процесса обмѣна стоящее механическое „средство приспособленія“ капитализма, какъ мало такимъ „средствомъ приспособленія“ являются сами деньги, товаръ, капиталъ. Но кредитъ является ни на волосъ не меньше, чѣмъ деньги, товаръ и капиталъ, органической частью капиталистическаго хозяйства на опредѣленной ступени его развитія и, какъ послѣдніе, воспроизводитъ и усиливаетъ его внутреннія противорѣчія, образуя настолько же незамѣнимую часть его созидающаго механизма, какъ и орудіе его разрушенія.

То же самое относится къ картелямъ и къ усовершенствованнымъ путямъ сообщенія.

Такое же механическое, не диалектическое мышление обнаруживает Бернштейн, когда смягчение кризисов принимает за симптом „приспособления капиталистического хозяйства“. Для него кризисы — простое разстройство в хозяйственном механизме, и если их нет, тогда ясно — механизм может правильно функционировать. В действительности же кризисы вовсе не являются „разстройством“ в собственном смысле этого слова, скорее кризисы, это, действительно — разстройство, но такое, без которого капиталистическое хозяйство в целом не может ни в каком случае обойтись. Кризисы, выражаясь совсем кратко, являются в капиталистическом строе единственно возможным, а потому совершенно нормальным способом периодического разрешения противоречия между неограниченной способностью производительных сил к развитию и тесными границами пользования ими. Поэтому-то кризисы и составляют органическое, неразрывно связанное со всем капиталистическим хозяйством явление.

В „безпрепятственном“ ходе капиталистического производства кроются для него гораздо большие опасности, чем сами кризисы. Непрерывное падение нормы прибыли, имеющее своим источником не противоречие между производством и обменом, а рост производительности труда, — вот где кроется опаснейшая тенденция: сдѣлать невозможным производительную деятельность для всех маленьких и средних капиталов и, таким образом, воспрепятствовать предприимчивости капитала, а с ней вместе и прогрессу его. И именно кризисы в том же самом процессе влияют в совершенно противоположном направлении. Они, благодаря периодическому обезцѣниванию капитала, удешевлению средств производства и парализованию одной части оборотного капитала, влияют в то же время на поднятие прибыли и создают, таким

образом, почву для нового приложения сил в производствѣ, создают почву для его прогресса.

Таким образом, кризисы постоянно раздувают пламя капиталистического развития. Прекращение их не только на определенную фазу образования мирового рынка (как мы это принимаем), но навсегда — привело бы капиталистическое хозяйство не к пышному расцвету, как думает Бернштейн, а прямоком в ... болото. При механическом методе мышления, характеризующем всю теорию приспособления, Бернштейн упускает из виду как положительное значение кризисов, так и децентрализующую тенденцию капитала. Поэтому-то постоянное возрождение мелкого капитала кажется ему признаком капиталистического застоя, а не нормального капиталистического развития.

Есть, правда, одна точка зрения, с которой все вышеуказанные факты, действительно, так представляются, как их принимает „теория приспособления“. Это именно — точка зрения отдельного капиталиста. До его сознания факты хозяйственной жизни доходят изуродованные законами конкуренции. Отдельный капиталист видит каждую часть хозяйственного организма, как нечто совершенно самостоятельное. Он видит факты экономической жизни только с той стороны, как они на него, отдельного капиталиста, влияют. Поэтому они для него или простые „разстройства“, или „средства приспособления“. Для отдельного капиталиста кризисы действительно только разстройство, а их замедление дает ему возможность дольше существовать.

Также и кредит служит для него средством „приспособить“ недостаточные производительные силы к запросам рынка. Картель, в которую вступает капиталист, действительно уничтожает для него анархию производства.

Одним словом, теория приспособления Берн-

штейна есть ничто иное, какъ теоретическое обобщеніе метода мышленія отдѣльнаго капиталиста; но вѣдь этотъ методъ мышленія въ его теоретическомъ выраженіи и составляетъ самое существенное, самое характерное въ буржуазной вульгарной экономіи.

Всѣ экономическія заблужденія этой школы покоятся именно на томъ заблужденіи, что она на явленія конкуренціи въ капиталистическомъ хозяйствѣ смотритъ глазами частнаго капитала. И такъ же, какъ Бернштейнъ смотритъ на кредитъ, вульгарная экономія рассматриваетъ, напримѣръ, и деньги, какъ превосходное „средство приспособленія“ къ потребностямъ обмѣна. Она также ищетъ въ самихъ капиталистическихъ явленіяхъ противоядіе противъ золь капитализма и въ полномъ согласіи съ Бернштейномъ вѣритъ въ возможность регулированія капиталистическаго хозяйства; наконецъ, такъ же, какъ и теорія Бернштейна, она все время ищетъ спасенія въ притупленіи капиталистическихъ противорѣчій и замазываніи капиталистическихъ ранъ, т. е. другими словами — въ реакціонныхъ средствахъ, вмѣсто революціонныхъ, и тѣмъ впадаетъ въ утопію.

Теорію Бернштейна, взятую въ цѣломъ, можно охарактеризовать слѣдующими словами: это — теорія социалистическаго застоя, при помощи вульгарной экономіи обоснованная теоріей капиталистическаго застоя.

Часть II¹.

1. Экономическое развитіе и социализмъ.

Величайшимъ завоеваніемъ пролетарской классово-вой борьбы въ ея развитіи было открытіе точки опоры для осуществленія социализма въ экономическихъ отношеніяхъ капиталистическаго общества. Благодаря этому открытію, социализмъ изъ „идеала“, о которомъ въ теченіе тысячелѣтій мечтало человечество, превратился въ историческую необходимость.

Бернштейнъ оспариваетъ существованіе въ современномъ обществѣ этихъ экономическихъ предпосылокъ социализма.

Самъ онъ при этомъ продѣлываетъ интересныя метаморфозы въ своихъ доказательствахъ. Сначала въ журналѣ „Neue Zeit“ онъ только оспаривалъ быстроту концентраціи въ индустріи и черпалъ доказательства изъ сравненія статистическихъ данныхъ германской промышленности за 1895 и 1882 гг. При этомъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ чисто суммарнымъ и механическимъ вычисленіямъ, чтобы использовать ихъ для доказательства своей мысли. Но и въ лучшемъ случаѣ Бернштейнъ своимъ указаніемъ на устойчивость среднихъ предприятий ничуть не разбилъ сдѣланный Марксомъ анализъ.

¹ Анализъ книги Эдуарда Бернштейна: „Предпосылки социализма и задачи социалдемократіи“ (русскій переводъ П. Коганъ: „Соціальныя проблемы“).

Вѣдь послѣдній не указываетъ ни опредѣленнаго темпа промышленной концентрации, то есть опредѣленнаго срока для осуществленія конечной социалистической цѣли, ни, какъ мы это указывали еще на стр. 21 и 22-ой, абсолютнаго исчезновенія мелкихъ капиталовъ и мелкой буржуазіи, какъ необходимое условіе реализаціи социализма.

Теперь въ своей новой книгѣ Бернштейнъ для обоснованія своихъ взглядовъ приводитъ новый матеріалъ — статистику акціонерныхъ компаній. Эта статистика должна показать, что число акціонеровъ все растетъ и классъ капиталистовъ не уменьшается въ числѣ, но, напротивъ, все увеличивается. Прямо поражаетъ, какъ плохо Бернштейнъ разобрался въ приводимомъ имъ матеріалѣ и какъ не сумѣлъ онъ его использовать даже для своихъ цѣлей.

Разъ онъ хотѣлъ въ акціонерныхъ компаніяхъ почерпнуть матеріалъ противъ закона промышленнаго развитія Маркса, тогда онъ долженъ былъ привести совсѣмъ другія цифры. Всякій, знакомый съ исторіей акціонернаго дѣла въ Германіи, знаетъ, что средняя сумма приходящагося на каждое предприятие основнаго капитала почти правильно убываетъ. Такъ, до 1871 года размѣры капитала въ среднемъ были 10,8 милліоновъ марокъ, въ 1871 г. только—4,01 мил. марокъ, въ 1873—3,8 мил. марокъ въ 1883—1887 гг. менѣе 1 милліона марокъ, въ 1891 г. только 0,56 милліоновъ, въ 1892 г. — 0,62 мил. Съ тѣхъ поръ эти размѣры колеблются около 1 мил. марокъ, и хотя въ 1895 г. опять дошли до 1,78 мил. марокъ, но въ 1897 г. упали до 1,19 милл.¹

Поразительныя цифры! Съ помощью ихъ Бернштейнъ, вопреки схемѣ Маркса, навѣрное, открылъ бы тенденцію перехода крупныхъ предприятий назадъ въ мелкія. Но въ этомъ случаѣ каждый могъ бы возразить Бернштейну: если вы хотите съ по-

¹ Van der Borcht. Словарь государственныхъ наукъ.

мощью этихъ статистическихъ данныхъ что-либо выяснить, тогда вы должны прежде всего доказать, что они относятся къ однимъ и тѣмъ же отраслямъ промышленности, — должны доказать, что мелкія предприятия появляются на мѣсто старыхъ, крупныхъ, а не тамъ, гдѣ до сихъ поръ никакого производства не было, или только ремесло, или карликовыя предприятия. Это доказать вамъ не удастся, потому что переходъ отъ гигантскихъ акціонерныхъ компаній къ среднимъ и мелкимъ объясняется только тѣмъ, что акціонерное дѣло внодряется во все новыя отрасли производства, и если сначала оно охватывало только немногія гигантскія предприятия, теперь оно все болѣе приспосабливается къ среднимъ, а кое-гдѣ даже къ мелкимъ предприятиямъ (Встрѣчаются даже акціонерныя компаніи съ капиталомъ до 1000 марокъ!). Что же означаетъ съ точки зрѣнія народнаго хозяйства все большее распространеніе акціонерныхъ предприятий? Прогрессирующее обобществленіе производства въ его капиталистической формѣ, обобществленіе не только гигантскаго производства, но и средняго и мелкаго, слѣдовательно—нѣчто такое, что не только не противорѣчитъ теоріи Маркса, но блестяще ее подтверждаетъ. И дѣйствительно, въ чемъ заключается экономическая сущность акціонернаго дѣла? Съ одной стороны въ соединеніи многихъ мелкихъ состояній въ одинъ производительный капиталъ, въ одно хозяйственное цѣлое, съ другой стороны — въ отдѣленіи производства отъ собственника капитала.

Оба эти явленія указываютъ на двойную побѣду капиталистическаго способа производства и все на капиталистической основѣ.

Что означаютъ передъ лицомъ этихъ явленій приводимыя Бернштейномъ данныя о крупномъ числѣ акціонеровъ, имѣющихъ долю въ предприятии? Ничего другого, какъ то, что теперь владѣтелемъ капиталистическаго предприятия является не

одинъ собственникъ капитала, какъ раньше, но цѣлый рядъ ихъ, количественно все болѣе увеличивающійся. Хозяйственное понятіе „капиталистъ“ не покрывается уже болѣе однимъ человѣкомъ: современный капиталистъ является собирательнымъ понятіемъ, состоящимъ изъ сотенъ, даже тысячъ лицъ, и категорія „капиталиста“ еще въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства сдѣлалась общественной категоріей, такъ сказать, обобществилась.

Чѣмъ же можно объяснить, что Бернштейнъ, несмотря на эти факты, рассматриваетъ акціонерныя общества не какъ концентрацію капитала, а наоборотъ, какъ его раздробленіе. Почему Бернштейнъ видитъ расширеніе капиталистической собственности тамъ, гдѣ Марксъ видитъ ея „уничтоженіе“? Благодаря одной очень простой вульгарно-экономической ошибкѣ: въ понятіи „капиталистъ“ Бернштейнъ видитъ не производственную категорію, а право собственности, не хозяйственное единство, а податное; въ понятіи капитала—не производственное цѣлое, а просто денежное состояніе. Поэтому-то онъ въ своемъ англійскомъ ниточномъ трестѣ видитъ не соединеніе 12.300 лицъ въ одно лицо, но цѣлыхъ 12.300 капиталистовъ, поэтому-то для него инженеръ Шульце, получившій за свою жену отъ рантье Миллера въ приданое „большое количество акцій“ (стр. 54) — тоже капиталистъ, поэтому-то и весь міръ мерещится ему полнымъ „капиталистовъ“¹.

¹ Notabene! Въ большомъ распространеніи мелкихъ акцій Бернштейнъ видитъ доказательствъ о того, что общественное богатство уже начинаетъ простираться на своихъ акціонерныхъ благословленій даже на совсемъ маленькихъ людей. И дѣйствительно кто, кромѣ мелкихъ буржуа или даже рабочихъ, покупалъ бы, на примѣръ, акціи ничтожной цѣны въ 1 фунтъ стерлинговъ (9 р. 40 к.)! Къ сожалѣнію, все это положеніе основывается на простой ошибкѣ вычисленія: тутъ оперируютъ съ номинальной цѣнностью акцій вмѣсто ихъ рыночныхъ цѣнъ, что совсемъ другое.

Вотъ примѣръ! На рудниковомъ рынкѣ совершаются, между прочимъ, сдѣлки на южноафриканскія шахты.

Какъ и большинствѣ во рудниковыхъ цѣнностей эти акціи имѣютъ номинальную стоимость 1 фунтъ стерлинговъ (20 марокъ = 9 р. 40 к.).

Но здѣсь, какъ и повсюду — вульгарно-экономическая ошибка Бернштейна служитъ для него только теоретической почвой для вульгаризаціи социализма. Переносъ понятіе „капиталистъ“ изъ производственныхъ отношеній въ отношенія собственности и „говоря о людяхъ вмѣсто предпринимателей“, Бернштейнъ этимъ самымъ переноситъ проблему социализма изъ области производства въ область имущественныхъ отношеній, изъ отношенія между капиталомъ и трудомъ въ отношеніе между богатымъ и бѣднымъ.

Такимъ образомъ, мы отъ Маркса и Энгельса преблагополучно возвращаемся назадъ къ автору „Евангелія бѣднаго грѣшника“, съ той только разницей, что Вейтлингъ, благодаря вѣрному пролетарскому инстинкту, позналъ въ этой противоположности богатства и бѣдности примитивную форму классовыхъ противорѣчій и хотѣлъ сдѣлать ее рычагами социалистическаго движенія, между тѣмъ какъ Бернштейнъ, наоборотъ, ищетъ путей для социализма въ превращеніи бѣдныхъ въ богатыхъ, т. е. въ сглаживаніи классовыхъ противорѣчій. Рѣшеніе вопроса по существу мелкобуржуазное.

Бернштейнъ впрочемъ не ограничивается статистикой доходовъ. Онъ еще приводитъ въ своей книгѣ статистику предприятий и притомъ различныхъ странъ: Германіи и Франціи, Англии и Швейцаріи, Австріи и Соединенныхъ Штатовъ. Но что это за статистика? Это не сравнительныя данныя для различныхъ моментовъ въ каждой странѣ, но данныя для отдѣльныхъ моментовъ въ различныхъ странахъ.

Цѣна же ихъ въ настоящее время 43 фунта стерлинговъ (см. биржевой бюллетень конца марта 1899 года), то есть не 20 марокъ, а 860!

И такъ обстоитъ дѣло въ общемъ повсюду. „Мелкія“ акціи, хотя это слово и звучитъ такъ демократически, являются, такимъ образомъ, въ дѣйствительности доступными большей частью только „порядочнымъ“ буржуа и ни въ коемъ случаѣ не указываютъ на мелко буржуазное или еще менѣе пролетарское „распределеніе общественного богатства“, такъ какъ по номинальной цѣнности эти акціи приобрѣтаются только маленькой частью акціонеровъ.

Бернштейнъ сравниваетъ — исключая Германію, гдѣ онъ попрежнему противопоставляетъ 1895 и 1882 годы — не строеніе промышленности одной страны въ различные моменты, но исключительно абсолютныя цифры для различныхъ странъ (для Англии въ 1891 году; Франціи въ 1894 г., Соединенныхъ Штатовъ въ 1890 г. и т. д.). Въ результатѣ Бернштейнъ приходитъ къ тому выводу, „что хотя крупныя предпріятія въ настоящее время и господствуютъ, все-же они, если включить въ ихъ число и всѣ побочныя, зависимыя отъ нихъ предпріятія, даже въ Пруссіи, странѣ такъ далеко ушедшей въ смыслѣ капиталистическаго развитія, — самое большее представляютъ половину занятыхъ въ производствѣ. То же самое во всей Германіи, Англии, Бельгіи“ и т. д. (см. 84 стр.).

Но этимъ доказывается не та или другая тенденція экономическаго развитія, но только абсолютное соотношеніе силъ различныхъ формъ предпріятій, различныхъ экономическихъ группъ. Если этимъ должна быть доказана безнадежность социализма, то въ основѣ такого разсужденія лежитъ теорія, по которой исходъ социальныхъ стремленій рѣшается численнымъ физическимъ соотношеніемъ силъ борющихся, т. е. простымъ моментомъ силы. Здѣсь Бернштейнъ, которому повсюду вѣчно мерещится бланкизмъ, самъ сдѣлался жертвой грубѣйшаго бланкистскаго непониманія. И опять съ той только разницей, что бланкисты, какъ социалисты и революціонеры, считали осуществленіе социализма само собой разумѣющимся и свои надежды на проведеніе его въ жизнь посредствомъ насильственной революціи возлагали даже на маленькое меньшинство, въ то время какъ Бернштейнъ, наоборотъ — изъ численной недостаточности народнаго большинства выводитъ экономическую безнадежность социализма. Соціаль-демократія обосновываетъ свою конечную цѣль такъ же мало на побѣдоносной силѣ меньшин-

ства, какъ на численномъ перевесѣ большинства. Ея надежды опираются на экономическую необходимость, на тѣ тенденции, которыя неизбежно ведутъ къ уничтоженію народной массой капиталистическаго строя, — тенденции, прежде всего выражающіяся въ капиталистической анархіи.

Что касается послѣдней рѣшающей проблемы — анархіи въ капиталистическомъ хозяйствѣ, то и самъ Бернштейнъ отрицаетъ только большіе, всеобщіе кризисы, но не частичные, національные. Такимъ образомъ, онъ отвергаетъ только всеобщность анархіи, но въ то же время онъ подтверждаетъ существованіе ея въ небольшихъ размѣрахъ. Капиталистическое хозяйство у Бернштейна въ данномъ случаѣ походить, — скажемъ разъ словами Маркса — на глупую дѣвушку съ ребенкомъ, который былъ „только совсѣмъ маленькимъ“. Фатальнымъ въ этомъ случаѣ является то, что въ такихъ вещахъ, какъ анархія, много или мало, одинаково худо. Разъ Бернштейнъ оставляетъ хоть немного анархіи, механизмъ товарнаго хозяйства самъ позаботится объ увеличеніи этой анархіи до чудовищныхъ размѣровъ — до социального переворота. Но если Бернштейнъ надѣется, при одновременномъ сохраненіи товарнаго производства, постепенно растворить въ порядкѣ и гармоніи оставшуюся каплю анархіи, то онъ тутъ опять впадаетъ въ одну изъ основныхъ ошибокъ буржуазной вульгарной экономіи, разсматривая способъ обмѣна независимымъ отъ способа производства¹.

¹ Бернштейнъ, правда, отвѣчаетъ — и довольно распространено — на нѣкоторыя мѣста нашихъ первыхъ статей въ „Leipziger Volkszeitung“ (Лейпцигской народной газетѣ), но въ такой формѣ, которая только изобличаетъ его смущеніе. Онъ, напримѣръ, скептически смотритъ на значеніе кризисовъ. Мы критикуемъ его. А онъ отдѣливается отъ отвѣта, приписывая намъ ту мысль, что вся-де теорія кризисовъ Маркса соотряпана для аккомпанимента подъ „музыку будущаго“! Но это вѣдь является въ высшей степени вольнымъ изложеніемъ нашихъ словъ, такъ какъ мы утверждали только слѣдующее: закономерная, механическая періодичность кризисовъ, или точнѣе, ихъ десятилѣтній циклъ является схемой только для исполнѣ развитаго мірового рынка. Что же касается до содержанія теоріи кризисовъ Маркса.

Здѣсь не мѣсто раскрыть во всемъ ея цѣломъ ту поразительную путаницу въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ политической экономіи, которую Бернштейнъ преподноситъ намъ въ своей книгѣ. Но одинъ пунктъ, касающійся основного вопроса капиталистической анархіи, долженъ быть здѣсь въ короткихъ словахъ освѣщенъ.

Бернштейнъ заявляетъ: законъ трудовой цѣнности Маркса—есть голая абстракція, что кстати, по мнѣнію Бернштейна, въ политической экономіи является ругательнымъ словомъ. Но разъ трудовая цѣнность—простая абстракція, „мечта“ (стр. 44), тогда каждый честный буржуа, отбывшій военную службу и уплатившій свои подати, имѣетъ одинаковое право съ Карломъ Марксомъ состряпать изъ любой бессмыслицы такую „мечту“, та-

то мы разъясняли, что она является единственнымъ научнымъ описаниемъ и объясненіемъ механизма всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ кризисовъ и ихъ внутреннихъ экономическихъ причинъ.

Еще удивительнѣе отвѣты Бернштейна на другіе пункты нашей критики. Мы указывали, напримѣръ, что картели уже потому не могутъ быть средствомъ противъ капиталистической анархіи, что они,—какъ это показываетъ сахарная индустрія—только обострили конкуренцію на мировомъ рынкѣ. На это наше указаніе Бернштейнъ отвѣчаетъ, что это дѣйствительно такъ, но зато обострившаяся въ Англии конкуренція сахара вызвала къ жизни фабрикацію въ громадныхъ размѣрахъ мармелада и сиропа (стр. 78). Отвѣтъ, напоминившій намъ разговорныя упражненія въ первой части самоучителя Оллендорфа: „Рукавъ—короткій, но башмакъ—узокъ. Отецъ—высокаго роста, но мать легла спать!“

Также логически отвѣчаетъ Бернштейнъ на наши доказательства, что и кредитъ также не можетъ быть „средствомъ приспособленія“ противъ капиталистической анархіи, что онъ, кредитъ, только еще болѣе усиливаетъ эту анархію: кредитъ, дескать, рядомъ съ разрушительной способностью имѣетъ также и положительную, „созидающую“ способность, которую и Марксъ признавалъ за нимъ. Для того, кто, опираясь на теорію Маркса, вообще въ капиталистическомъ хозяйствѣ видитъ всѣ положительныя черты для будущаго социалистическаго преобразования общества, — для того это указаніе относительно кредита не совсѣмъ ново. Нашъ же споръ идетъ о томъ, имѣетъ ли это, черезъ голову капитализма ведущее, положительное свойство кредита, положительную цѣнность еще въ капиталистическомъ хозяйствѣ, можетъ ли кредитъ ослабить капиталистическую анархію, или же онъ самъ вырождается въ противорѣчіе и только еще болѣе усиливаетъ анархію, какъ мы это показывали въ нашей книгѣ.

Повторное указаніе Бернштейна на „творческую способность кредита“, составляющую вѣдь исходный пунктъ всего нашего спора, и является въ виду этого просто „теоретическимъ бѣгствомъ по ту сторону“ поля спора.

кой законъ цѣнности. „По существу, если Марксу позволительно абстрагироваться отъ свойствъ товаровъ настолько, что они въ концѣ-концовъ превращаются въ овеществленный простой человѣческой трудъ, — то и школѣ Бемъ-Баварка можно абстрагироваться отъ всѣхъ свойствъ товаровъ, исключая ихъ полезности“ (стр. 42).

Такимъ образомъ, „общественный трудъ“ Маркса и абстрактная „полезность“ Менгера для Бернштейна едино суть: все — голая абстракція! Бернштейнъ тутъ совершенно забылъ, что марксова абстракція не изобрѣтеніе его, но открытіе, что не въ головѣ Маркса существуетъ она, а въ товарномъ хозяйствѣ, имѣетъ не выдуманное, а реальное, общественное существованіе, настолько реальное, что рѣжется она и куется, взвѣшивается и чеканится. Открытый Марксомъ абстрактный человѣческой трудъ въ его развернутой формѣ есть не что иное, какъ — деньги. Это именно и есть одно изъ геніальнѣйшихъ экономическихъ открытій Маркса. Вѣдь для всей буржуазной экономіи, начиная съ перваго меркантилиста и кончая послѣднимъ классикомъ, мистическая сущность денегъ оставалась книгой за семью печатями.

Напротивъ того, абстрактная полезность Бемъ-Джевонса въ дѣйствительности есть только мысленное изображеніе, или вѣрнѣе, отсутствіе всякой мысли, глупость, за которую не могутъ быть отвѣтственны ни капиталистическое, ни какое бы то ни было человѣческое общество, а исключительно одна только буржуазная вульгарная экономія.

Съ такимъ „мысленнымъ изображеніемъ“ въ головѣ Бернштейнъ, Бемъ, Джевонсъ и вся ихъ субъективная компанія могутъ двадцать лѣтъ еще простоять передъ таинствомъ денегъ, не придя ни къ какому другому разрѣшенію вопроса, кромѣ того, что и безъ нихъ всякій сапожникъ знаетъ: деньги, дескать, тоже „полезная“ вещь.

Итакъ Бернштейнъ совершенно пересталъ понимать законъ цѣнности Маркса.

Но для тѣхъ, кто мало-мальски знакомъ съ экономической системой Маркса, совершенно ясно, что безъ закона цѣнности вся система остается совершенно непонятной, или, чтобы конкретнѣе выразиться, — безъ уразумѣнія сущности товара и его обмѣна все капиталистическое хозяйство со всѣми связующими его элементами должно остаться тайной.

Что же такое представляетъ собой та волшебная палочка Маркса, которая раскрыла ему всѣ сокровенныя тайны капитализма, которая помогла ему разрѣшить съ удивительной легкостью проблемы, о существованіи которыхъ величайшіе теоретики буржуазной классической экономіи, какъ Смитъ и Рикардо, даже не подозревали? Этимъ волшебнымъ ключемъ служило Марксу его пониманіе всего капиталистическаго хозяйства, какъ историческаго явленія, и не только по отношенію къ прошлому, какъ это въ лучшемъ случаѣ и классическая экономія понимала, но и по отношенію къ будущему — не только по отношенію къ предшествовавшему натуральному хозяйству, но и въ отношеніи къ социалистическому будущему. Тайной марксовой теоріи цѣнности, его анализа денегъ, его теоріи капитала, — всей, слѣдовательно, его экономической системы является преходящій характеръ капиталистическаго хозяйства, его крушеніе и, такимъ образомъ — это только другая сторона того же — социалистическая конечная цѣль. И именно потому, и только потому, что Марксъ разсматривалъ капиталистическое хозяйство, какъ социалистъ, то есть съ исторической точки зрѣнія, могъ онъ расшифровать гѣроглифы капитализма. И такъ какъ социалистическая точка зрѣнія сдѣлана имъ исходнымъ пунктомъ научнаго анализа буржуазнаго общества, онъ могъ обосновать научно и социализмъ.

Теперь мы можемъ оцѣнить замѣчанія Бернштейна въ концѣ его книги, гдѣ онъ жалуется на „дуализмъ“, „проходящій черезъ весь монументальный трудъ Маркса“, „дуализмъ, состоящій въ томъ, что произведеніе Маркса хочетъ быть научнымъ изслѣдованіемъ и въ то же время стремится доказать уже готовую тезу; что въ основѣ книги лежитъ схема, въ которой результатъ, къ какому должно привести развитіе, уже заранѣе предрѣшенъ. Возвратъ къ коммунистическому манифесту (это къ социалистической конечной цѣли! Р. Л.), указываетъ на остатки утопизма въ схемѣ Маркса“ (177 стр.).

Но „дуализмъ“ Маркса есть не что другое, какъ дуализмъ социалистическаго будущаго и капиталистическаго настоящаго, капитала и труда, буржуазіи и пролетаріата.

Этотъ „дуализмъ“ есть величественное научное отраженіе дуализма, существующаго въ буржуазномъ обществѣ, отраженіе существующихъ буржуазныхъ классовыхъ противорѣчій.

И если Бернштейнъ въ этомъ теоретическомъ дуализмѣ видитъ „остатокъ утопизма“ у Маркса, то это является только наивнымъ признаніемъ со стороны Бернштейна, что онъ отрицаетъ историческій дуализмъ въ буржуазномъ обществѣ, капиталистическія классовыя противорѣчія, что для него самъ социализмъ сдѣлался „остаткомъ утопизма“.

Монизмъ Бернштейна есть монизмъ увѣковѣченнаго имъ капиталистическаго строя, монизмъ социалиста, который разстался со своей конечной цѣлью, чтобы зато увидѣть въ неизмѣнномъ буржуазномъ обществѣ конецъ человѣческаго развитія.

Но разъ Бернштейнъ не видитъ разложенія въ самой экономической структурѣ капитализма, не замѣчаетъ его развитія къ социализму, то онъ принужденъ для спасенія социалистической программы,

хотя бы ее формы, апеллировать къ лежащей вѣ экономическаго развитія — идеалистической конструкции, онъ принужденъ самый социализмъ изъ опредѣленной исторической фазы общественнаго развитія превратить въ абстрактный „принципъ“.

Бернштейновскій „принципъ товарищества“, который долженъ скрасить капиталистическое хозяйство, — эта тончайшая „пѣнка“ социалистической конечной цѣли, является подтвержденіемъ не социалистической будущности общества, съ помощью буржуазной теоріи Бернштейна, но подтвержденіемъ социалистическаго прошлаго — Бернштейна.

2. „Хозяйственная“ и политическая демократія.

Мы видѣли — бернштейновскій социализмъ сводится къ тому, чтобы допустить рабочихъ къ участию въ дѣлѣ общественнаго богатства, превратить бѣдныхъ въ богатыхъ. Какъ это должно быть осуществлено? Въ своихъ очеркахъ „Проблемы социализма“, помѣщенныхъ въ „Neue Zeit“, Бернштейнъ дѣлаетъ только чуть замѣтные намеки въ этомъ направленіи, и только, въ своей книгѣ даетъ онъ полный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ. Его социализмъ долженъ быть осуществленъ двумя путями: черезъ профессиональные союзы, (это Бернштейнъ называетъ хозяйственной демократіей) и черезъ потребительныя товарищества. Съ помощью первыхъ онъ хочетъ уничтожить промышленные барыши, съ помощью послѣднихъ — купеческіе (118 стр.).

Что касается товариществъ и прежде всего производителей товариществъ, то по самому существу своему они среди капиталистическаго хозяйства представляютъ собой настоящее двуполое существо: социализированное въ небольшихъ размѣрахъ

производство при капиталистическомъ обмѣнѣ. Но въ капиталистическомъ хозяйствѣ обмѣнъ господствуетъ надъ производствомъ и вслѣдствіе конкуренціи, вслѣдствіе заинтересованности капитала въ условіяхъ существованія предпріятія, обмѣнъ беспощадно подчиняетъ себѣ производственный процессъ. На практикѣ это выражается въ необходимости, считаясь съ условіями рынка, то возможно болѣе интенсифицировать работу, то сокращать ее, то удлинять, а рабочую силу, опять-таки по условіямъ сбыта товаровъ на рынкѣ, — то притягивать, то выбрасывать на мостовую, однимъ словомъ примѣнять всѣ извѣстные методы, дѣлающіе капиталистическое предпріятіе способнымъ къ конкуренціи. Для рабочихъ производительнаго товарищества вытекаетъ отсюда полная противорѣчій необходимость управлять самими собой вполнѣ абсолютистски, играть по отношенію къ самимъ себѣ роль капиталистическаго предпринимателя. Это противорѣчіе губитъ производительное товарищество, такъ какъ послѣднее или превращается въ обыкновенное капиталистическое предпріятіе, или — въ томъ случаѣ, если интересы рабочихъ сильнѣе — само прекращаетъ свое существованіе.

Эти факты констатируетъ и самъ Бернштейнъ, но онъ ихъ совершенно не понимаетъ, такъ какъ вслѣдъ за госпожей Веббъ-Поттеръ видитъ причину паденія производительныхъ товариществъ въ недостатокѣ „дисциплины“.

Поверхностно и мелко опредѣляется здѣсь тотъ естественный, абсолютистскій режимъ капитала, который конечно сами рабочіе не могутъ добровольно къ себѣ самимъ примѣнить.

Отсюда вытекаетъ, что производительное товарищество только тогда можетъ обезпечить себѣ существованіе въ капиталистическомъ обществѣ, когда оно искусственно освободится отъ законовъ свободной конкуренціи и такимъ образомъ околь-

нымъ путемъ уничтожить таящееся въ немъ противорѣчіе между способомъ производства и способомъ обмѣна. Но достигнуть этого производительное товарищество можетъ только тогда, когда оно заранее обезпечитъ себѣ рынокъ сбыта, опредѣленный кругъ потребителей. Такимъ именно вспомогательнымъ средствомъ служить потребительное общество. Тутъ кроется причина, почему самостоятельныя производительныя товарищества идутъ ко дну, а вовсе не въ различіи союзовъ покупателей отъ союзовъ продавцовъ, какъ думаетъ Оппенгеймеръ. Только потребительное общество можетъ обезпечить существованіе производительныхъ товариществъ.

Но если въ современномъ обществѣ условія существованія производительныхъ товариществъ тѣсно связаны съ потребительными обществами, то отсюда слѣдуетъ, что производительныя товарищества могутъ рассчитывать въ лучшемъ случаѣ только на мѣстный сбытъ немногихъ продуктовъ непосредственнаго потребленія, преимущественно насущныхъ средствъ потребленія. Всѣ важнѣйшія отрасли капиталистическаго производства: текстильная, угольная, металлургическая и нефтяная промышленность, а также машиностроительство, паровозостроительство и кораблестроеніе—уже заранее исключены для потребителей обществъ, а слѣдовательно также и для производительныхъ товариществъ.

Такимъ образомъ, не говоря уже объ ихъ гермафродитномъ характерѣ, производительныя товарищества уже потому не могутъ служить всеобщей социальной реформой, что повсемѣстное проведеніе ея въ жизнь предполагаетъ упраздненіе мірового рынка и распаденіе существующаго мірового хозяйства на маленькія мѣстныя производительныя, обмѣнивающіяся другъ съ другомъ группы. По существу это было бы возвратомъ отъ крупнокапиталистическаго къ средневѣковому товарному хозяйству.

Но и въ границахъ возможнаго для нихъ существованія производительныя товарищества все-же въ современномъ обществѣ по необходимости превращаются въ простыя подвѣски потребительныхъ обществъ, которыя, такимъ образомъ, выступаютъ на первый планъ, какъ главные факторы предполагаемой социалистической реформы. Такимъ образомъ вся эта социалистическая реформа путемъ товариществъ не является борьбой противъ производственнаго капитала, т. е. главнаго ствола капиталистическаго хозяйства,—она превращается въ борьбу противъ торговаго капитала, именно, противъ мелкаго торговаго, посредническаго капитала, т. е. исключительно противъ маленькихъ отростковъ капиталистическаго ствола.

Что касается профессиональныхъ союзовъ, которые, по мнѣнію Бернштейна, съ своей стороны, должны служить средствомъ противъ эксплоатации производственнаго капитала, то мы уже раньше показали, что профессиональные союзы не въ состояніи обезпечить рабочимъ вліяніе на производственный процессъ ни въ отношеніи объема производства, ни въ отношеніи его техники.

Что же касается чисто экономической стороны, „борьбы нормы заработной платы съ нормой прибыли“, какъ Бернштейнъ эту борьбу называетъ, то она, какъ мы уже видѣли, не совершается въ пустомъ пространствѣ, но въ опредѣленныхъ предѣлахъ закона заработной платы; не разрушить, а только осуществить его въ состояніи эта борьба. Это становится яснымъ, если разсмотрѣть этотъ вопросъ съ другой стороны, если проанализировать главныя функции профессиональныхъ союзовъ.

По мнѣнію Бернштейна задачей профессиональныхъ союзовъ въ освободительной борьбѣ рабочаго класса являются агрессивныя дѣйствія противъ прибыли въ промышленности, постепенное раствореніе этой прибыли въ заработной платѣ.

Въ дѣйствительности же профессиональные союзы вовсе не въ состояніи вести агрессивной политики противъ прибыли; для рабочаго класса они служатъ исключительно организованной защитой рабочей силы противъ нападений барыша, обороной рабочаго класса противъ угнетающихъ тенденцій капиталистическаго хозяйства. И это по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, задачей профессиональныхъ союзовъ является воздѣйствовать на рыночное положеніе товара—рабочей силы, организуя ее. Но организация эта постоянно рушится, благодаря процессу пролетаризаціи среднихъ слоевъ, непрерывно доставляющему на рынокъ труда новый „товаръ“. Во-вторыхъ, профессиональные союзы ставятъ своей цѣлью поднять жизненный уровень рабочаго класса, увеличить его долю въ общественномъ богатствѣ, но эта доля, благодаря росту производительности труда, съ неизбежностью естественнаго процесса постоянно понижается. Чтобы понять послѣднее, вовсе не нужно быть марксистомъ, достаточно хоть разъ имѣть въ рукахъ книгу Родбергуса: „Къ освѣщенію соціального вопроса“.

Такимъ образомъ въ двухъ главнѣйшихъ хозяйственныхъ функціяхъ профессиональная борьба, благодаря объективнымъ факторамъ капиталистическаго общества, превращается въ своего рода сизифову работу. Но, конечно, эта сизифова работа неизбежна, если рабочій стремится получить причитающуюся ему по положенію рынка норму заработной платы, если капиталистическій законъ заработной платы долженъ быть осуществленъ, а угнетающая тенденція хозяйственнаго развитія парализована въ своемъ дѣйствіи, или точнѣе, ослаблена. Но чтобы профессиональные союзы могли служить средствомъ постепеннаго сокращенія прибыли въ пользу заработной платы, для этого необходимы, какъ соціальная предпосылка: во-первыхъ, остановка пролетаризаціи среднихъ слоевъ и роста рабочаго класса, во-вторыхъ, пре-

ращеніе роста производительности труда,—въ обоихъ такимъ образомъ случаяхъ совершенно такъ же, какъ и при осуществленіи потребительнаго хозяйства — возвратъ къ докапиталистическимъ порядкамъ.

Оба бернштейновскіе пути къ социалистической реформѣ, потребительныя товарищества и профессиональные союзы оказываются, слѣдовательно, совершенно неспособными преобразовать капиталистическій способъ производства. Бернштейнъ, собственно говоря, и самъ смутно это понимаетъ и рассматриваетъ ихъ просто, какъ средство обкарнать капиталистическую прибыль и такимъ способомъ обогатить рабочихъ. Но этимъ самымъ онъ отказывается отъ борьбы съ капиталистическимъ производствомъ и направляетъ социалдемократическое движеніе на борьбу съ капиталистическимъ распределеніемъ. И Бернштейнъ неоднократно формулируетъ свой социализмъ, какъ стремленіе къ „справедливому“, „болѣе справедливому“ (51 стр. его книги), и „еще болѣе справедливому“ („Vorwärts“ 26, III. 1899 г.) распределенію.

Ближайшимъ толчкомъ къ социаль-демократическому движенію, по крайней мѣрѣ у народныхъ массъ, является также, какъ извѣстно, „несправедливое“ распределеніе въ капиталистическомъ строѣ. И борясь за обобществленіе всего хозяйства, социаль-демократія, само собой разумѣется, стремится этимъ самымъ и къ „справедливому“ распределенію общественнаго богатства. Только борьбу свою она направляетъ — благодаря приобрѣтенному отъ Маркса пониманію, что всякое распределеніе является естественнымъ закономѣрнымъ слѣдствіемъ соответствующаго способа производства—не на измѣненіе распределенія въ рамкахъ капиталистическаго производства, но къ уничтоженію самого товарнаго производства. Коротко говоря, социаль-демократія хочетъ добиться социалистическаго распределенія уни-

чтоженіемъ капиталистическаго способа производства, между тѣмъ, какъ планъ Бернштейна совершенно иной: путемъ борьбы съ капиталистическимъ распредѣленіемъ онъ надѣется постепенно ввести социалистическій способъ производства.

Но въ такомъ случаѣ, какъ же можетъ быть обоснована социалистическая реформа Бернштейна? Определенными тенденціями капиталистическаго производства? Ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ, во-первыхъ, Бернштейнъ вѣдь отрицаетъ эти тенденціи, а во-вторыхъ, послѣ всего вышесказаннаго ясно, что желанная форма производства является у него результатомъ, а не причиной соответствующаго распредѣленія. Основа его социализма не можетъ быть поэтому экономическая. Поставивши на голову цѣль и средства социализма, а съ ними и экономическія отношенія, Бернштейнъ не можетъ дать своей программѣ никакого материалистическаго обоснованія, онъ принужденъ перейти къ идеализму.

„Къ чему выведение социализма изъ экономического корня?“. Такой вопросъ задаетъ онъ. „Къ чему это приниженіе разума, правосознанія, воли человека?“ („Vorwärts“, 26—III. 1899). Такимъ образомъ, бернштейновское „болѣе справедливое“ распредѣленіе должно быть осуществлено суверенной, не находящейся на службѣ хозяйственной необходимости, волей людей, или, выражаясь точнѣе, въ силу познанія справедливости, въ силу идеи справедливости, такъ какъ сама воля является простымъ орудіемъ. Здѣсь мы дошли благополучно до принципа справедливости, до этого стараго коняги, на которомъ тысячелѣтія ѣздили добродѣтельнѣйшіе люди въ мірѣ, не имѣвшіе болѣе надежныхъ историческихъ средствъ передвиженія; до принципа справедливости этого худосочнаго Россинанта, на которомъ всѣ Донкихоты исторіи выѣзжали въ поискахъ великой міровой ре-

формы, чтобы въ концѣ-то-концовъ одураченными вернуться ни съ чѣмъ восвояси.

Отношеніе между бѣднымъ и богатымъ какъ общественная основа социализма, „принципъ“ товарищества, какъ его содержаніе, „болѣе справедливое распредѣленіе“, какъ его цѣль, и идея справедливости, какъ единственное его историческое оправданіе, — насколько съ большей силой, большимъ умомъ, большимъ блескомъ защищалъ Вейтлингъ этотъ сортъ социализма свыше 50 лѣтъ тому назадъ! Геніальный портной, во всякомъ случаѣ, не могъ тогда познакомиться съ научнымъ социализмомъ. И если въ настоящее время, послѣ полустолѣтія, взгляды портного Вейтлинга, разорванные анализомъ Маркса и Энгельса на мелкіе лоскуты, вновь благополучно сшиваются и преподносятся нѣмецкому пролетариату, какъ послѣднее слово науки, то такая работа, во всякомъ случаѣ, можетъ принадлежать только портному... но уже не геніальному.

Профессиональные союзы и товарищества (производительныя и потребительныя) составляютъ экономическую опору теоріи Бернштейна. Точно также важнѣйшей ея политической предпосылкой является прогрессивный ростъ демократіи. Нынѣшніе реакціонные выпады суть для Бернштейна только случайныя переходящія судороги, съ которыми нечего считаться при опредѣленіи общей руководящей нити для борьбы рабочаго класса. Но дѣло, конечно, не въ томъ, что Бернштейнъ на основаніи устныхъ и письменныхъ увѣреній своихъ друзей думаетъ о продолжительности реакціи. Какова внутренняя, объективная связь между демократіей и дѣйствительнымъ общественнымъ развитіемъ?

По Бернштейну—демократія является неизбѣжной ступенью въ развитіи современнаго общества. Даже больше того. Демократія для него, совершенно такъ

же, какъ для буржуазнаго теоретика либерализма, есть вообще великій основной законъ общественнаго развитія, осуществленію котораго должны служить всѣ дѣйствующія силы политической жизни. Но въ такой абсолютной формѣ это безусловно не вѣрно. Это не болѣе, какъ мелкобуржуазное, къ тому же поверхностное обобщеніе результатовъ маленькаго уголка общественнаго развитія, за послѣднія 25 — 30 лѣтъ. Если взглянуть поближе въ историческое развитіе демократіи и въ то же время въ политическую исторію капитализма, то получимъ совершенно иной результатъ.

Что касается демократія, то мы находимъ ее въ самыхъ различныхъ общественныхъ формаціяхъ: въ первобытныхъ коммунистическихъ обществахъ, въ античныхъ рабскихъ государствахъ, въ средне-вѣковыхъ городскихъ коммунахъ. Точно также мы встрѣчаемъ и абсолютизмъ и ограниченную монархію въ самыхъ различныхъ хозяйственныхъ взаимоотношеніяхъ. Но капитализмъ въ самомъ началѣ своего развитія, какъ товарное производство, вызываетъ къ жизни въ городскихъ общинахъ вполне демократическій строй; позднѣе, въ своей болѣе развитой формѣ, какъ мануфактура, онъ находитъ соотвѣтствующую себѣ политическую форму въ абсолютной монархіи. Наконецъ, какъ вполне развитое промышленное хозяйство, онъ вызываетъ къ жизни попеременно—демократическую республику (1793), абсолютную монархію Наполеона I-го, аристократическую монархію временъ реставраціи (1815—1830), буржуазную конституціонную монархію Луи-Филиппа, опять демократическую республику, опять монархію Наполеона III, наконецъ, въ третій разъ республику, которая, повидимому, теперь переживаетъ предсмертную агонію. Въ Германіи единственное, дѣйствительно, демократическое учрежденіе—всеобщее избирательное право—не есть плодъ буржуазнаго либерализма, но орудіе политическаго сплоченія мелкихъ

государствъ и только постольку имѣетъ значеніе въ развитіи нѣмецкой буржуазіи, вполне удовлетворенной, собственно говоря, полуфеодальной конституціонной монархіей. Въ Россіи капитализмъ превосходно процвѣтаетъ при восточномъ самодержавіи, и буржуазія даже въ намекахъ не жаждетъ демократіи. Въ Австріи всеобщее избирательное право явилось главнымъ образомъ якоремъ спасенія для распадающейся монархіи, и какъ мало связано оно съ настоящей демократіей,—показываетъ господство § 14. Въ Бельгіи, наконецъ, демократическое завоеваніе рабочаго движенія—всеобщее избирательное право—стоитъ въ несомнѣнной связи съ слабостью милитаризма здѣсь, что объясняется своеобразнымъ географическимъ и политическимъ положеніемъ Бельгіи. Всеобщее избирательное право кромѣ того и здѣсь является отвоеваннымъ „кускомъ демократіи“ не черезъ буржуазію, но противъ нея.

Непрерывный ростъ демократіи, являющийся въ глазахъ Бернштейна и свободомыслящихъ буржуа великимъ основнымъ закономъ вообще человѣческой или, по крайней мѣрѣ, современной исторіи, превращается при ближайшемъ разсмотрѣніи въ простую фантазію. Нельзя констатировать никакой внутренней абсолютной связи между капиталистическимъ развитіемъ и демократіей. Политическая форма каждый разъ является результатомъ всей суммы политическихъ факторовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, и въ ихъ границахъ допускаетъ всѣ ступени—отъ абсолютной монархіи вплоть до демократической республики.

Если мы, такимъ образомъ, принуждены отказать отъ всеобщаго историческаго закона развитія демократіи даже въ рамкахъ современнаго общества—и обратимся просто къ современной эпохѣ буржуазной исторіи, то и въ политическомъ положеніи мы также видимъ факторы, ведущіе не къ осуществленію схемы Бернштейна, но скорѣе на-

оборотъ, — къ отказу буржуазнаго общества отъ сдѣланныхъ завоеваній.

Съ одной стороны, демократическія учрежденія, что чрезвычайно важно, уже вполнѣ сыграли свою роль для буржуазнаго развитія. Если раньше они были необходимы для слянія мелкихъ государствъ и образования современныхъ крупныхъ государствъ (Германія, Италія), теперь они сдѣлались лишними; хозяйственное развитіе органически сросло эти государства и перевязка въ видѣ политической демократіи можетъ быть снята безъ опасности для организма буржуазныхъ обществъ.

То же самое относится и къ переустройству всей политически-административной государственной машины изъ феодальнаго или полуфеодальнаго механизма въ капиталистическій. Это переустройство, исторически неразрывно связанное съ демократіей, въ настоящее время настолько достигнуто, что чисто демократическія учрежденія государства, какъ всеобщее избирательное право, республиканская государственная форма, безъ риска могутъ быть отброшены, и администрація, финансы; военное дѣло и т. п. вовсе не должны вернуться отъ этого къ домартовскимъ формамъ.

Если либерализмъ въ этомъ отношеніи сдѣлался для буржуазнаго общества существенно излишнимъ, то, съ другой стороны во многомъ важномъ онъ сталъ препятствіемъ для него. Здѣсь выступаютъ на сцену два фактора, господствующіе надъ всей политической жизнью современныхъ государствъ: міровая политика и рабочее движеніе. И то; и другое только двѣ различныя стороны современной фазы капиталистическаго развитія.

Образованіе міроваго хозяйства обостреніе и расширеніе конкуренціи на міровомъ рынкѣ сдѣлали милитаризмъ и маринизмъ, какъ орудія міровой политики, факторами, дающими тонъ какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни всѣхъ круп-

ныхъ государствъ. Но если міровая политика и милитаризмъ образуютъ восходящую тенденцію современной эпохи, а это безъ сомнѣнія такъ, ибо они связаны съ экономическими потребностями и тенденціями капитализма, — то буржуазная демократія послѣдовательно должна двигаться по нисходящей линіи. Поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи: Сѣвероамериканскіе Штаты со времени испанской войны.

Во Франціи республика обязана своимъ существованіемъ главнымъ образомъ международному политическому положенію, дѣлающему войну пока невозможной.

Случись таковая и оказалась Франція, какъ это, повидимому есть, недостаточной вооруженно для міровой политики, тогда отвѣтомъ на первое пораженіе Франціи на полѣ военныхъ дѣйствій было бы объявленіе монархіи въ Парижѣ. Въ Германіи новѣйшая эра крупныхъ вооруженій (1893) и освященная занятіемъ Kia-Чау міровая политика были тотчасъ же оплачены двумя жертвами со стороны буржуазной демократіи: разложеніемъ партіи свободомыслящихъ и паденіемъ центра.

Если, такимъ образомъ, внѣшняя политика толкаетъ буржуазію въ объятія реакціи, то не въ меньшей степени толкаетъ ее туда же и внутренняя политика — подымающійся рабочій классъ. Бернштейнъ самъ подтверждаетъ это, дѣлая социалистическія стремленія рабочаго класса отвѣтственными за бѣгство либеральной буржуазіи отъ своего знамени. Въ заключеніе онъ совѣтуетъ пролетаріату отбросить свою социалистическую конечную цѣль, чтобы выманить до смерти напуганный либерализмъ изъ мышинной норки реакціи. Но дѣлая жизненнымъ условіемъ и социальной предпосылкой буржуазной демократіи упраздненіе социалистическаго рабочаго движенія, — Бернштейнъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ этимъ, что демократія

противорѣчить внутренней тенденціи развитія современнаго общества въ той же мѣрѣ, въ какой социалистическое рабочее движеніе является прямымъ слѣдствіемъ этой тенденціи.

Но такое разсужденіе доказываетъ и другое. Обусловливая возрожденіе буржуазной демократіи отказомъ рабочаго класса отъ социалистической конечной цѣли, Бернштейнъ самъ показываетъ, какъ мало буржуазная демократія можетъ быть необходимой предпосылкой и необходимымъ условіемъ социалистическаго движенія и социалистической побѣды. Здѣсь бернштейновскія разсужденія сами впадаютъ въ ложный кругъ: послѣдній выводъ „пожираетъ“ свою первую предпосылку.

Выходъ изъ этого круга очень простой: изъ того факта, что буржуазный либерализмъ отъ страха передъ поднимающимся рабочимъ движеніемъ и его конечныхъ цѣлей выдохся, слѣдуетъ только то, что именно социалистическое рабочее движеніе является единственной опорой демократіи и что не судьбы социалистическаго движенія связаны съ буржуазной демократіей, а наоборотъ—судьбы демократическаго развитія связаны съ социалистическимъ движеніемъ; что демократія не въ той мѣрѣ жизнеспособна, въ какой рабочий классъ отказывается отъ своей освободительной борьбы, но наоборотъ—въ той мѣрѣ, въ какой социалистическое движеніе достаточно сильно для борьбы съ реакціонными слѣдствіями міровой политики и буржуазной измѣны своему либеральному знамени; что желающій усиленія демократіи долженъ также желать усиленія, а не ослабленія социалистическаго движенія, и что съ отказомъ отъ социалистическихъ стремленій исчезнетъ какъ рабочее движеніе, такъ и демократія.

Въ концѣ своего отвѣта Каутскому въ „Vorwärts“¹, отъ 26 марта 1899 года Бернштейнъ заявляетъ о своемъ полномъ согласіи съ практической частью программы социаль-демократіи. Онъ только

имѣеть кой-какія возраженія противъ ея теоретической части. Не обращая вниманія на это послѣднее, Бернштейнъ откровенно думаетъ, что онъ можетъ съ полнымъ правомъ идти нога въ ногу въ рядахъ партіи, ибо какое „значеніе“ можно придавать тому, „что въ теоретической части программы находится положеніе, несогласное съ его взглядомъ на ходъ развитія“? Это объясненіе показываетъ въ лучшемъ случаѣ, что Бернштейнъ утерять всякое пониманіе связи практической дѣятельности социаль-демократіи съ общими принципами, что одни и тѣ же слова перестали выражать одно и то же для партіи и для Бернштейна. Въ дѣйствительности, собственныя теоріи Бернштейна, какъ мы видѣли, приводятъ къ тому элементарнѣйшему социаль-демократическому познанію, что безъ принципиальной базы вся практическая борьба дѣлается безцѣнной и безцѣльной, что съ отказомъ отъ конечной цѣли само движеніе должно пойти ко дну.

3. Завоеваніе политической власти.

Судьбы демократіи, какъ мы видѣли, связаны съ судьбами рабочаго движенія. Но дѣлаетъ ли развитіе демократіи излишнимъ или невозможнымъ пролетарскую революцію въ смыслѣ захвата власти въ государствѣ, завоеванія политической власти?

Бернштейнъ рѣшаетъ этотъ вопросъ путемъ тщательнаго взвѣшиванія хорошихъ и плохихъ сторонъ законной реформы и революціи и дѣлаетъ онъ это такъ добродушно, что положительно напоминаетъ намъ взвѣшиваніе въ потребительномъ обществѣ корицы и перцу. Въ законномъ ходѣ развитія онъ видитъ дѣйствіе интеллекта, въ революціонномъ—дѣйствіе чувства; въ реформаторской работѣ—медленный, въ революціи быстрый методъ

исторического прогресса, въ законодательствѣ — планомѣрную, въ переворотѣ элементарную силу (183 стр.)

Это старая исторія, что мелкобуржуазный реформаторъ во всѣхъ явленіяхъ міра видитъ „хорошую“ и „плохую“ сторону и лакомится во всѣхъ цвѣтникахъ. Но такая же старая исторія и то, что дѣйствительный ходъ вещей очень мало заботится о мелкобуржуазныхъ комбинаціяхъ, что тщательно подобранная кучка „хорошихъ сторонъ“ всевозможныхъ явленій міра взлетаетъ на воздухъ одного щелчка въ носъ. Въ дѣйствительности мы видимъ въ исторіи законныя реформы и революціи функционирующими по болѣе глубокимъ причинамъ, чѣмъ положительныя или отрицательныя стороны того или другого явленія. Всегда въ ходѣ исторіи законная реформа служила постепенному усилению поднимающагося класса до тѣхъ поръ, пока онъ не чувствовалъ себя достаточно зрѣлымъ для завоеванія политической власти, для низверженія всей существующей системы права, для постройки новой. Бернштейнъ, мечущій громъ и молніи противъ завоеванія политической власти, какъ бланкистской теоріи насилія, оказывается въ несчастномъ положеніи: то, что въ продолженіе столѣтія является исходнымъ пунктомъ и движущей силой человѣческой исторіи, онъ считаетъ бланкистской ошибкой. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ классовыя общества и классовая борьба образуетъ существенное содержаніе ихъ исторіи, завоеваніе политической власти было въ такой же степени цѣлью всѣхъ поднимающихся классовъ, какъ и исходнымъ и конечнымъ пунктомъ каждаго историческаго періода. Мы видимъ это въ долгой борьбѣ крестьянства съ денежными капиталистами въ древнемъ Римѣ, въ борьбѣ патриціевъ съ епископами и ремесленниковъ съ патриціями въ средне-вѣковыхъ городахъ, въ борьбѣ буржуазіи съ феодализмомъ въ новое время.

Законодательство и революція суть, такимъ образомъ, не различные методы историческаго прогресса, которые можно выбирать въ буфетѣ исторіи по желанію, какъ холодную или горячую закуску, а различные моменты въ развитіи классового общества, обусловливающіе и дополняющіе другъ друга, но въ то же время и взаимно исключяющіе, какъ, на примѣръ, сѣверный и южный полюсы, буржуазія и пролетаріатъ.

И каждая законная конституція есть продуктъ революціи. Въ то время какъ революція есть творческій политическій актъ классовой исторіи, законодательство есть политическое прозябаніе общества. Законная реформаторская работа не содержитъ въ себѣ никакой собственной, независимой отъ революціи двигающей силы. Въ каждый историческій періодъ эта работа подвигается только въ той линіи и такъ долго, поскольку дѣйствуетъ въ ней данный ей послѣднимъ переворотомъ толчекъ, или, конкретно выражаясь, только въ рамкахъ общественной формаціи, вызванной къ жизни послѣднимъ переворотомъ.

Въ этомъ, именно, и заключается корень вопроса. Исторически совершенно невѣрно и неправильно представлять себѣ закономѣрную реформаторскую работу просто какъ растянутую вширь революцію, а революцію — какъ конденсированную реформу. Соціальный переворотъ и законная реформа суть различные моменты не по длительности своей, а по существу. Весь именно секретъ историческихъ переворотовъ заключается въ переходѣ простыхъ количественныхъ измѣненій въ новое качество, конкретно говоря, въ переходѣ одного историческаго періода, одного общественнаго строя въ другой.

Поэтому, кто высказывается за законный путь реформъ, вмѣсто или въ противоположность завоеванія политической власти и общественнаго

переворота, тотъ выбираетъ въ дѣйствительности не болѣе спокойный, болѣе увѣренный, болѣе длинный путь къ той же цѣли, но также и другую цѣль: вмѣсто осуществленія новаго общественнаго строя исключительно количественныя измѣненія въ старомъ. Такимъ образомъ, мы отъ политическихъ взглядовъ Бернштейна приходимъ къ тому же выводу, что и отъ экономическихъ его теорій: взятые въ основѣ своей, они имѣютъ въ виду не осуществленіе социалистическаго строя, а только реформированіе капиталистическаго, не уничтоженіе системы наемнаго труда, но только большую или меньшую эксплоатацію его, однимъ словомъ—уничтоженіе капиталистическихъ наростовъ, а не самого капитализма.

Но можетъ быть вышеупомянутыя положенія о функцияхъ законной реформы и революціи правильны только въ отношеніи классовой борьбы, существовавшей до настоящаго времени? Быть можетъ отнынѣ, благодаря существованію системы буржуазнаго права, законная реформа въ состояніи перевести общество изъ одной исторической фазы въ другую, а захватъ государственной власти пролетаріатомъ „сдѣлался безсодержательной фразой“ (стр. 183)?

Дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Что отличаетъ буржуазное общество отъ болѣе раннихъ классовыхъ обществъ — античныхъ и средне-вѣковыхъ? Именно то обстоятельство, что классовое господство покоится теперь не на „приобрѣтенныхъ правахъ“, а на фактическихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, что система наемнаго рабства—это не правовое отношеніе, а чисто экономическое. Во всей нашей системѣ права нельзя найти ни одной законной формулы нынѣшняго классового господства. Если имѣются слѣды этого, какъ, напримеръ, „законы о челяди“—то это не болѣе, какъ пережитки феодальныхъ отношеній.

Какъ же постепенно „законнымъ путемъ“ уничтожить наемное рабство, когда оно вовсе не выражено въ законахъ? Бернштейнъ, берущійся за законную реформаторскую работу, чтобы прикончить этимъ путемъ съ капитализмомъ, попадаетъ въ положеніе русскаго полицейскаго у Успенскаго, рассказывающаго о своемъ приключеніи: „...Быстро схватилъ я парня за шиворотъ и что оказалось? Что проклятый паренъ не имѣлъ никакого шиворота!“... То-то и есть.

„Всякое общество, существовавшее до сихъ поръ, покоилось на противоположности угнетенныхъ классовъ и угнетающихъ“ („Коммунистическій манифестъ“, стр. 17). Въ предыдущихъ фазахъ современнаго общества эта противоположность была выражена въ опредѣленныхъ правовыхъ отношеніяхъ, и она могла поэтому до извѣстной степени давать мѣсто новымъ отношеніямъ въ рамкахъ старыхъ. „Крѣпостной сдѣлался сочленомъ общины въ періодъ крѣпостнаго права“ („Ком. манифестъ“, стр. 17). Какимъ образомъ? Посредствомъ постепеннаго уничтоженія въ городскомъ округѣ всѣхъ тѣхъ „колючекъ“ въ правѣ: барщины, права на одежду, на лучшую голову скота, подушной подати, принудительной женитьбы, и т. д., и т. д., совокупность чего составляло крѣпостное право.

Такимъ-то образомъ „мелкій мѣщанинъ и превратился въ буржуа подъ гнетомъ феодальнаго абсолютизма“. Какимъ путемъ? Частичнымъ формальнымъ уничтоженіемъ или фактическимъ прекращеніемъ дѣйствія цеховыхъ цѣпей, постепеннымъ преобразованиемъ въ самомъ необходимомъ объемѣ управленія финансами и военнымъ дѣломъ.

Если обсуждать этотъ вопросъ абстрактно, а не исторически, то при прежнихъ классовыхъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ мысленно можно

себѣ представить чисто законный, реформаторскій переходъ отъ феодальнаго общества къ буржуазному. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что законныя реформы и тамъ не дѣлали захватъ политической власти буржуазіей излишнимъ, но, наоборотъ, готовили его, содѣйствовали ему... Настоящій социальнo-политическій переворотъ былъ необходимъ какъ для уничтоженія крѣпостнаго права, такъ и для упраздненія феодализма.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ настоящее время. Не закономъ какимъ-либо пролетаріатъ вынужденъ впрягаться въ ярмо капитализма, а нуждой, отсутствіемъ средствъ производства. Но никакой законъ въ мірѣ не можетъ декретировать пролетаріату въ рамкахъ буржуазнаго общества этихъ средствъ, потому что ограбленъ онъ былъ не благодаря закону, но благодаря экономическому развитію.

Далѣе, эксплуатация въ условіяхъ заработной платы также покоится не на законѣ; высота заработной платы опредѣляется не закономъ, а экономическими факторами. И самый фактъ эксплуатации покоится не на постановленіяхъ закона, а на чисто хозяйственномъ фактѣ: рабочая сила выступаетъ, какъ товаръ, который, между прочимъ, обладаетъ той пріятной особенностью, что производитъ цѣнности и именно больше цѣнностей, чѣмъ самъ потребляетъ. Однимъ словомъ, всѣ основныя отношенія капиталистическаго классового господства потому не могутъ быть преобразованы путемъ законныхъ реформъ на буржуазной основѣ, что отношенія эти не созданы буржуазными законами, но получили отъ нихъ свое выраженіе. Бернштейнъ, ратуя за социалистическую „реформу“, не знаетъ этого, но, тѣмъ не менѣе онъ и самъ говоритъ то же самое; на стр. 10-й его книги мы находимъ такое мѣсто: „Экономическій мотивъ въ настоящее время открыто выступаетъ тамъ, гдѣ онъ раньше былъ прикрытъ отношеніями господства и различнаго рода идеологіями“.

Но нужно обратить вниманіе еще вотъ на что. Капиталистическій строй имѣетъ другую особенность. Въ немъ всѣ элементы будущаго общества въ своемъ развитіи принимаютъ сперва форму, не приближающую ихъ къ социализму, а наоборотъ, удаляющую ихъ отъ него. Производство все болѣе принимаетъ общественный характеръ. Но въ какой формѣ? Въ формѣ акціонерныхъ компаній, перехода въ собственность государства картелей, гдѣ капиталистическія противорѣчія, эксплуатация, порабощеніе рабочей силы достигаютъ своего высшаго развитія.

Развитіе военнаго дѣла ведетъ къ расширенію всеобщей воинской повинности, къ сокращенію срока военной службы. Такимъ образомъ, матеріально мы приближаемся тутъ къ народной милиціи.

Но развитіе принимаетъ форму современнаго милитаризма, въ которомъ классовый характеръ государства и господство надъ народомъ съ помощью милитаризма получаетъ свое самое яркое, самое жестокое выраженіе.

Въ области политическихъ отношеній развитіе демократіи, поскольку оно имѣетъ подъ собой благоприятную почву, ведетъ къ участію всѣхъ слоевъ народа въ политической жизни, до известной степени значить ведетъ къ „народному государству“. Но развитіе это совершается въ формѣ буржуазнаго парламентаризма, въ которомъ классовыя противорѣчія, классовое господство не исчезаютъ, но гораздо сильнѣе развертываются, гораздо сильнѣе обнажаются. Такъ какъ все капиталистическое развитіе вращается такимъ образомъ въ противорѣчійхъ, то для того, чтобы извлечь зерно социалистическаго общества изъ противорѣчащей ему капиталистической оболочки, мы опять приходимъ къ необходимости завоеванія пролетаріатомъ политической власти, къ необходимости полного уничтоженія капиталистической системы.

Бернштейнъ, правда, знаетъ другое средство:

если развитие демократіи ведетъ къ обостренію капиталистическихъ противорѣчій, а не къ ослабленію ихъ, тогда,—отвѣчаетъ онъ намъ,—„соціал-демократія, если она не желаетъ сама себѣ затруднить работу, должна была бы стремиться по возможности разстроить проведеніе соціальныхъ реформъ и расширеніе демократическихъ учреждений“ (71 стр.). Да, это случилось бы тогда, если бы соціал-демократія по мелкобуржуазному образцу находила бы удовольствіе въ выборѣ хорошихъ сторонъ исторіи и отбрасываніи дурныхъ. Только будучи послѣдовательной, она должна была бы тогда „стремиться разстроить“ вообще весь капитализмъ, такъ какъ онъ вѣдь безъ сомнѣнія главное зло, ставя ей на пути къ социализму всякія препятствія. Въ дѣйствительности же капитализмъ, рядомъ съ препятствіями, въ одно время съ ними, даетъ и единственную возможность осуществить социалистическую программу. Но то же самое вполне относится и къ демократіи.

Если демократія, какъ мы показывали на стр. 67 и слѣд., сдѣлалась для буржуазіи частью излишней, частью помѣхой, то зато для рабочаго класса она необходима и незамѣнима. Она необходима, во-первыхъ, потому, что создаетъ политическія формы (самоуправленіе, избирательное право и т. д.), которыя послужатъ точками опоры для пролетаріата при преобразованіи имъ буржуазнаго общества. Но она незамѣнима для него еще и потому, что только въ ней, въ борьбѣ за демократію, въ использованіи своихъ правъ пролетаріатъ приходитъ къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и своихъ историческихъ задачъ.

Однимъ словомъ, демократія нужна не потому, что она дѣлаетъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ излишнимъ, а наоборотъ—потому, что этотъ захватъ власти она дѣлаетъ столь же

необходимымъ, какъ и возможнымъ. Если Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи“ пересматривалъ тактику современнаго рабочаго движенія и противопоставлялъ баррикадамъ легальную борьбу, то разсматривалъ онъ тутъ — что ясно изъ каждой строчки предисловія — не окончательное завоеваніе политической власти пролетаріатомъ, а его настоящую повседневную борьбу, не позицію противъ капиталистическаго государства въ моментъ захвата государственной власти, но его позицію въ рамкахъ капиталистическаго государства. Однимъ словомъ, Энгельсъ далъ руководящую нить подчиненному пролетаріату, а не побѣдоносному.

Наоборотъ, извѣстное изреченіе Маркса по земельному вопросу въ Англійи, на которое также ссылается Бернштейнъ, — „вѣроятно, выгоднѣе будетъ выкупить лэндлордовъ“, — относится не къ позиціи пролетаріата передъ его побѣдой, но послѣ нея. Ясно, что о „выкупѣ“ господствующихъ классовъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда рабочій классъ стоитъ у власти. Марксъ тутъ принималъ во вниманіе, какъ возможное, мирный ходъ пролетарской диктатуры, а не замѣну диктатуры капиталистической соціальной реформой.

Самая же необходимость захвата пролетаріатомъ политической власти была всегда какъ для Маркса, такъ и для Энгельса внѣ сомнѣнія. А на долю Бернштейна досталось считать курятникъ буржуазнаго парламентаризма призваннымъ органомъ, черезъ который долженъ совершиться величайшій міровой переворотъ: переходъ общества изъ капиталистическихъ формъ въ социалистическія.

Но вѣдь Бернштейнъ началъ изложеніе своей теоріи съ опасливаго предостереженія, какъ бы пролета-

ріать не сталъ слишкомъ рано у кормила власти! Въ такомъ случаѣ, по Бернштейну, пролетаріату пришлось бы оставить буржуазные порядки такими, каковы они есть, а самому испытать страшное пораженіе. Что прежде всего бросается въ глаза въ этомъ опасеніи, это то, что теорія Бернштейна даетъ только одно „практическое“ указаніе пролетаріату, въ случаѣ, если бы онъ обстоятельствами былъ бы приведенъ къ кормилу власти: лечь спать. Но этимъ самымъ теорія Бернштейна осуждаетъ пролетаріатъ въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ его борьбы на бездѣтельность, на пассивную измѣну своему собственному дѣлу.

Въ дѣйствительности вся наша программа была бы жалкимъ лоскутомъ бумаги, если бы она не была въ состояніи служить намъ во всѣхъ комбинаціяхъ и во всѣ моменты борьбы и именно примѣненіемъ ея къ жизни, а не непримѣненіемъ. Дѣйствительно! Если наша программа является формулировкой историческаго развитія общества отъ капитализма къ социализму, тогда ясно, что она должна формулировать и всѣ переходныя фазы этого развитія, должна заключать въ себѣ ихъ главныя черты, а слѣдовательно должна сумѣть въ каждый моментъ указать соответствующую позицію для приближенія къ социализму. Изъ этого слѣдуетъ, что для пролетаріата вообще не можетъ быть такого момента, когда онъ былъ бы принужденъ бросить свою программу на произволъ судьбы или когда бы программа его оставила...

Практически это выражается въ томъ фактѣ, что не можетъ быть никогда момента, когда пролетаріатъ, ходомъ вещей пришедшій къ власти, не былъ бы въ состояніи да не обязанъ былъ бы найти средства для осуществленія своей программы, найти переходныя мѣры въ социалистическомъ духѣ. За утвержденіемъ, что социалистическая программа могла бы въ какой-нибудь моментъ политическаго

господства пролетаріата совершенно измѣнить ему и не дать никакихъ указаній для своего осуществленія, — скрывается другое утвержденіе: социалистическая программа вообще и всегда неосуществима.

Когда переходныя мѣропріятія являются слишкомъ ранними? Этотъ вопросъ таитъ въ себѣ цѣлый клубокъ невѣроятныхъ представленій относительно дѣйствительнаго хода социальнихъ переворотовъ.

Захватъ государственной власти пролетаріатомъ, т. е. большинствомъ народа, прежде всего не можетъ произойти искусственнымъ путемъ. Если вычеркнуть тѣ случаи, когда господство пролетаріата, какъ это было въ парижской коммунѣ, явится не слѣдствіемъ его сознательной планомѣрной борьбы, а результатомъ оставленія „господами“ народнаго добра, то предпосылкой захвата пролетаріатомъ государственной власти является определенная ступень зрѣлости экономическихъ и политическихъ отношеній. Здѣсь лежитъ основное различіе между бланкистскими государственными переворотами „рѣшительнаго меньшинства“, переворотами, которые всякій разъ являются внезапно и именно потому всегда несвоевременно, — и завоеваніемъ государственной власти сильной сознающей свои классовые интересы народной массой, которая сама является продуктомъ начавшагося социальнаго крушенія буржуазнаго общества и потому въ самой себѣ несетъ экономическое и политическое оправданіе своего своевременнаго появленія.

Поэтому, если съ точки зрѣнія общественныхъ предпосылокъ завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ не можетъ случиться „слишкомъ рано“, то, съ другой стороны, съ точки зрѣнія политическаго эффекта—укрѣпленія за собой власти, оно необходимо должно произойти „слишкомъ рано“. Преждевременная революція, не дающая Бернштейну спать, виситъ надъ нами какъ Дамокловъ

мечъ и противъ этого не помогутъ ни просьбы, ни молитвы, ни слезы, ни предосторожности. И по двумъ очень простымъ основаніямъ.

Прежде всего такой могучій переворотъ, какъ превращеніе общества изъ капиталистическаго въ социалистическое, не можетъ быть произведенъ однимъ ударомъ, однимъ побѣдоноснымъ натискомъ пролетаріата. Считать это возможнымъ значить снова вытянуть на свѣтъ Божій чисто бланкистскіе взгляды. Социалистическіе перевороты предполагаютъ долгую и упорную борьбу, во время которой пролетаріатъ, судя по всѣмъ признакамъ, будетъ не разъ отброшенъ, такъ что въ первый разъ съ точки зрѣнія конечнаго результата всей борьбы, пролетаріатъ неизбѣжно придетъ къ власти „слишкомъ рано“.

Но, во-вторыхъ, еще и потому нельзя избѣжать „слишкомъ ранняго“ захвата государственной власти, что эти „ранніе“ удары пролетаріата сами являются чрезвычайно важнымъ факторомъ, создающимъ политическія условія окончательной побѣды и опредѣляющимъ время этой побѣды. Съ этой точки зрѣнія само понятіе слишкомъ ранняго завоеванія политической власти рабочимъ народомъ есть политическая нелѣпость, имѣющая своимъ источникомъ представленіе о механическомъ развитіи общества, намѣчающая опредѣленный срокъ для побѣды классовой борьбы внѣ классовой борьбы, независимо отъ нея.

Такъ какъ пролетаріатъ иначе не можетъ завоевать государственную власть, какъ „слишкомъ рано“, или другими словами, такъ какъ онъ ее неизбѣжно когда-нибудь долженъ взять въ руки „слишкомъ рано“, чтобы, наконецъ, завоевать ее окончательно, то оппозиція противъ „слишкомъ ранняго“ захвата власти есть ничто иное, какъ оппозиція противъ самаго стремленія пролетаріата овладѣть государственной властью.

Такимъ образомъ, подходя и съ этой стороны къ теоріи Бернштейна, мы приходимъ къ тому же результату: бернштейновскіе взгляды упраздняютъ не только конечную цѣль, но и все движеніе. Его предложеніе социаль-демократіи, чтобы она въ случаѣ завоеванія власти „ложилась спать“, тождественно съ другимъ: ложиться теперь же спать, т. е. иными словами отказаться отъ классовой борьбы.

4. Социальный переворотъ.

Бернштейнъ началъ свой пересмотръ социаль-демократической программы съ отказа отъ теоріи крушенія капитализма. Но такъ какъ крушеніе буржуазнаго общества является краеугольнымъ камнемъ научнаго социализма, то удаленіе этого краеугольнаго камня должно было логически повести къ крушенію всего социалистическаго міровоззрѣнія Бернштейна. И дѣйствительно: въ ходѣ дебатовъ Бернштейнъ, чтобы отстоять свое первое обобщеніе, сдаетъ одну позицію социализма за другой.

Безъ крушенія капитализма экспроприация класса капиталистовъ невозможна. Бернштейнъ отказывается отъ экспроприации и цѣлью рабочаго движенія выставляетъ постепенное проведеніе въ жизнь „принципа товарищества“.

Но идея „товарищества“ не можетъ быть осуществлена въ капиталистическомъ строѣ. Бернштейнъ отказывается отъ обобществленія производства и приходитъ къ реформѣ торговли, къ потребительнымъ обществамъ.

Но преобразование существующаго строя путемъ потребительныхъ обществъ, даже если прибавить сюда профессиональные союзы, — не мирится съ дѣйствительнымъ матеріальнымъ развитіемъ капита-

листического общества. Бернштейн отбрасывает поэтому материалистическое понимание истории.

Но его понимание хода экономического развития не мирится с марксовой теорией прибавочной ценности. Бернштейн отказывается от теории прибавочной ценности и закона ценности и, таким образом, отбрасывает всю экономическую теорию Карла Маркса.

Но пролетарская классовая борьба не может вестись в современном обществе без определенной конечной цели и без экономической основы. Бернштейн отказывается от классовой борьбы и провозглашает примирение с буржуазным либерализмом.

Но в классовом обществе классовая борьба есть неизбежное, естественное явление, — Бернштейн оспаривает даже самое существование классов в нашем обществе: рабочий класс, по его мнению, есть куча индивидуумов, расчлененная не только политически и духовно, но и экономически. И буржуазия тоже, по его мнению, сплочена политически не благодаря внутренним экономическим интересам, но исключительно благодаря внешнему давлению — сверху или снизу.

Но если не существует никакой экономической почвы для классовой борьбы, если нет и самих классов также, тогда не только невозможна грядущая борьба пролетариата с буржуазией, но и та борьба, что велась до сих пор, да и сама социаль-демократия со всеми ее последствиями является тогда непонятной. Или в существовании социаль-демократии также придется видеть результат политического давления правительства; придется видеть в ней не закономерный результат исторического развития, а случайный продукт гогенцолеровского курса; не законное детище капиталистического общества, а убудок реакции. Логика вынуждает Бернштейна идти от материалистического понима-

ния истории к пониманию ее Франкфрутской и Фоссовой Газетами ¹.

После отказа от всей социалистической критики капиталистического общества остается еще признать существующий строй в общем и целом удовлетворительным. И это не пугает Бернштейна. Он, например, не считает реакцию в Германии в настоящее время сильной.

„В западно-европейских государствах, пишет он, политическая реакция не очень заметна“, „Почти во всех странах Запада позиция буржуазных классов по отношению к социалистическому движению в худшем случае только оборонительная и ни в каком случае не нападающая“ („Vorwärts“, 26—III. 1899).

Рабочие не обнищали, но напротив — их благосостояние все больше растет. Буржуазия в политическом отношении прогрессивна и даже морально здорова, о реакции и угнетении ничего не слышно — и все идет к лучшему в этом лучшем из миров...

Так логически и последовательно Бернштейн доходит от А до Z. Он начал с того, что отказался от конечной цели ради движения. Но так как в действительности никакого социаль-демократического движения не может быть без социалистической конечной цели, то по необходимости Бернштейн кончает отрицанием самого движения.

Все социалистическое мировоззрение Бернштейна разбито. Из гордаго, симметричнаго, чудеснаго здания марксовой системы осталась у него одна только большая куча мусору, в которой нашли себя общую могилу черепки всех систем, осколки мыслей всех великих и маленьких умов: Маркс и Прудон, Леонь

¹ Либеральные органы крупнаго биржеваго капитала.

Бухъ и Францъ Оппенгеймеръ, Фридрихъ Альбертъ Ланге и Кантъ, господинъ Прокоповичъ и докторъ Риттеръ фонъ-Нейпауэръ, Геркнеръ и Шульце-Геверницъ, Лассаль и профессоръ Юліусъ Вольфъ—все внесли свою лепту въ систему Бернштейна. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго! Оставивъ классовую точку зрѣнія, Бернштейнъ потерялъ политическій компасъ. Отказавшись отъ научнаго социализма, онъ потерялъ способность группировать отдѣльные факты въ органическое цѣлое послѣдовательнаго міровоззрѣнія. Склеенная изъ кусочковъ самыхъ разнообразныхъ системъ, теорія Бернштейна кажется на первый взглядъ лишенной всякихъ предразсудковъ. Бернштейнъ вѣдь ничего не хочетъ слышать о партійной, вѣрнѣе, классовой наукѣ, о классовомъ либерализмѣ, классовой морали. Онъ мечтаетъ быть выразителемъ всечеловѣческой, абстрактной науки, абстрактнаго либерализма, абстрактной морали. Но такъ какъ современное общество состоитъ изъ классовъ, съ діаметрально противоположными интересами, стремленіями и взглядами, то всечеловѣческая наука въ социальныхъ вопросахъ, абстрактный либерализмъ, абстрактная мораль являются фантазіей, самообманамъ. То, что Бернштейнъ принимаетъ за свою всечеловѣческую науку, демократію, мораль, есть просто господствующая, т. е. буржуазная наука, буржуазная демократія, буржуазная мораль.

И дѣйствительно! Когда онъ отрекается отъ экономической системы Маркса и клянется ученіями Brentano, Бемъ-Джеворна, Сея, Юліуса Вольфа, — развѣ этимъ самымъ онъ не обмѣниваетъ научное обоснованіе эмансипаціи рабочаго класса на апологію буржуазіи? Когда онъ говоритъ объ общечеловѣческомъ характерѣ либерализма и превращаетъ социализмъ въ его ублюдокъ, — развѣ этимъ самымъ онъ не отнимаетъ у социализма его классовый характеръ, а съ нимъ вмѣстѣ его историческое со-

держаніе и вообще всякое содержаніе. И, наоборотъ, историческую носительницу либерализма—буржуазію развѣ не дѣлаетъ представительницей всечеловѣческихъ интересовъ?

И когда онъ тянетъ къ отвѣту социаль-демократію за „превознесеніе матеріальныхъ факторовъ до всемогущихъ силъ развитія“, за „презрѣніе идеала“, когда онъ восхваляетъ идеализмъ и мораль, но въ то же самое время ратуетъ противъ единственнаго источника моральнаго возрожденія пролетаріата, противъ революціонной классовой борьбы, — развѣ этимъ самымъ не преподноситъ онъ рабочему классу квинтъ-эссенцію буржуазной морали: примиреніе съ существующимъ порядкомъ и перенесеніе надеждъ по ту сторону дѣйствительнаго міра.

Направляя свои самыя острия стрѣлы противъ діалектики, развѣ этимъ самымъ Бернштейнъ не борется съ специфическимъ методомъ мышленія поднимающагося, сознающаго свои классовые интересы пролетаріата; не борется съ мечомъ, который помогъ пролетаріату прорѣзать темногу своего историческаго будущаго, съ духовнымъ оружіемъ, которымъ пролетаріатъ уже побѣдилъ буржуазію, хотя матеріально еще подчиненъ ей,—побѣдилъ, потому что раскрылъ преходящій характеръ ея существованія, доказалъ неизбѣжность своей побѣды, уже совершилъ революцію въ области духа! Распростившись съ діалектикой, усвоивъ вмѣсто нея способъ мышленія непрерывныхъ колебаній: съ одной стороны—съ другой стороны, хотя—но, несмотря—все-таки, болѣе—менѣе, Бернштейнъ неизбѣжно погружается въ исторически обусловленномъ мышленіи падающей буржуазіи, мышленіи, точно отражающемъ ея общественное существованіе и политическую дѣятельность. Каприви-Гогенлоэ, Берлепшъ-Посадовскій, февральскіе указы — каторжный законопроектъ, — съ одной стороны — съ другой стороны, если — но, это политическое мышленіе современной бур-

жуазіи виглядять совершенно такъ же, какъ способъ мышленія Бернштейна, и это мышленіе служить точнымъ и вѣрнымъ симптомомъ его буржуазнаго міровоззрѣнія.

Но и слово „буржуазный“ теперь является для Бернштейна не классовымъ выраженіемъ, а обычнымъ, общественнымъ понятіемъ. Это показываетъ что Бернштейнъ—послѣдовательно до самой точки надъ „і“—промѣнялъ вмѣстѣ съ наукой, политикой и моралью пролетаріата и историческій языкъ его на языкъ буржуазіи. Понимая подъ словомъ „бюргеръ“ безъ различія и буржуа и пролетарія, т. е. по-просту челоуѣка, Бернштейнъ въ дѣйствительности этимъ самымъ отождествляетъ челоуѣка съ буржуа, челоуѣческое общество—съ буржуазнымъ.

Если кто-нибудь въ началѣ дискусіи съ Бернштейномъ еще надѣялся убѣдить его аргументами изъ научнаго арсенала соціалъ-демократіи, надѣялся вернуть его движенію, — тотъ долженъ теперь совершенно оставить эту надежду. Одни и тѣ же слова стали выражать для обѣихъ сторонъ различныя понятія, а тѣ же понятія перестали выражать одни и тѣ же соціальные факты. Дискусія съ Бернштейномъ превратилась въ столкновение двухъ міровоззрѣній, двухъ классовъ, двухъ общественныхъ формъ. Бернштейнъ и соціалъ-демократія стоятъ теперь на совершенно различной почвѣ.

5. Оппортунизмъ въ теоріи и практикѣ.

Книга Бернштейна имѣетъ крупное историческое значеніе для нѣмецкаго и вообще для всего международнаго рабочаго движенія: это первая попытка дать оппортунистическимъ стремленіямъ въ партіи теоретическое обоснованіе.

Уже давно время отъ времени возникали въ

нашемъ движеніи оппортунистическія теченія. Но выпуклость и обобщенность это теченіе приобрѣтаетъ только съ начала девяностыхъ годовъ, со времени паденія закона противъ соціалистовъ и отвоеванія законной почвы для борьбы.

Государственный соціализмъ Фольмара, утвержденіе бюджета баварцами, южно-нѣмецкій аграрный соціализмъ, предложенія Гейне о „компенсаціи“, наконецъ, точка зрѣнія Шиппеля на таможенныя пошлины и милицію—вотъ вѣхи въ развитіи оппортунистической практики.

Что здѣсь прежде всего бросается въ глаза? Враждебное отношеніе къ „теоріи“. И это вполне понятно, такъ какъ наша теорія, т. е. принципы научнаго соціализма, ставятъ очень опредѣленныя границы практической дѣятельности, какъ по отношенію къ цѣлямъ борьбы, такъ и къ ея средствамъ и способамъ. Отсюда у тѣхъ, которые преслѣдуютъ исключительно практическіе результаты, является естественное стремленіе развязать себѣ руки, т. е. оторвать практику отъ „теоріи“, сдѣлать практику независимой отъ теоріи.

Но эта же теорія на голову разбивала каждую практическую попытку оппортунизма: государственный соціализмъ, аграрный соціализмъ, политика компенсаціи, вопросъ о милиціи — являются моментами пораженія оппортунизма.

Ясно, что это теченіе для того, чтобы защитить себя отъ нашихъ принциповъ, послѣдовательно должно было придти къ тому, чтобы отважиться пойти противъ нашей теоріи, противъ нашихъ принциповъ, вмѣсто прежняго ихъ игнорированія; оно должно было попытаться разрушить нашу теорію для того, чтобы сострипать свою. Такой именно попыткой и была Бернштейновская теорія. Поэтому-то на създѣ партіи въ Штуттгартѣ всѣ оппортунистическіе элементы сгруппировались вокругъ знамени Бернштейна. Если оппортунисти-

ческія теченія въ практикѣ представляютъ совершенно естественное явленіе, объясняемое условіями и ходомъ нашей борьбы, то съ другой стороны теорія Бернштейна является не менѣе понятной попыткой дать этимъ теченіямъ общее теоретическое выраженіе, найти для нихъ теоретическія предпосылки и самой, такимъ образомъ, разстаться съ научнымъ социализмомъ. Теорія Бернштейна являлась теоретической пробой для оппортунизма, первой попыткой его научнаго оправданія. Чѣмъ же окончилась эта проба? Мы уже видѣли. Оппортунизмъ не въ состояніи выставить теорію, способную на какую-нибудь критику. Все, что онъ можетъ — это: начать борьбу съ различными отдѣльными положеніями ученія Маркса, а такъ какъ это ученіе является стройнымъ цѣльнымъ зданіемъ, то пытаются разрушить всю систему, начиная съ верхняго этажа до самого фундамента. Отсюда ясно, что оппортунистическая практика въ самомъ существѣ своемъ, въ самыхъ основахъ своихъ не соединяется съ системой Маркса.

Но отсюда также слѣдуетъ и то, что оппортунизмъ вообще не соединимъ съ социализмомъ, что его внутренняя тенденція клонится къ тому, чтобы свернуть рабочее движеніе на буржуазную дорожку, иными словами: — совершенно парализовать пролетарскую классовую борьбу. Правда, пролетарская классовая борьба—исторически—не совпадаетъ съ возникновеніемъ системы Маркса.

И до Маркса, и независимо отъ него существовало и рабочее движеніе, и различныя социалистическія системы. Послѣднія, каждая въ своемъ родѣ вполне соответствовали отношеніямъ своего времени являясь теоретическимъ выраженіемъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса. Обоснованіе социализма путемъ моральныхъ понятій справедливости, борьба не противъ способовъ производства, а противъ способовъ распредѣленія, взглядъ на классовыя противорѣчія какъ на противорѣчіе между бѣдностью и богатствомъ, стремленіе навязать идею „то, варищества“—капиталистическому хозяйству, все то что мы находимъ въ системѣ Бернштейна, уже однажды существовало. И эти теоріи, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, были въ свое время, дѣйствительно, теоріями пролетарской классовой борьбы, онѣ были тѣми огромными дѣтскими башмаками, въ которыхъ пролетаріатъ учился маршировать на исторической аренѣ. Но послѣ того, какъ само развитіе классовой борьбы уже привело къ отказу отъ этихъ теорій и къ формулировкѣ принциповъ научнаго социализма, уже не можетъ болѣе быть — по крайней мѣрѣ въ Германіи — никакого иного социализма, кромѣ марксистскаго, никакой иной социалистической классовой борьбы, кромѣ социаль-демократіи. Теперь социализмъ и марксизмъ, пролетарская освободительная борьба и социаль-демократія — тождественны. Отступленіе къ до-марксистскимъ теоріямъ социализма означаетъ, поэтому, возвратъ не къ огромнымъ „дѣтскимъ башмакамъ“ пролетаріата, а къ малорослымъ, тѣснымъ „туфлямъ“ буржуазіи.

Теорія Бернштейна была первой, но въ то же время послѣдней попыткой дать оппортунизму теоретическое обоснованіе. Мы говоримъ: послѣдней, такъ какъ оппортунизмъ въ системѣ Бернштейна такъ далеко ушелъ и въ отрицательной своей части,—въ отказѣ отъ научнаго социализма, и въ положительной — въ собираніи въ кучу всевозможныхъ теоретическихъ отбросовъ, — что ему, оппортунизму, ничего больше не остается дѣлать. Книгой Бернштейна оппортунизмъ завершилъ свое развитіе, сдѣлалъ послѣдніе свои выводы въ теоріи, совершенно такъ же, какъ позиціей Шиппеля въ вопросѣ о милитаризмѣ оппортунизмъ завершилъ свое развитіе въ области практики.

Ученіе Маркса не только въ состояніи теоретически опровергнуть оппортунизмъ, но оно одно

можетъ объяснить его, какъ историческое явленіе въ процессѣ роста партіи. Историческое шествіе пролетаріата до заключительной побѣды, дѣйствительно, „не является такой простой вещью“. Вся особенность этого движенія лежитъ въ томъ, что здѣсь впервые въ исторіи народныя массы сами и противъ всѣхъ господствующихъ классовъ осуществляютъ свою волю, но въ то же время осуществить ее массы въ состояніи только по ту сторону современнаго общества, черезъ голову его.

Сформировать же эту волю массы могутъ только въ постоянной борьбѣ съ существующимъ строемъ, только въ его рамкахъ. Объединеніе широкихъ народныхъ массъ вокругъ цѣли, выходящей за предѣлы существующаго строя, соединеніе повседневной борьбы съ великой міровой реформой — вотъ великая проблема социаль-демократическаго движенія, которое на всемъ пути своего развитія должно двигаться впередъ между двумя подводными скалами: отказомъ отъ массоваго характера движенія и отказомъ отъ конечной цѣли, превращеніемъ въ секту и паденіемъ до буржуазнаго реформаторскаго движенія, анархизмомъ и оппортунизмомъ.

Марксистское ученіе имѣетъ, правда, уже болѣе полу столѣтія въ своемъ арсеналѣ противоядіе какъ противъ одной, такъ и противъ другой крайности. Но такъ какъ наше движеніе есть массовое движеніе, и опасности, которыя ему угрожаютъ, вытекаютъ не изъ человѣческихъ головъ, а изъ общественныхъ условій, то марксистская теорія не могла предохранить движеніе отъ анархистскихъ и оппортунистическихъ выпадовъ: они должны были сдѣлаться сперва составной частью практики, чтобы затѣмъ само движеніе преодолѣло ихъ, — конечно, съ помощью оружія, даннаго намъ Марксомъ. Меньшую опасность — анархистскую корь — социаль-демократія уже преодолѣла „движеніемъ независи-

мыхъ“. Большую опасность — оппортунистическую водянку, ей приходится преодолевать теперь.

При огромномъ за послѣдніе годы ростѣ движенія вширь, сложности условій, при которыхъ теперь ведется борьба, и сложности поставленныхъ задачъ, неизбѣжно долженъ былъ наступить моментъ скептицизма относительно достиженія великой конечной цѣли, колебаніе въ идейномъ элементѣ движенія. Такъ и не иначе можетъ и должно протекать великое пролетарское движеніе. Моменты унынія и колебанія вовсе не могутъ поражать марксиста, — наоборотъ. Марксъ давно предвидѣлъ и предсказывалъ ихъ. „Буржуазныя революціи“, писалъ Марксъ болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, мчатся быстро отъ побѣды къ побѣдѣ. Ихъ драматическіе эффекты одинъ сильнѣе другого, люди и вещи ярки, какъ брилліанты, экстазь — душа дня. Но революціи эти кратковременны. Лишь только онѣ достигаютъ высшей точки своего развитія, какъ кошачій вой наполняетъ общество. Оно не успѣваетъ даже трезво усвоить результаты своего натиска...

Пролетарскія же революціи, революціи XIX столѣтія, напротивъ того, постоянно критикуютъ самихъ себя, постоянно останавливаются на своемъ пути, возвращаются назадъ, чтобы начать заново, съ презрѣніемъ отвергаютъ половинчатыя и слабыя первыя попытки, сбрасываютъ своего противника, какъ будто для того только, чтобы онъ набрался новыхъ силъ и снова, съ еще большей и большей силой ринулся на нихъ; постоянно съ испугомъ отступаютъ передъ огромностью поставленныхъ цѣлей, пока не создано положеніе, дѣлающее всякое отступление невозможнымъ, когда всѣ отношенія сами кричатъ:

Hic Rhodus, hic salta!

Здѣсь рубиконъ, здѣсь прыгай!

Все это осталось закономъ и послѣ того, какъ,

было создано учение научного социализма. Пролетарское движение, даже в Германии, не сдѣлалось сразу социаль-демократическимъ; оно дѣлается социаль-демократическимъ съ каждымъ днемъ, оно дѣлается таковымъ даже тогда и даже потому, что постоянно преодолеваетъ крайніе анархистскіе и оппортунистическіе выпады, эти моменты (не болѣе того) развитія социаль-демократіи, рассматриваемой какъ процессъ.

Въ виду этого насъ поражаетъ не возникновение оппортунистическаго течения, но гораздо болѣе— его слабость. Пока оно прорвалось только въ отдѣльных фактахъ партійной практики, еще можно было подозрѣвать за нимъ серьезное теоретическое обоснованіе. Но вотъ оно получило свое полное выраженіе въ книгѣ Бернштейна, и всякій долженъ съ изумленіемъ воскликнуть: „Какъ, это все, что вы можете сказать? Ни единого намека на новую мысль! Ни единой мысли, которая уже десятилѣтія тому назадъ не была бы раздавлена, осмѣяна марксизмомъ, превращена имъ въ ничто.“

Достаточно было оппортунизму высказаться, чтобы показать, что онъ ничего не имѣлъ, что сказать. Въ этомъ, именно, и заключается единственное исторически-партійное значеніе книги Бернштейна.

И Бернштейнъ, прощаясь съ методомъ мышленія революціоннаго пролетаріата, съ діалектикой и матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, можетъ только благодарить ихъ за тѣ смягчающія обстоятельства, которыя приносятъ они ему, одобряя его превращеніе. Вѣдь только діалектика и матеріалистическое пониманіе исторіи, по великодушію, свойственному имъ, дѣлаютъ Бернштейна призваннымъ, хотя и безсознательнымъ, орудіемъ, съ помощью котораго пролетаріатъ, стремясь впередъ, олицетворилъ свое собственное мгновенное малодушіе, для того чтобы разглядѣть его при свѣтѣ и съ презрѣніемъ отбросить далеко отъ себя.

Мы сказали: движеніе дѣлается социаль-демократическимъ, когда оно преодолеваетъ тѣ скачки въ сторону, въ область анархизма и оппортунизма, которые по необходимости возникаютъ въ процессѣ роста движенія. Но преодолѣть вовсе не означаетъ спокойно предоставить ходу вещей идти такъ, какъ Богу угодно. Преодолѣть современное оппортунистическое теченіе, значитъ, отбросить его отъ себя.

Бернштейнъ въ своей книгѣ даетъ партіи совѣтъ отважиться казаться тѣмъ, что она есть, т. е. демократически-социалистической партіей реформъ. Партія, въ лицѣ ея высшаго органа — партійнаго съѣзда, должна была бы, по нашему мнѣнію, разсчитаться съ Бернштейномъ за его совѣтъ. Пусть Бернштейнъ и формально называется тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности: мелкобуржуазнымъ демократомъ-прогрессистомъ.

Приложеніе.

Милиція и милитаризмъ ¹.

I.

Не въ первый и, надѣмся, не въ послѣдній разъ изъ рядовъ нашей партіи поднимаются критическіе голоса объ отдѣльныхъ требованіяхъ нашей программы и о нашей тактикѣ. Такое явленіе нельзя не привѣтствовать. Но при этомъ прежде всего является вопросъ: какова эта критика,—понимая подъ этими словами конечно не „тонъ“, о которомъ въ партіи, къ сожалѣнію, сдѣлалось моднымъ при каждомъ удобномъ случаѣ поднимать крикъ, но нѣчто болѣе важное, именно общее основаніе критики, опредѣленное міровозрѣніе, находящее въ критикѣ свое выраженіе.

И дѣйствительно, совершенно опредѣленное соціально-политическое міровозрѣніе лежитъ въ основѣ того крестоваго похода, который Изегримъ-Шиппель предпринялъ въ защиту милитаризма противъ требованія милиціи.

¹ Очеркъ этотъ появился въ „Лейпцигской Народной Газетѣ“ (№№ 42—44 и 47) въ 1899 году, какъ возраженіе на статью Шиппеля (псевдонимъ: Изегримъ) „Былъ ли Фридрихъ Энгельсъ приверженцемъ милиціи?“, помѣщенную въ „Соціалистическомъ ежемѣсячникѣ“ за Ноябрь 1898 г. Тотъ же Шиппель уже подъ своимъ собственнымъ именемъ помѣстилъ статью въ „Neue Zeit“ №№ 19 и 20 за 1898—99 г.: „Фридрихъ Энгельсъ и милиція“. Статья Изегрима, вызвавшая дебаты, какъ извѣстно, заканчивалась словами: Въ концѣ концовъ къ требованію милиціи и партія отнесется такимъ же образомъ: „Прочь съ кашницей, я не нуждаюсь въ ней, изъ картона не кую себѣ меча“...

Чтобы сдѣлать понятной 4-ю главу нашего очерка, мы предпо-
сылаемъ ей отвѣтъ Шиппеля, помѣщенный въ „Лейпцигской Народной Газетѣ“, въ томъ же номерѣ.

Общая точка зрѣнія, изъ которой исходитъ Шиппель въ своей защитѣ милитаризма, есть убѣжденіе въ необходимости этой военной системы. Всѣми возможными аргументами военнотехническаго, соціального и хозяйственнаго характера доказываетъ онъ необходимость постояннаго войска и съ извѣстной точки зрѣнія онъ, во всякомъ случаѣ, правъ. Постоянное войско, милитаризмъ, дѣйствительно необходимы, но для кого? Для нынѣшнихъ господствующихъ классовъ, для нынѣшнихъ правительствъ. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что нынѣшнему правительству и господствующимъ классамъ съ ихъ классовой точки зрѣнія дѣйствительно представляется невозможнымъ и абсурднымъ уничтоженіе постояннаго войска и введеніе милиціи, т. е. народное вооруженіе. И если Шиппель съ своей стороны тоже считаетъ милицію абсурдомъ, то тѣмъ самымъ показываетъ, что и онъ стоитъ въ вопросѣ о милитаризмѣ на буржуазной точкѣ зрѣнія, что этотъ вопросъ онъ разсматриваетъ глазами капиталистическаго правительства или буржуазныхъ классовъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и отдѣльные аргументы его. Шиппель утверждаетъ, что снабженіе всѣхъ гражданъ оружіемъ,—а это основа милиціи,—невозможно потому, что у насъ не хватитъ на это денегъ: „культурныя задачи и такъ уже достаточно страдают“. Ясно, что онъ исходитъ изъ существующаго прусско-нѣмецкаго финансоваго хозяйства. Иного хозяйствованія, чѣмъ микелевское ¹, на примѣръ прогрессивное обложеніе класса капиталистовъ, Шиппель не можетъ себѣ и представить даже въ будущемъ, когда будетъ существовать милиція.

Обученіе юношества военному искусству, — эту другую основу системы милиціи — Шиппель считаетъ нежелательнымъ, такъ какъ унтеръ-офицеры, по

¹ Микель — прусскій министръ финансовъ.

его мнѣнію, будутъ оказывать на молодежь развращающее вліяніе. Опять Шиппель, мы видимъ, имѣетъ въ виду современнаго прусскаго казарменнаго унтеръ-офицера и цѣликомъ переноситъ его въ систему милиціи, какъ воспитателя юношества. Такой способъ мышленія Шиппеля напоминаетъ намъ профессора Юліуса Вольфа, который приводитъ главнымъ возраженіемъ противъ социалистическаго строя то, что въ социалистическомъ обществѣ, по его вычисленію, должно наступить... общее повышеніе процента...

Существующій милитаризмъ Шиппель считаетъ экономически необходимымъ, такъ какъ онъ „облегчаетъ“ обществу экономическій гнетъ. Каутскій всѣчески старается разгадать, какъ могъ социаль-демократъ Шиппель представить себѣ это „облегченіе“ путемъ милитаризма, и при этомъ блестящимъ образомъ опровергаетъ все, что можно усмотрѣть въ этомъ „облегченіи“. Но Шиппель вовсе не разсматривалъ этотъ вопросъ, какъ социаль-демократъ, съ точки зрѣнія рабочаго класса. Когда онъ говоритъ объ „облегченіи“ — ясно, что онъ думалъ при этомъ о капиталѣ. Тогда онъ совершенно правъ: для капитала милитаризмъ представляетъ широкое поле. Съ точки зрѣнія капитала милитаризмъ, дѣйствительно, есть облегченіе. Что Шиппель тутъ выступаетъ, какъ истинный представитель интересовъ капитала, показываетъ то обстоятельство, что въ этомъ пунктѣ онъ нашелъ себѣ достойнаго соратника.

„Я утверждаю, господа, — было сказано въ Рейхстагѣ, во время засѣданія 12-го января 1899 г. — что совершенно ложно мнѣніе, будто два миллиарда имперскаго долга пошли исключительно на непроизводительные расходы, будто расходамъ этимъ не противостоятъ производительныя поступленія. Я утверждаю: нѣтъ болѣе производительныхъ расходовъ, чѣмъ расходы на армію“.

Стенограмма при этомъ добавляетъ: „Смѣхъ слѣва“. Говорившій былъ — баронъ Штуммъ.

Самымъ характернымъ для всѣхъ обобщеній Шиппеля является не то, что они сами по себѣ невѣрны, а то, что основой для нихъ служитъ точка зрѣнія буржуазнаго общества. Поэтому-то съ социаль-демократической точки зрѣнія у Шиппеля выглядятъ все перевернутымъ вверхъ ногами: постоянная армія необходима, милитаризмъ — экономически благотворенъ, милиція непрактична и т. д., и т. д.

Интересно то, что позиція Шиппеля, въ вопросѣ о милитаризмѣ, во всѣхъ главныхъ своихъ пунктахъ вполне соотвѣтствуетъ его позиціи въ другомъ важнѣйшемъ вопросѣ политической борьбы — таможенной политикѣ.

Прежде всего мы видимъ у него рѣшительный отказъ связать ту или другую позицію въ этомъ вопросѣ съ демократіей или реакціей. Утвержденіе, будто свободная торговля тождественна съ прогрессомъ, а таможенная политика, съ реакціей — ложно; такъ значилось у него въ рефератѣ на Штуттгартскомъ конгрессѣ.

Пространныя историческія справки должны были доказать, что отлично можно быть сторонникомъ свободной торговли и въ то же время реакціонеромъ, и, наоборотъ, можно быть защитникомъ покровительственныхъ пошлинъ, оставаясь рьянымъ другомъ демократіи. Почти то же самое слышимъ мы отъ Шиппеля и теперь: „Находятся люди, мечтающіе о милиціи, осуждающіе современную жизнь, построенную на наживѣ и въ то же время желающіе насадить унтеръ-офицерскій духъ во всѣхъ дѣтскихъ школахъ, а вѣдь это несравненно хуже нынѣшняго милитаризма. Но, съ другой стороны, имѣются противники милиціи, являющіеся злѣйшими врагами подобнаго увлеченія милитаризмомъ“.

Изъ того факта, что буржуазные политики

въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, не имѣютъ никакой принципиальной позиціи, что они ведутъ политику момента, социаль-демократъ Шиппель черпаетъ для себя право не видѣть внутренняго реакціоннаго ядра въ покровительственной таможенной политикѣ и въ милитаризмѣ и прогрессивнаго значенія въ свободной торговлѣ и милиціи. Это значитъ — не имѣть никакой принципиальной позиціи въ обоихъ этихъ вопросахъ.

Во-вторыхъ, мы видимъ здѣсь, какъ и тамъ, рядомъ съ оппозиціей противъ частныхъ золь таможенной политики и милитаризма, рѣшительный отказъ бороться съ этими явлениями, какъ таковыми въ цѣломъ. Шиппель на рефератѣ въ Штутгартѣ говорилъ о необходимости бороться противъ отдѣльныхъ чрезмѣрныхъ пошлинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тутъ же дѣлалъ предостереженіе не увлекаться борьбой „во что бы то ни стало“ съ системой таможенныхъ пошлинъ.

Теперь слышимъ мы, что Шиппель, правда, признаетъ значеніе за „парламентской и агитаціонной борьбой противъ конкретныхъ притязаній милитаризма“, но онъ въ то же время предостерегаетъ насъ считать сущностью милитаризма, его ядромъ, „чисто внѣшнія проявленія, побочныя, хотя и бросающіяся въ глаза, его реакціонныя воздѣйствія на остальныя области общественной жизни“.

Въ третьихъ, наконецъ — и это есть основа обѣихъ выше указанныхъ позицій Шиппеля — мы видимъ здѣсь, какъ и тамъ, оцѣнку явленій исключительно съ точки зрѣнія предшествующаго буржуазнаго развитія, т. е. исторически обусловленной прогрессивной стороны ихъ, и полное игнорированіе ихъ дальнѣйшаго развитія, а въ связи съ этимъ и ихъ реакціонной стороны.

Покровительственныя пошлины для Шиппеля

все еще являются тѣмъ же, чѣмъ они были во времена блаженной памяти Фридриха Листа, болѣе полустолѣтія тому назадъ: большимъ прогрессомъ впередъ въ средневѣковой, феодальной, хозяйственной расчлененности Германіи.

Что повсемѣстная свободная торговля является въ настоящее время уже необходимымъ шагомъ впередъ при хозяйственной разобщенности отдѣльныхъ частей мірового хозяйства, и что поэтому національныя таможенныя границы являются реакціей, этого Шиппель не хочетъ знать.

Также обстоитъ дѣло и съ вопросомъ о милитаризмѣ. Шиппель все еще разсматриваетъ милитаризмъ съ точки зрѣнія прогресса, который онъ видитъ въ постоянной арміи на основѣ всеобщей воинской повинности, замѣнившей предшествующія наемныя и феодальныя войска. На этомъ для Шиппеля развитіе остановилось. Исторія для него не идетъ дальше постояннаго войска съ осуществляющейся все болѣе всеобщей воинской повинностью.

Что же означаетъ эта характерная позиція, на которой стоитъ Шиппель въ вопросахъ таможенныхъ пошлинъ и милитаризма? Это — политика отъ случая къ случаю, вмѣсто принципиальной постановки вопроса; это — борьба съ народами таможенной и военной системы, вмѣсто борьбы съ самой системой. А такая политика есть ничто иное, какъ нашъ старый знакомецъ изъ партійной исторіи послѣдняго времени — оппортунизмъ.

И опять „практическая политика“ празднуетъ свой триумфъ въ открытомъ отказѣ Изегримъ-Шиппеля отъ требованія милиціи, этого важнѣйшаго пункта всей нашей программы.

Съ точки зрѣнія партійной политики здѣсь заключается все значеніе выступленія Шиппеля. Только въ связи со всѣмъ этимъ теченіемъ, съ точки зрѣнія общихъ основъ и результатовъ оппортунизма,

можно правильно судити і оцінити ці новішія соціально-демократическія „откровенія“ въ пользу милитаризма.

II.

Существенной чертой оппортунистической политики является то, что она логически приводит къ жертвѣ конечными цѣлями движенія, интересами освобожденія рабочаго класса, ради ближайшихъ, подчасъ мнимыхъ его интересовъ.

Что это положеніе безусловно подходит и къ шиппелевской политикѣ, особенно ярко обнаруживаетъ одна изъ главныхъ его мыслей въ вопросѣ о милитаризмѣ.

Важнѣйшій хозяйственный мотивъ, который принуждаетъ насъ, по мнѣнію Шиппеля, крѣпко держаться системы милитаризма, это — экономическое „облегченіе“ общества чрезъ эту систему. Мы не говоримъ уже о томъ, что это въ высшей степени странное обобщеніе игнорируетъ элементарнѣйшіе хозяйственные факты. Для раскрытія сущности взгляда Шиппеля мы примемъ на время, что это извращенное обобщеніе правильно, — „общество“ дѣйствительно „облегчается“ отъ излишнихъ производительныхъ силъ, благодаря милитаризму.

Какъ отражается это явленіе на рабочемъ классѣ? Постоянное войско оттягиваетъ часть безработной арміи, которая своимъ существованіемъ понижаетъ заработную плату. Выходитъ, что постоянное войско улучшаетъ условія труда. Что это значитъ? Только слѣдующее: чтобы уменьшить предложеніе на рынкѣ труда, чтобы уменьшить конкуренцію, рабочій отдастъ во-первыхъ часть своей заработной платы въ видѣ податей на содержаніе своего конкурента въ качествѣ солдата; во-вторыхъ, онъ создаетъ изъ этого конкурента орудіе, съ помощью котораго капиталистическое государство подавляетъ всѣ его попытки къ улучшенію своего положенія (стачки,

коалиціи и т. д.), а когда нужно — топить эти попытки въ крови и такимъ образомъ разстраиваетъ то самое улучшеніе положенія рабочаго, ради котораго необходимъ, по мнѣнію Шиппеля, милитаризмъ. Въ третьихъ, рабочій дѣлаетъ изъ своего конкурента вѣрнѣйшую опору реакціи, а этимъ опорой и собственнаго соціального порабоженія.

Другими словами: благодаря милитаризму рабочій избѣгаетъ непосредственнаго уменьшенія своей заработной платы, но зато неизмѣримо много теряетъ въ возможности успѣшно бороться за повышение заработной платы, за улучшеніе своего положенія. Онъ пріобрѣтаетъ, какъ продавецъ рабочей силы, но въ то же время теряетъ, какъ гражданинъ, политическую свободу дѣйствій, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ теряетъ и какъ продавецъ своей рабочей силы. Онъ устраняетъ съ рынка труда своего конкурента, чтобы найти въ немъ стража своего наемнаго рабства. Онъ предотвращаетъ паденіе заработной платы, чтобы этимъ самымъ на долгое время ослабить возможность улучшенія своего положенія, чтобы отдалить свое окончательное экономическое, политическое и соціальное освобожденіе. Вотъ въ чемъ заключается хозяйственное облегченіе для рабочаго класса при помощи милитаризма! Здѣсь, какъ и во всѣхъ спекуляціяхъ оппортунистической политики, мы видимъ, какъ великія цѣли соціалистическаго классового освобожденія жертвуются ради мелкихъ практическихъ интересовъ, — интересовъ, которые въ ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются въ сущности очень сомнительными.

Спрашивается: какъ могъ Шиппель придти къ такой абсурдной мысли: объяснять милитаризмъ, какъ „облегченіе“, да притомъ съ точки зрѣнія рабочаго класса? Вспомнимъ, какъ выглядитъ этотъ самый вопросъ съ точки зрѣнія капитала. Мы говорили уже, что милитаризмъ создаетъ для капи-

тала богатѣйшую и необходимѣйшую сферу дѣятельности. Конечно, если бы тѣ средства, которыя, благодаря податной системѣ, идутъ въ руки правительства на содержаніе постоянной арміи, оставались бы въ рукахъ населенія, они увеличили бы спросъ на предметы первой необходимости и на предметы роскоши или даже, оставшись въ рукахъ государства, пошли бы на культурныя цѣли и тѣмъ самымъ подняли бы спросъ на общественный трудъ. Ясно, что для общества въ цѣломъ милитаризмъ вовсе не представляется „облегченіемъ“. Однако, иначе выглядитъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія капиталистическаго барыша, съ точки зрѣнія предпринимателей.

Для капиталистовъ вовсе не все равно—находятъ ли онъ спросъ на свои продукты отъ разрозненныхъ частныхъ покупателей, или покупателемъ ихъ является государство. Спросъ со стороны государства характеризуется положительностью, массовымъ потребленіемъ и благопріятными, большею частью монопольными цѣнами, что дѣлаетъ государство выгоднымъ покупателемъ, а подряды на него—чрезвычайно заманчивыми для капитала.

Но что особенно составляетъ важное преимущество подрядовъ на войско, сравнительно съ государственными расходами на культурныя цѣли (школы, дороги и т. д.), это—непрерывныя техническія преобразования въ военномъ дѣлѣ, непрерывный ростъ расходовъ, что дѣлаетъ милитаризмъ неисчерпаемымъ и все болѣе обильнымъ источникомъ капиталистическихъ барышей, что превращаетъ капиталъ въ социальную силу, противостоящую рабочимъ. Для примѣра назовемъ предпріятія Круппа и Штумма. Милитаризмъ, представляющій для всего общества въ цѣломъ въ экономическомъ отношеніи совершенно бессмысленную огромную растрату производительныхъ силъ,—милитаризмъ, понижающій уровень жизни рабочаго класса для его же социаль-

наго порабощенія, — для класса капиталистовъ образуетъ въ экономическомъ отношеніи незамѣнимое блестящее поле дѣятельности, а въ общественно-политическомъ отношеніи — лучшую опору классового господства. Когда, поэтому, Шиппель этотъ же милитаризмъ на скорую руку объявляетъ необходимымъ экономическимъ „облегченіемъ“ — ясно, что онъ смѣшиваетъ тутъ не только общественные интересы съ интересами капитала и становится такимъ образомъ, какъ мы уже выше говорили, на буржуазную точку зрѣнія; но, признавая, что каждая выгода предпринимателей является въ то же время и выгодой рабочаго класса, онъ тѣмъ самымъ становится на точку зрѣнія гармоніи интересовъ капитала и труда.

Здѣсь мы опять видимъ у Шиппеля ту же самую позицію, какъ и въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ. Желая защитить рабочаго какъ производителя отъ пагубной конкуренціи иностранной промышленности, онъ высказался въ принципѣ за таможенныя пошлины. Здѣсь, совершенно такъ же, какъ и въ вопросѣ о милитаризмѣ, Шиппель видѣлъ только непосредственные хозяйственные интересы рабочаго и проглядывалъ его болѣе широкіе социальныя интересы, связанные съ общественнымъ прогрессомъ, съ свободой торговли, съ уничтоженіемъ постоянной арміи. И здѣсь, какъ тамъ, Шиппель принималъ за хозяйственные интересы рабочаго то, что составляетъ интересы капитала, такъ какъ вѣрилъ, что выгодное для предпринимателей является въ то же время выгоднымъ и для рабочихъ. Пожертвованіе конечными цѣлями движенія ради немедленныхъ практическихъ результатовъ и переоцѣнка практическихъ выгодъ съ точки зрѣнія гармоніи интересовъ капитала и труда — эти два положенія стоятъ въ гармонической связи между собой, они же составляютъ существенную

отличительную черту всякой оппортунистической политики.

Съ перваго взгляда насъ поражаетъ, какимъ образомъ Шиппель, защитникъ этой политики, имѣя своимъ соратникомъ по вопросу о милитаризмѣ барона Штумма, можетъ ссылаться на творца социаль-демократической программы—Фридриха Энгельса, какъ на своего союзника въ этомъ же вопросѣ. Пониманіе исторической необходимости милитаризма и его историческаго развитія — вотъ что-де общаго у Шиппеля и Энгельса. Однако, это показываетъ только то, что какъ раньше плохо переваренная гегелевская діалектика, такъ теперь плохо переваренное марксистское пониманіе исторіи одинаково приводятъ къ большой путаницѣ въ головахъ. Кромѣ того, — діалектическій способъ мышленія вообще и матеріалистическое пониманіе исторіи въ особенности, какъ они ни революціонны въ ихъ правильномъ пониманіи, обнаруживаютъ опасно-реакціонныя послѣдствія, лишь только они неправильно восприняты. Когда читаешь цитаты Шиппеля изъ Энгельса, именно изъ „Анти-Дюринга“, о развитіи системы милитаризма къ его собственному уничтоженію, къ милиціи, то на первый взглядъ кажется неяснымъ: въ чемъ же собственно заключается разница между шиппелевскимъ и общепартійнымъ пониманіемъ вопроса.

Мы разсматриваемъ милитаризмъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть и дѣйствуетъ, какъ естественный, неизбѣжный цвѣтокъ историческаго развитія—Шиппель тоже. Мы утверждаемъ, что милитаризмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи ведетъ къ милиціи—Шиппель тоже. Въ чемъ же собственно заключается разница, приведшая Шиппеля къ его реакціонной оппозиціи противъ требованія милиціи? Разница очень простая: въ то время, какъ мы съ Энгельсомъ видимъ въ собственномъ внутреннемъ развитіи милитаризма въ милицію только пред-

посылки для его уничтоженія, Шиппель думаетъ, что народное ополченіе будущаго вырастетъ само собой, „изнутри“, изъ нынѣшней военной системы. Въ то время, когда мы, опираясь на данныя намъ объективнымъ развитіемъ матеріальныхъ предпосылки—расширеніе всеобщей воинской повинности и сокращеніе срока военной службы,—хотимъ путемъ политической борьбы провести въ жизнь систему милиціи, Шиппель возлагаетъ надежды исключительно на развитіе милитаризма со всѣми его послѣдствіями и клеймитъ всякое сознательное вмѣшательство для осуществленія милиціи, какъ „донкихотство“.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ историческими взглядами не Энгельса, а Бернштейна. Какъ у Бернштейна капиталистическое хозяйство изъ себя, безъ скачковъ, шагъ за шагомъ „вростаетъ“ въ социалистическое, такъ и у Шиппеля изъ современнаго милитаризма само собой вырастаетъ милиція. Какъ Бернштейнъ въ отношеніи капитализма въ цѣломъ, такъ и Шиппель въ отношеніи милитаризма не понимаетъ, что объективное развитіе даетъ намъ только голыя предпосылки высшей ступени развитія, но что безъ нашего сознательнаго вмѣшательства, безъ политической борьбы рабочаго класса за социалистическое переустройство или за милицію ни то, ни другое, никогда не будетъ осуществлено. Но такъ какъ удобное „вростаніе“ превращается такимъ образомъ въ чистую химеру, въ оппортунистическую увертку отъ сознательной революціонной борьбы, то вполне достижимыя и на этомъ пути социальное и политическое переустройство превращаются въ жалкое буржуазное штопанье. Какъ въ теоріи Бернштейна о „постепенной социализаціи“ изъ понятія социализма въ концѣ-концовъ исчезаетъ все, что мы подъ этимъ подразумеваемъ, и социализмъ превращается въ „общественный контроль“, т. е. въ безобидныя буржуазныя реформы, такъ и во взглядахъ Шиппеля „народное ополченіе“ изъ

свободнаго вооруженнаго народа, самостоятельно рѣшающаго вопросы войны и мира, что является нашей цѣлью, превращается во всеобщую воинскую повинность, распространяющуюся на всѣхъ способныхъ носить оружіе гражданъ; постоянное войско сохраняется, сокращается только срокъ службы.

Примѣненные ко всѣмъ цѣлямъ нашей политической борьбы Шиппелевскіе взгляды прямымъ путемъ ведутъ къ отказу отъ всей социаль-демократической программы.

Защита Шиппелемъ милитаризма ярко иллюстрируетъ все оппортунистическое теченіе въ нашей партіи, являясь въ то же время важнымъ шагомъ въ его развитіи. Мы уже и раньше слышали отъ одного социаль-демократическаго депутата—отъ Гейне, что въ извѣстныхъ случаяхъ можно согласиться на военныя ассигновки капиталистическому правительству. Но здѣсь подразумѣвалось просто согласіе ради высшихъ цѣлей демократіи. Пушки должны были у Гейне служить только предметомъ обмена за народныя права. А теперь Шиппель объявляетъ пушки необходимыми сами по себѣ. Если результаты здѣсь, какъ и тамъ, получается одинаковый, а именно—поддержка милитаризма, то она у Гейне покоится, по крайней мѣрѣ, на ложномъ пониманіи социаль-демократическаго способа борьбы, между тѣмъ, какъ у Шиппеля она вытекаетъ просто изъ подмѣна объекта борьбы. Только тамъ вмѣсто социаль-демократической тактики предлагается тактика буржуазная, здѣсь—смѣло выставляется буржуазная программа на мѣсто социаль-демократической.

Въ „скептицизмѣ“ Шиппеля относительно милиціи „практическая политика“ сказала свое послѣднее слово. Дальше по направленію къ реакціи она не можетъ идти—ей остается только наложить свою руку на другіе пункты нашей программы, чтобы окончательно сбросить съ себя остатокъ социаль-

демократической одежды, лоскутами которой она драпировалась, и предстать во всей классической наготѣ, хотя бы въ видѣ—пастора Наумана.

III.

Если бы социаль-демократія была дискуссионнымъ клубомъ по социаль-политическимъ вопросамъ, то послѣ теоретическихъ дебатовъ она могла бы считать инцидентъ съ Шиппелемъ исчерпаннымъ; но такъ какъ социаль-демократія есть боевая политическая партія, то для нея теоретическими доказательствами ложности точки зрѣнія Шиппеля вопросъ еще не разрѣшенъ, а только поставленъ. Опубликованіе Шиппелемъ во всеобщее свѣдѣніе своихъ взглядовъ относительно милиціи не есть только выраженіе опредѣленныхъ мыслей, а является также политическимъ актомъ. Поэтому партія должна отвѣтить не только опроверженіемъ его взгляда, но и опредѣленнымъ политическимъ дѣйствіемъ. И воздѣйствовать партія должна соотвѣтственно силѣ значенія выраженія Шиппеля.

Въ теченіе протекшаго года изъ нашихъ собственныхъ рядовъ шли попытки поколебать почти всѣ положенія социаль-демократіи, служація для нея краеугольными камнями. Эдуардъ Бернштейнъ заявлялъ, что для него конечная цѣль пролетарскаго движенія ничто. Вольфгангъ Гейне своими предложеніями компенсаціи показывалъ, что для него существующая социаль-демократическая тактика въ дѣйствительности ничто. Теперь Шиппель доказываетъ, что онъ поднялся надъ политической программой партіи. Почти всѣ основныя положенія пролетарской борьбы отдѣльными представителями партіи приводились къ нулю. Это представляетъ далеко не отрадную картину. Но всѣмъ этимъ демонстративнымъ заявленіямъ приходится давать различную оцѣнку съ точки зрѣнія интересовъ партіи. Бернштейновская критика нашей теоріи безъ сомнѣнія зловѣщее явленіе.

Однако, практической оппортунизмъ для движениа неизмѣримо опаснѣе. Скептицизмъ относительно конечной цѣли можетъ быть просто сметенъ самимъ движениемъ, поскольку это движение въ своей практической борьбѣ здоровое и крѣпкое. Но лишь только ближайшія цѣли, иначе—сама практическая борьба, ставятся подъ вопросомъ, тогда вся партія—и конечная цѣль ея, и движение—превращается въ „ничто“, и не только въ субъективномъ сознании того и другого партійнаго философа, но и въ объективномъ смыслѣ также.

Нападки Шиппеля имѣютъ въ виду только одинъ пунктъ нашей политической программы. Но этотъ единственный пунктъ, въ виду важнаго значенія милитаризма для существующаго государства, практически является отрицаніемъ всей политической борьбы социаль-демократіи.

Въ милитаризмѣ кристаллизуется власть и господство капиталистическаго государства и класса буржуазіи. И какъ социаль-демократія является единственной партией, которая принципиально борется съ ними, точно также и наоборотъ,—принципиальная борьба съ милитаризмомъ присуща социаль-демократіи, какъ таковой. Отказъ отъ борьбы съ системой милитаризма практически ведетъ къ отказу отъ борьбы вообще съ существующимъ общественнымъ строемъ.

Въ концѣ прошлой главы мы говорили, что оппортунизму остается распространить отношеніе Шиппеля къ милитаризму на другіе пункты программы, чтобы совершенно отречься отъ социаль-демократіи. При этомъ мы думали только о субъективной эволюціи приверженцевъ этой политики. Объективно, по существу, эта эволюція уже нашла себѣ полное выраженіе въ Шиппелѣ.

Въ оппортунистическихъ заявленіяхъ послѣдняго времени, особенно въ выступленіяхъ Шиппеля, заслуживаетъ вниманія еще одна сторона, въ виду симптоматической цѣнности ея.

Это—та игривая легкость, безмятежное спокойствіе и даже легкая грація, съ которой встряхиваются основные принципы, сдѣлавшіеся плотью и кровью каждаго серьезнаго партійнаго товарища. Разрушеніе этихъ принциповъ должно было вызвать у всякаго искренняго социаль-демократа, по крайней мѣрѣ, душевный кризисъ. Не говоря уже обо всемъ другомъ, все это изобличаетъ пониженіе революціоннаго уровня, притупленіе революціоннаго инстинкта,—явленія, которыя сами по себѣ могли бы быть несущественными, но чрезвычайно важны для такой партіи, какъ социаль-демократія, которая пока преслѣдуетъ большею частью не ближайшіе практическіе, а отдаленные идеальные результаты, и которая, по необходимости, поэтому ставитъ большіе запросы къ индивидуальному уровню своихъ членовъ. Гармоническимъ дополненіемъ къ буржуазному способу мышленія является буржуазное чувствованіе.

Значеніе шиппелевскаго заявленія дѣлаетъ необходимымъ соотвѣтствующее контръ-заявленіе партіи. Въ чемъ можетъ и должно состоять это контръ-дѣйствіе? Во-первыхъ, въ томъ, что вся партійная пресса должна занять ясную, недвусмысленную позицію къ этому вопросу; кромѣ того, этотъ же вопросъ долженъ обсуждаться на партійныхъ собраніяхъ. Если партія въ цѣломъ не раздѣляетъ точки зрѣнія Шиппеля, по которой народныя собранія служатъ только затѣмъ, чтобы бросать въ массу, въ видѣ обглоданной кости „боевыя словечки“, для того, чтобы она, эта масса, въ опредѣленный моментъ выбрала въ рейхстагъ „господина политика“,—тогда обсужденіе важнѣйшихъ партійно-политическихъ принциповъ партія не можетъ разсматривать, какъ „благородное кушанье“, предназначенное только для избранныхъ, а не для широкой массы товарищей. Напротивъ того, только дискуссіи въ самыхъ широкихъ кругахъ партіи могутъ предотвратить случайное распространеніе шиппелевскихъ взглядовъ.

Во-вторыхъ, что еще важнѣе, опредѣленную позицію къ этому вопросу должна занять социаль-демократическая фракція. Это ее обязанность—сказать свое руководящее слово въ инцидентѣ съ Шиппелемъ: съ одной стороны, потому, что Шиппель депутатъ и членъ фракціи, а съ другой стороны потому, что поднятый имъ вопросъ является однимъ изъ главныхъ пунктовъ парламентской борьбы. Мы не знаемъ, сдѣлала ли что-нибудь фракція въ этомъ отношеніи или нѣтъ. Такъ какъ сейчасъ, послѣ появленія статьи Изегрима, всѣмъ стало извѣстно, кто скрывался подъ этимъ псевдонимомъ, то, вѣроятно, парламентская фракція не смотрѣла съ скрещенными руками, какъ одинъ изъ ее членовъ предавалъ поруганію ее дѣятельность.

Если же она раньше этого не сдѣлала, то она могла наверстать утерянное послѣ того, какъ Каутскій извлекъ Шиппеля изъ его волчьей шкуры.

Впрочемъ все равно—приняла ли фракція какое-нибудь рѣшеніе относительно инцидента съ Шиппелемъ или нѣтъ, результатъ приблизительно одинъ и тотъ же, пока фракція не довела этотъ инцидентъ до свѣдѣнія всей партіи. Принужденная двигаться по паркетному полу чуждаго ей собственному существу буржуазнаго парламентаризма, социаль-демократія повидимому произвольно и безсознательно восприняла также нѣкоторые нравы парламентаризма, которые не совсѣмъ соотвѣтствуютъ ее демократическому существу. Сюда относится, на примѣръ, по нашему мнѣнію, противопоставленіе фракціи себя, какъ замкнутой корпораціи, не только буржуазнымъ партіямъ, что безусловно необходимо, но и собственной партіи, что можетъ повести за собой самая скверная послѣдствія.

Фракціи буржуазныхъ партій, парламентская борьба которыхъ имѣетъ весьма непривлекательный видъ мѣноваго торга, имѣютъ полное основаніе бояться свѣта гласности. Социаль-демократическая

фракція напротивъ того не имѣетъ ни потребности, ни повода, чтобы разсматривать результаты своихъ обсужденій, какъ свое домашнее дѣло, разъ дѣло идетъ о партійныхъ принципахъ или важныхъ тактическихъ вопросовъ. Разрѣшеніе такихъ вопросовъ въ однихъ только тайныхъ фракціонныхъ засѣданіяхъ было бы только тогда достаточно, если бы мы, какъ буржуазныя партіи, стремились исключительно къ опредѣленному голосованію фракціи въ рейхстагѣ. Но социаль-демократія, для которой парламентская борьба ее фракціи гораздо важнѣе съ чисто агитационной стороны, чѣмъ съ практической, должна интересоваться не формальнымъ рѣшеніемъ большинства фракціи, а дебатами внутри нея, выясненіемъ ею политическаго положенія. Для партіи по крайней мѣрѣ также важно узнать, какъ ее представители думаютъ о парламентскихъ вопросахъ, какъ они о тѣхъ же вопросахъ голосуютъ во всей своей совокупности въ рейхстагѣ. Въ партіи, демократической по существу, отношеніе между избирателями и депутатами ни подъ какимъ видомъ не можетъ считаться исчерпаннымъ актомъ выборовъ и суммарными отчетами на партійныхъ съѣздахъ.

Фракція должна оставаться въ возможно болѣе живой, неразрывной связи съ партійной массой, — и это диктуется закономъ самосохраненія передъ лицомъ оппортунистическихъ теченій, выступающихъ въ послѣднее время наружу, именно среди партійныхъ парламентаріевъ. Открытое мнѣніе фракціи относительно взглядовъ Шиппеля тѣмъ болѣе необходимо, что партія во всей своей массѣ, какъ бы она этого ни хотѣла, не имѣетъ даже физической возможности выступить въ этомъ вопросѣ, какъ цѣлое. Фракція есть опредѣленное политическое представительство всей партіи; своимъ открытымъ выступленіемъ она должна была бы косвенно помочь и партіи занять должную позицію.

Въ третьихъ, наконецъ и партія, какъ та-

ковая, должна сама непосредственно сказать свое слово относительно инцидента съ Шиппелемъ въ единственно-возможной для нея формѣ — на ближайшемъ партійномъ съѣздѣ.

Во время дискуссій въ Штуттгартѣ о статьяхъ Бернштейна говорилось, что партейтагъ не можетъ производить голосованія по теоретическимъ вопросамъ. Теперь въ инцидентѣ съ Шиппелемъ мы имѣемъ передъ собой чисто практической вопросъ. Говорилось, что предложеніе Гейне о „компенсациі“ являлось простой музыкой будущаго, съ которой партіи нечего считаться. Теперь у Шиппеля мы имѣемъ музыку настоящаго. И въ шиппелевской позиціи къ вопросу о милиціи оппортунистическая политика, какъ мы говорили, достигла своего высшаго развитія и ждетъ теперь только суда.

Намъ кажется неотложной задачей партіи — яснымъ и недвусмысленнымъ рѣшеніемъ по достоинству оцѣнить это развитіе.

Партія имѣетъ на это всѣ основанія. Дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о политическомъ представителѣ партіи, который по своему положенію долженъ былъ служить ей мечемъ въ битвѣ, дѣйствія котораго должны были быть плотиною для партіи противъ натиска буржуазнаго государства. Но если эта плотина каждую минуту превращается въ кашицеобразное вещество, а клинокъ въ сраженіи дѣйствуетъ, какъ бумажный, — развѣ партія тогда и съ своей стороны не отвѣтитъ на такую политику:

Fort mit dem Brei¹,
Ich brauch' ihn nicht.
Mit Wapre back' ich kein Schwert!..

* * *

24 февраля 1899 года „Лейпцигская Народная Газета“ получила слѣдующее письмо отъ Шиппеля,

¹ Прочь кашлицу (ерунду), не нужна мнѣ она. Въ картонномъ мечѣ я не нуждаюсь...

составленное имъ послѣ прочтенія первыхъ двухъ главъ нашей статьи:

Любезный другъ Шенланкъ! Я читаю статьи подписью „Г.“ въ „Лейпцигской Народной Газетѣ“ всегда съ большимъ интересомъ — не потому, что я во всемъ могу подѣ ними подписаться: я высоко цѣню пылкую боевую натуру, честныя убѣжденія и возбуждающую діалектику.

Не безъ удивленія слѣжу я и на этотъ разъ за все дальше и все быстрѣе слѣдующими выводами, въ основѣ своей вытекающими изъ одной предпосылки.

„Хозяйственный мотивъ, который насъ заставляетъ, по мнѣнію Шиппеля, держаться системы милитаризма, есть экономическое „облегченіе“ общества, благодаря этой системѣ... Шиппель, исходя изъ положенія о гармоніи интересовъ между трудомъ и капиталомъ, считаетъ милитаризмъ облегченіемъ также и съ точки зрѣнія рабочаго класса...“

Выводы правильны, но предпосылка абсолютно невѣрна. Я заявлялъ въ „Neue Zeit“ исключительно то, что громадныя непроизводительныя затраты — все равно будутъ ли то затраты частныхъ лицъ на безумную роскошь или бессмысленныя глупости, или то будутъ расходы государства на войско, церковь и на всякіе пустяки, — все равно онѣ ослабляютъ лихорадку кризисовъ, которая долго трепала бы общество, страдающее перепроизводствомъ, если бы непроизводительная расточительность не росла бы все болѣе и болѣе, рядомъ съ накопленіемъ для производительныхъ цѣлей. Само собой разумѣется, я этимъ ничуть не одобрялъ мотовство и непроизводительныя затраты, еще менѣе я ихъ требовалъ въ интересахъ рабочаго класса. Я только пытался указать ихъ дѣйствительное, иное, чѣмъ обыкновенно подчеркиваютъ, вліяніе на „современное общество“.

Сначала у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что бы кто-нибудь могъ меня считать защитникомъ „современнаго общества“. Но я все же имѣю за собой нѣкоторый опытъ, къ чему могутъ привести социаль-демократическіе дебаты. И чтобы избѣжать всякаго недоразумѣнія, я въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится у меня о перепроизводствѣ, сдѣлалъ маленькую вставку: „Естественно, это дѣлаетъ мнѣ милитаризмъ не пріятнѣе, но не пріятнѣе“.

По смыслу это значитъ: тѣмъ хуже. Но этотъ избытокъ предосторожности съ моей стороны, повидимому, совсѣмъ не помогъ: „при этомъ остается“ — совсѣмъ такъ, какъ будто бы приходится спорить съ буржуазными женщинами.

Послѣ этого указанія моего я довѣряю искренности „г. “ — сотрудника „Лейпцигской Народной Газеты“, что онъ увидитъ, что занятая имъ дорожка ложна. И что, поэтому, нашъ бѣгъ взапуски изъ-за того, у кого больше пролетарскаго революціоннаго сознанія, долженъ начаться снова.

Вашъ Максъ Шиппель.

IV.

Если товарищъ Шиппель съ изумленіемъ слѣдитъ за выводами, вытекающими изъ одной высказанной имъ мысли, то это только доказываетъ, что взгляды имѣютъ свою логику даже тамъ, гдѣ люди ея не имѣютъ.

Представленное Шиппелемъ возраженіе прежде всего удивительно дополняетъ его мысли объ экономическомъ „облегченіи“ общества черезъ милитаризмъ, сформулированныя имъ въ „Neue Zeit“: рядомъ съ милитаризмомъ появляются теперь также „церкви и всякіе пустяки“, а также „безумная роскошь или бессмысленныя глупости частныхъ лицъ“, какъ экономическое средство облегченія

и избѣжанія кризисовъ. Особый взглядъ о хозяйственной функціи милитаризма расширяется, такимъ образомъ, до общей теоріи, по которой рачительность является коррективомъ капиталистическаго хозяйства. Мы поистинѣ были неправы по отношенію къ барону Штумму, какъ политико-эконому, когда называли его въ первой нашей главѣ соратникомъ Шиппеля. Когда Штуммъ называлъ расходы на армію самыми продуктивными, онъ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ въ виду значеніе милитаризма въ борьбѣ за рынки и въ защитѣ отечественной промышленности. Эта специфическая функція милитаризма совершенно не принимается во вниманіе Шиппелемъ,—онъ видитъ въ немъ просто превосходный способъ предавать уничтоженію опредѣленную массу общественнаго труда. Для Шиппеля милитаризмъ въ экономическомъ отношеніи то же самое, что, на примѣръ, шестьдесятъ собачекъ герцогини Дузе, которыя тоже вѣдь „облегчаютъ“ капиталистическое хозяйство на цѣлый аппартаментъ, нѣсколькихъ слугъ и цѣлый собачій гардеробъ.

Жаль, что товарищъ Шиппель въ калейдоскопичности своихъ политико-экономическихъ симпатій каждый разъ такъ основательно порываетъ съ своими вчерашними взглядами, что отъ нихъ не остается у него ни малѣйшаго воспоминанія. Иначе онъ, какъ бывший послѣдователь Родбертуса, вспомнилъ бы классическія страницы его „Четвертаго социальнаго письма къ Кирхману“, гдѣ его прежній учитель разбираетъ его теперешнюю теорію кризисовъ отъ роскоши. Но эта теорія много старше Родбертуса.

Если мысль о хозяйственномъ облегченіи при помощи милитаризма—по крайней мѣрѣ въ рядахъ социаль-демократіи—и можетъ претендовать на новизну, зато общая теорія о спасительной функціи мотовства для капиталистическаго хозяйства такъ же стара, какъ и сама буржуазная вульгарная экономія.

Хотя вульгарная экономія въ своемъ блужданіи пустила въ оборотъ не одну теорію кризисовъ, однако, та, которой держится теперь Шиппель, принадлежитъ къ самымъ тривіальнымъ. Въ смыслѣ пониманія внутренняго механизма капиталистическаго хозяйства она стоитъ даже ниже теоріи самаго отвратительнаго скомороха вульгарной экономіи — Ж. Б. Сея, по которому перепроизводство есть собственно недопроизводство.

Что является самой общей предпосылкой теоріи Шиппеля? Кризисы происходятъ оттого, что слишкомъ мало потребляется сравнительно со всей массой произведенныхъ благъ. Кризисы могутъ быть задержаны увеличеніемъ потребления внутри общества. Такимъ образомъ, здѣсь капиталистическое происхождение кризисовъ выводится не изъ внутренней тенденции производства обгонять предѣлы рынка, не изъ отсутствія планомѣрности производства, а изъ абсолютнаго несоотвѣтствія между производствомъ и потребленіемъ. Масса благъ капиталистическаго общества здѣсь представляется, такъ сказать, въ видѣ рисовой горы, которую общество должно прогрызть. Чѣмъ больше потребляется, тѣмъ меньше остается непереваренного остатка на экономической совѣсти общества, тѣмъ больше „облегченія“. Это есть абсолютная теорія кризисовъ, которая такъ же связана съ относительной теоріей кризисовъ Маркса, какъ теорія населенія Мальтуса связана съ закономъ относительнаго перенаселенія Маркса.

Но для общества не все равно, кто является потребителемъ.

Если потребление служитъ только для того, чтобы одновременно приводить въ движеніе производство, тогда рисовая гора вновь нарастаетъ: „общество“ ничего не выиграло, лихорадка кризисовъ вновь трясетъ его. Лишь тогда, когда блага поглощаются окончательно, когда они служатъ

предметомъ потребленія людей, которые сами не производятъ, тогда общество, дѣйствительно, вздыхаетъ облегченно, и образованіе кризисовъ затрудняется.

Предприниматель Гинцъ не знаетъ, куда ему сбыть произведенные имъ, т. е. его рабочими, товары. Къ его счастью, другой предприниматель Кунцъ безумно роскошествуетъ и закупаетъ у своего стѣсненнаго коллеги избыточные товары. Но и самъ Кунцъ имѣетъ избытокъ произведенныхъ имъ товаровъ, которые его также отягчаютъ. Къ счастью, и упомянутый нами Гинцъ также безумно роскошествуетъ и съ своей стороны для озабоченнаго Кунца является желаннымъ потребителемъ. Теперь, послѣ счастливо заключенной ими сдѣлки, оба наши предпринимателя озадаченно смотрятъ другъ на друга, и въ обоихъ поднимается крикъ: „Кто изъ насъ сумасшедшій — ты или я?“ А на самомъ дѣлѣ — оба. Ибо чего они достигли операціей по рецепту Шиппеля? Они, правда, по совѣсти помогли другъ другу уничтожить безъ остатка опредѣленную массу благъ. Но увы! — не уничтоженіе матеріальныхъ благъ, но реализація прибавочной цѣнности въ чистое золото, — вотъ что составляетъ цѣль предпринимателей. Въ этомъ отношеніи эта смѣхотворная сдѣлка достигаетъ того же самаго, какъ если бы оба предпринимателя сами безъ остатка проглотили бы, потребовали бы свою излишнюю прибавочную цѣнность.

Это и есть средство смягченія кризисовъ, предлагаемое Шиппелемъ. Вестфальскіе угольные бароны страдаютъ отъ перепроизводства угля? Глупцы! Они должны только сильнѣе отапливать свои дворцы, и угольный рынокъ былъ бы облегченъ. Владѣльцы мраморныхъ копей въ Каррарѣ жалуются на остановку торговли? Они должны только сдѣлать стойла для своихъ лошадей изъ мрамора, и „лихорадка кризисовъ“ въ мраморномъ дѣлѣ тотчасъ прекратится. И лишь только появляется угрожающая туча всеобщаго торговаго кризиса, какъ Шиппель кри-

читать капитализму: „больше устрицъ, больше шампанскаго, больше лакеевъ, больше балеринъ—и вы спасены!“. Мы боимся только, что солидные, пронырливые господа отвѣтятъ ему: „Милостивый государь! Вы считаете насъ глупѣе, чѣмъ мы на самомъ дѣлѣ“.

Эта мудрая экономическая теорія ведетъ еще къ другимъ интереснымъ социально-политическимъ выводамъ. Разъ непроизводительное потребленіе, т. е. потребленіе государства и буржуазныхъ классовъ, является хозяйственнымъ „облегченіемъ“ и противоядіемъ для кризисовъ, тогда въ интересахъ общества и спокойнаго теченія производственнаго цикла, чтобы непроизводительное потребленіе возможно больше расширялось, а производительное возможно больше суживалось; чтобы доля общественнаго богатства, приходящаяся капиталистамъ и государству, была возможно больше, доля же рабочаго народа возможно меньше; барыши и подати возможно выше, заработная плата возможно ниже. Рабочій — это хозяйственная тягость для общества, а собачка герцогини Дузе — хозяйственный спасительный якорь, — вотъ выводы изъ шиппелевской теоріи „облегченія“.

Мы сказали, что теорія эта самая тривиальная изъ вульгарныхъ экономическихъ теорій.

Что составляетъ мѣрило вульгарно-экономической тривиальности?

Сущность вульгарной экономіи состоитъ въ томъ, что явленія капиталистическаго хозяйства она рассматриваетъ не въ ихъ объективной связи, не въ ихъ внутренней сущности, но въ поверхностной расчлененности благодаря законамъ конкуренціи; не черезъ подзорную трубу науки, а черезъ очки отдѣльныхъ группъ буржуазнаго общества.

Но въ зависимости отъ точки зрѣнія заинтересованной группы и картина общества болѣе или менѣе криво отражается въ мозгу политико-эконома.

Чѣмъ ближе послѣдній стоитъ къ подлинному процессу производства, тѣмъ ближе и его взгляды къ истинѣ. А чѣмъ дальше изслѣдователь двигается къ рынку обмѣна, къ области полнаго господства конкуренціи, тѣмъ больше и общество ему представляется перевернутымъ вверхъ ногами.

Теорія кризисовъ Шиппеля, какъ мы показали, совершенно несостоятельна съ точки зрѣнія капиталистовъ, какъ класса. Ея выводъ таковъ: классъ капиталистовъ долженъ самъ потребить избытокъ своихъ продуктовъ. Но и отдѣльный капиталистъ-промышленникъ выслушаетъ эту теорію, пожимая плечами. Баронъ Штуммъ или Гейль слишкомъ умны, чтобы отдаться фантазіи, будто бы ихъ собственная роскошь или роскошь коллегъ можетъ смягчить въ чемъ-либо кризисы. Этотъ взглядъ можетъ найти себѣ откликъ только у капиталиста-купца, вѣрнѣе—у капиталиста-торгаша, въ глазахъ котораго его непосредственные покупатели „большіе господа“ съ ихъ роскошью кажутся ему основой всего хозяйства. Теорія Шиппеля не отражаетъ взглядовъ капиталиста-предпринимателя; она есть непосредственное теоретическое выраженіе точки зрѣнія лавочника.

Взглядъ Шиппеля объ „облегченіи“ общества милитаризмомъ опять показываетъ такъ же, какъ въ свое время разсужденія Эдуарда Бернштейна, что оппортунизмъ, ведя въ политикѣ къ буржуазной точкѣ зрѣнія, въ своихъ экономическихъ предпосылкахъ связанъ съ буржуазно-вульгарной экономіей.

Но Шиппель оспариваетъ наши политическіе выводы изъ его теоріи „облегченія“. Онъ, дескать, говорилъ только объ „облегченіи“ общества, а не рабочаго класса, и для избѣжанія всякихъ недоразумѣній—онъ увѣрялъ насъ, что „это дѣлаетъ для него милитаризмъ не пріятнѣй, но непріятнѣй“. Можно было бы думать, что Шиппель съ точки зрѣнія рабочаго класса считаетъ милитаризмъ хозяйственно-вреднымъ.

Для чего жъ онъ тогда указывалъ на хозяйственное „облегченіе“? Какіе выводы дѣлалъ онъ изъ него для отношенія рабочаго класса къ милитаризму? Вслушаемся: „Конечно, это (хозяйственное облегченіе) дѣлаетъ мнѣ милитаризмъ не пріятнѣе, но тѣмъ непріятнѣе. Только не могу я, исходя изъ этой точки зрѣнія, поддерживать мелко-буржуазные радикальные крики о хозяйственномъ разрушеніи, благодаря непроизводительной тратѣ на войско“...

Такимъ образомъ, взглядъ на экономически разрушительное дѣйствіе милитаризма Шиппель считаетъ мелко-буржуазнымъ, ложнымъ. Для него милитаризмъ, слѣдовательно, не разрушеніе; „участіе въ радикальномъ мелко-буржуазномъ крикѣ“ противъ милитаризма, т. е. борьба противъ него, отвергается. Весь очеркъ его имѣетъ цѣлью доказать рабочему классу необходимость милитаризма.

Что означаетъ передъ лицомъ этого факта его увѣреніе, что милитаризмъ ему поэтому „не пріятнѣе, а непріятнѣе“? Это есть чисто психологическое увѣреніе, что защищаетъ онъ милитаризмъ не съ чувствомъ удовлетворенія, но, наоборотъ, противъ воли, что въ своей оппортунистической политикѣ онъ самъ не находитъ ни капли радости, что сердце его лучше, чѣмъ голова.

Уже поэтому я не могу принять приглашеніе Шиппеля состязаться съ нимъ „въ пролетарски-революціонной сознательности“. Лояльность запрещаетъ мнѣ состязаться съ кѣмъ-нибудь, кто занимаетъ такую неблагоприятную позицію: идя на бѣговую дорожку, стоитъ спиной къ старту.

- № 23. Лиссагарэ. *Исторія Коммуны*, вып. II.
Цѣна 65 коп.
- № 24. Г. Роландъ-Гольстъ. *Всѣобщая стачка и социаль-демократія*.
Цѣна 45 коп.
- № 25. В. Либкнехтъ. *Робертъ Блюмъ и революція 48 года въ Германіи*, вып. I.
Цѣна 40 коп.
- № 26. В. Либкнехтъ. *Робертъ Блюмъ и революція 48 года въ Германіи*, вып. II.
Цѣна 40 коп.
- № 27. В. Зомбартъ. *Политическая экономія промышленности*.
Цѣна 50 коп.
- № 28. А. Менгеръ. *Новое ученіе о нравственности*.
Цѣна 20 коп.
- № 29. Шарль Жидъ. *Соціально-экономическіе итоги XIX столѣтія*.
Цѣна 55 коп.
- № 30. Г. Грейлихъ. *О матеріалистическомъ пониманіи исторіи*.
Цѣна 7 коп.
- № 31. В. Либкнехтъ. *Обоснованіе Эрфуртской программы*.
Цѣна 10 коп.
- № 32. Францъ Мерингъ. *Исторія германской соц.-дем.*; вып. II.
Цѣна 50 коп.
- № 33. *Записки рабочаго*. Съ предисловіемъ П. Гере.
Цѣна 55 коп.
- № 34. Г. Мохъ. *Постоянная армія и милиція*.
Цѣна 55 коп.
- № 35. К. Фроме. *Монархія или республика*.
Цѣна 1 рубль.
- № 36. В. Зомбартъ. *Пролетаріатъ въ Америкѣ*.
Цѣна 30 коп.
- № 37. Эм. Калеръ. *Вильгельмъ Вейтлингъ*.
Цѣна 35 коп.
- № 38. Д-ръ Г. Люкскъ. *Этѣннъ Кабэ и Икарійскій коммунизмъ*.
Цѣна 65 коп.
- № 39. Н. Г. Помяловскій. *Очерки бурсы*.
Цѣна 75 коп.
- № 40. Н. Г. Помяловскій. *Вукозь*.
Цѣна 10 коп.
- № 41. Н. Г. Помяловскій. *Мѣщанское счастье*.
Цѣна 50 коп.
- № 42. Н. Г. Помяловскій. *Молотовъ*.
Цѣна 75 коп.
- № 43. К. Марксъ. *Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта*.
Цѣна 30 коп.
- № 44. Фр. Энгельсъ. *Анти-Дюрингъ*.
Цѣна 1 рубль.
- № 45. Роза Люксембургъ. *Соціальная реформа или революція?*
Цѣна 30 коп.
- № 46. Г. Геккъ. *Интернаціональ*.
Цѣна 80 коп.

Въ прочихъ изданныхъ переплетахъ на 12 коп. дороже.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

новое издание Товарищества „Просвѣщеніе“:

Исторія германской соц.-демократіи.

Сочиненіе Фр. Меринга.

Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія.

Содержаніе: 3

Томъ первый.

Введеніе: Нѣмецкая революція. Западно-европейскій социализмъ. Классовая борьба западно-европейск. пролетаріата.

Современный научный коммунизмъ: Нѣмецкая действительность. Тридцатые годы. Коммунальнѣ полмастерствъ. Рейнская газета.

Томъ второй.

Современный научный коммунизмъ (продолженіе): „Нѣмецко-французскіе Ежегодники“. Марксъ и Энгельсъ. Пролетарскія движенія. Германскій социализмъ. Историческій материализмъ. Союзъ коммунистовъ. Коммунистическій манифестъ.

Томъ третій.

Мартовская революція и ея послѣдствія: Классовая борьба во время нѣмецкой революціи. Фердинандъ Лассаль. Конепъ германской революціи.

Томъ четвертый.

Реакціонныя послѣдствія мартовской революціи: Кельскій процессъ коммунистовъ. 50-ые годы. Успѣхи научнаго коммунизма. Европейскій кризисъ 1859 г. Прусскій конституціонный конфликтъ.

Томъ пятый.

Агитація Лассалья: Лассаль и Лейпцигск. Комитетъ. Тактическій коворетъ Лассалья. Конепъ Лассалья.

Томъ шестой.

Раздоры между фракціями: Международн. Союзъ рабочихъ. Наслѣдники Лассалья Революція сверху. Профессиональные рабочіе союзы въ Германіи. Соціалъ-демократическая рабочая партія.

Томъ седьмой.

Объединеніе партій: Основаніе Германской имперіи и социалъ-демократія. Потоки милліардовъ. Лассальянцы и Эйзеннахцы. Объединительный конгрессъ въ Готѣ. Законъ противъ социалистовъ.

Томъ восьмой.

Подъ дѣйствіемъ закона противъ социалистовъ: Годъ замѣнательства. Новое выступленіе. Вопросъ и отвѣтъ. Научная работа. Битъ и обезахренна приманка. Начало конца. Предсмертная судорога закона о социалистахъ. Девяносто девять дней. Ликвидациа. Съ полтора до трехъ милліоновъ голосовъ. Взглядъ на прошлое и будущее.

8 томовъ, всего около 2.000 страницъ убористаго шрифта

Цѣна по подпискѣ 3 рубля.

Условія подписки:

При подпискѣ вносится 1 руб., и подписчикъ получаетъ первые 2 тома; при полученіи каждаго изъ дальнѣйшихъ 4 том. вносится по 50 коп.; послѣдніе 2 тома выдаются бесплатно.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.